федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

На правах рукописи

Жданов Юрий Александрович

СРАВНИТЕЛЬНАЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УГРОЗ УБИЙСТВОМ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ И ПОКУШЕНИЯ НА УБИЙСТВО

12.00.08 – Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Голик Юрий Владимирович

Елец – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……... 3

Глава I. Уголовно-правовой анализ составов угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушения на убийство….. 16

1.1. Характеристика состава угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в российском уголовном праве…….. 16

1.2. Характеристика состава покушения на убийство в российском уголовном праве……. 43

1.3. Отграничение угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, покушения на убийство от иных смежных составов по российскому уголовному праву…… 68

1.4. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушение на убийство в уголовном праве зарубежных стран…… 87

Глава II. Особенности оценки угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушения на убийство в судебной практике (по материалам Воронежской, Липецкой, Тамбовской областей)……...……... 118

2.1. Особенности правовой оценки элементов и признаков рассматриваемых преступных деяний в судебной практике……. 118

2.2. Особенности разграничения угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушения на убийство с иными уголовно наказуемыми деяниями…….……... 155

2.3. Иные особенности правовой оценки рассматриваемых преступных деяний в судебной практике…… 186

Заключение……. 207

Библиографический список……. 214

Приложения…… 237

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Действующий уголовный закон в Российской Федерации направлен на обеспечение мира и безопасности человечества, защиту охраняемых объектов от совершающихся, а также на предупреждение еще не совершившихся преступных посягательств. Для достижения данных задач законодателем, в числе прочего, определяется перечень деяний, являющихся опасными для объектов (личности, общества или государства), и влекущих применение соразмерных наказания либо иных мер уголовно-правового характера.

Такое положение, чуть дальше по тексту закона трансформируется в признак общественной опасности, отличающий все без исключения действия и бездействия людей, запрет на совершение которых принят и оформлен в качестве обязательных для исполнения норм. Соответственно, мы можем сказать без сомнения: все, что в данный момент времени названо преступлением и преследуется в качестве такового, является опасным для общества и признанных им ценностей. Однако, качество опасности далеко не однородно в системе уголовно-правовых запретов.

Каждое из двух избранных для анализа преступных деяний отличает признак реальной опасности, само указание на который предполагает повышенный уровень внимания к ним. В первом случае признак следует из содержания нормы ч. 1 ст. 119 УК РФ, криминализующей только тот поступок, в отношении которого имелись основания опасаться его осуществления. Во втором случае наличие признака вызвано совместным действием нескольких уголовно-правовых норм, запрещающих начатое посягательство против объекта охраны, не приведшее к причинению ему вреда (но создавшее реальную опасность его причинения).

Нормы Особенной части УК РФ о данных двух преступлениях расположены в одной Главе 16, видовыми объектами которой являются жизнь и здоровье личности. При этом непосредственными объектами угрозы

убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, не могут являться жизнь и здоровье потерпевшего, поскольку они защищены иными нормами в составе главы. Причинение вреда жизни человека охраняется собственно нормой об оконченном убийстве, что предполагает несколько иную сферу действия норм о покушении на убийство. Несомненно и то, что при определении перечня деяний, являющихся преступными, недопустимым является дублирование законодателем уголовно-правовых запретов. Изложенные посылки заставляют задуматься об обнаружении деталей и элементов, позволяющих исключить частичное или полное содержательное смешение двух преступных деяний, совершение которых запрещено разными нормами уголовного закона Российской Федерации.

Исследованию каждого из преступлений посвящено внимание достаточно большого количества ученых. Еще в советский период разработками вопросов об опасных и наказуемых угрозах были заняты Костров Г.К., Кригер Г.Л., Левертова Р.А., Петрунев В.П., Сердюк Л.В., Стерехов Н.В., Ткаченко В.И. Обширная теоретическая база для исследования неоконченных преступлений (включая преступления против жизни) была создана стараниями Бородина С.В., Загородникова Н.И., Караулова В.Ф., Кузнецовой Н.Ф., Пионтковского А.А., Побегайло Э.Ф., Семерневой Н.К., Таганцева Н.С. и других.

Нельзя не отметить и тот факт, что высокий интерес к вопросам криминальной угрозы (и угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в частности) сохраняется в настоящее время на уровне диссертационных исследований. Среди подобных можно назвать работы Абсатарова Х.Х., Данелян Л.В., Крашенинникова А.А., Коростылева О.И., Левина П.Н., Лукьяновой И.В., Мазукова С.Х., Овчинникова М.А., Хабаровой М.В. В отношении неоконченных посягательств отмечаются сопоставимые по объему исследования Анисимова А.А., Иванова В.Д., Жуковой Т.Г., Наумова А.В., Редина М.П., Решетникова А.Ю., Ситниковой А.И., Флетчера Дж., Чернокозинской С.В., иных.

Между тем, обнаружить работы, посвященные совместному рассмотрению угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушений на убийство, не удалось. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что предметному анализу соотношение двух преступных деяний не подвергалось, а также ярко подчеркивает актуальность избранной темы исследования.

Состояние научной разработанности темы. На первый взгляд, каждое из двух отобранных для сравнения преступлений индивидуально и целиком обособлено при помощи комплекса признаков. Одно из них категориально относится к оконченным преступлениям, другое – к неоконченным. Их формальными объектами являются безопасность жизни либо здоровья человека в первом случае, и жизнь человека во втором. Для наказуемых по уголовному закону угроз норма об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью выступает общей, в то время как покушение на убийство является частным случаем наказуемых посягательств, не доведенных до конца по обстоятельствам, не зависящим от виновного лица. Столь очевидная самостоятельность преступных деяний, не предполагает пристального внимания к характеризующим их признакам реальной опасности и действительным непосредственным объектам данных посягательств.

Тем не менее, предпринятое нами исследование основано на достаточной теоретической базе, состоящей из работ Бородина С.В., Загородникова Н.И., Ткаченко В.И., посвященных преступлениям против жизни человека, трудов Караулова В.Ф., Кузнецовой Н.Ф., Таганцева Н.С. о стадиях совершения преступления, работ Кострова Г.К., Левертовой Р.А., Петрунева В.П., содержащих сведения об анализе психического насилия и угроз как в советском, так и в российском уголовном праве.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, складывающиеся в сфере действия правовых норм, предусматривающих наступление уголовной ответственности за совершение

угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушений на убийство.

Предмет исследования составляют теоретические подходы к определению структуры и видовой принадлежности соответствующих составов преступлений, признаки и элементы последних, а также модели совершения преступлений и конкретные уголовно наказуемые деяния, получающие правовую оценку в качестве угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушений на убийство.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является определение самостоятельной роли каждого из двух преступлений, выявление факторов и признаков, способствующих смешению представления о них, а также выработка предложений, направленных на нейтрализацию негативных последствий такого явления.

Сообразно цели исследования были поставлены следующие **задачи:**

- исследовать существующие подходы к определению составов угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушения на убийство в теории уголовного права (в отношении каждого из составов);

- установить элементы и признаки данных составов преступлений, демонстрирующие близкое либо идентичное содержание;

- определить для каждого из двух составов круг смежных с ним, а также уточнить основания их разграничения;

- исследовать зарубежный опыт криминализации аналогичных преступных деяний, обозначить положительные и отрицательные стороны такого опыта;

- исследовать выборку актов судебных органов, содержащих информацию о правовой оценке преступных деяний в соответствии с нормами об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, о покушении на убийство;

- определить количественные и качественные характеристики деяний, представленных в выборке, а также особенности установления в них признаков и элементов рассматриваемых составов преступлений;

- установить модели совершения преступных деяний, зафиксированные в рамках выборки для угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, для покушений на убийство;

- определить круг смежных преступных деяний, в отношении которых в рамках выборки возникнет необходимость разграничения исследуемых угроз и покушений, а также основания такого разграничения;

- рассмотреть иные особенности правовой оценки исследуемых преступных деяний в материалах судебной практики;

- сформулировать предложения по внесению изменений в действующий уголовный закон, направленные на корректировку состава угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью;

- обозначить предложения, направленные на обособление составов угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушения на убийство, а также на решение проблем, возникающих при квалификации деяний в соответствии с ними.

Методологическую основу диссертации составляют логико-правовой, сравнительно-правовой, системно-структурный, статистический методы.

Теоретико-правовая основа исследования. В ходе работы автором использовались труды советских и российских ученых по уголовному праву и криминологии.

Исследованы также Всеобщая декларация прав человека, зарубежные и отечественные уголовно-правовые нормативные акты, федеральные законы РФ, нормативно-правовые акты Правительства РФ, акты федеральных органов исполнительной власти, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Эмпирическую базу исследования составили материалы судебной практики: проанализированы акты, вынесенные судебными органами в

период с 2010 по 2013 годы на территории трех соседствующих регионов Центрального федерального округа России – Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей – по 1037 уголовным делам. Дополнительно изучены иные обзоры и материалы обобщения судебной практики, включая опубликованные Верховным Судом Российской Федерации.

Научная новизна определяется целью и задачами исследования; научным обоснованием существования феномена смешения преступных деяний, криминализованных в соответствии с нормами УК РФ об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и о покушении на убийство. В работе осуществлена разработка проблем, вытекающих из существующих конструкций данных составов преступлений, включая способы установления отдельных их элементов и признаков, «многовариантность» правовых оценок преступных деяний, иных.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Поскольку состав угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью является формальным, создание реальной опасности повреждения жизни либо здоровья не характеризует угрожающее действие. Равно как и само оно не состоит в причинно-следственной связи с возможным повреждением данных объектов. Выражение угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью может иметь лишь обуславливающую связь с преступными деяниями, направленными на повреждение жизни либо здоровья человека. И в этой связи причисление данного состава к составам опасности является ошибочным.

2. Объектом состава угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью являются ограниченные описанием иных элементов данного состава общественные отношения (правоотношения), направленные на охрану свободы волеизъявления человека, в качестве которой следует понимать возможность без постороннего вмешательства, принуждения совершать поступки и принимать решения в соответствии с собственными сознанием и волей.

Подобное содержательное раскрытие объекта основано на природе угрожающего воздействия, базирующегося на страхе и адресующего его потерпевшему. Данная угроза, равно как и иная, направлена на подавление другой личности, формирование такого впечатления, в силу которого адресат связывает возможность наступления для себя неблагоприятных последствий с волеизъявлением постороннего лица (угрожающего), и в этом плане ощущает себя зависимым от него. Подобные действия не основаны на физическом ограничении свободы, и предполагают в первую очередь лишь психический контакт сторон.

3. Сообразно с действительным объектом посягательства нормы о криминальной угрозе должны быть перемещены в Главу 17 УК РФ о преступлениях против свободы, чести и достоинства личности.

При этом необходимо исключить тот принцип, в силу которого непосредственный объект уголовно наказуемой угрозы может быть установлен на основе ее содержания. Его применение, как показано в настоящей работе, стимулирует к выстраиванию структуры данного состава преступления «по аналогии» с составом покушения на убийство.

В этой связи, содержание криминальной угрозы следовало бы расширить за счет угроз совершения в отношении лица любого преступного деяния, что позволит сохранить в силе и действующий запрет на угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

4. Признак реальной опасности угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровья, закрепленный в тексте правовой нормы (ч. 1 ст. 119 УК РФ) оговоркой «если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы», не имеет связи с созданием реальной опасности причинения вреда объекту преступления в будущем.

Данный признак является оценочным и выполняет роль «фильтра», отделяющего общественно опасные (и соответственно – уголовно наказуемые) угрозы от не являющихся таковыми. Ввиду того, что до настоящего времени не выработан четкий подход к определению

общественной опасности угрозы, подобная роль им выполняется весьма неэффективно. Практика применения норм об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью показывает, что их действие распространяется на различные модели совершения преступления: собственно акты выражения угроз, угрозы, сопровождающиеся демонстрацией оружия либо орудий, используемых в качестве оружия, причинением потерпевшему телесных повреждений, иные.

Разработка признака общественной опасности, определяющего криминализацию угрозы, необходима по отношению к иным преступным деяниям, предусмотренным уголовным законом. Основой для этого должна стать четкая позиция о непосредственном объекте угрозы, механизме воздействия на объект и причинении ему вреда. На настоящий момент нерешенность этого вопроса порождает проблемы с применением к угрозе правил поглощения преступлений, в частом распространении действия норм статьи 119 УК РФ не только на формы психического насилия над потерпевшим, но и на формы физического насилия над ним (имея в виду различные варианты правовой оценки угроз, совершенных с применением насилия к потерпевшему), в феномене смешения угроз убийством и покушений на убийство (в силу которого одни и те же преступные деяния могут быть переквалифицированы правоприменителем с покушения на убийство на угрозу убийством).

Решения так же требует и дифференциация степени общественной опасности отдельных проявлений угроз, которые априори не могут быть оценены в рамках одной ч. 1 ст. 119 УК РФ. Принимая во внимание хотя бы наиболее частые их них, перечень квалифицирующих признаков в составе ч. 2 ст. 119 УК РФ стоило бы расширить за счет угроз, сопровождающихся демонстрацией оружия либо предметов, используемых в качестве оружия, совершенных в отношении двух и более лиц, совершенных в отношении родных и близких лиц потерпевшего, из хулиганских побуждений.

5. При выражении угрозы адресант руководствуется двум целями – первичной и вторичной. Вторичная отражает содержание его истинных намерений, первичная – прикрывает цель вторичную, «комуфлирует» ее, и в первую очередь – для адресата.

Объективирование первичной цели в настоящее время тесно связано с признаком реальной опасности угрозы, а также – с ее содержанием: виновный преподает намерение причинить вред жизни либо здоровью как действительное, предпринимает усилия для того, чтобы оно именно так было воспринято потерпевшим. Вторичная цель, в свою очередь, предопределяет направленность посягательства на непосредственный объект охраны, и в содержательном плане представляет собой намерение ограничить волеизъявление человека.

Нынешнему подходу правоприменителя к криминальной угрозе свойственен крайне низкий интерес к установлению действительной (вторичной) цели совершения деяния. Хотя именно данный элемент субъективной стороны угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью позволяет помимо качественной характеристики данного преступления отграничить его также от угрозы, являющейся формой действия при убийстве.

В этой связи, следует ссылкой на цель совершения угрозы дополнить правовую норму, содержащую уголовно-правовой запрет.

6. Предлагаем признать статью 119 УК РФ утратившей силу, а совершение угрозы криминализировать следующими нормами статьи 128.2 УК РФ в авторской редакции:

«Статья 128.2. Угроза совершения преступления.

1.Угроза совершения любого преступления, направленная на ограничение волеизъявления лица, - наказывается …

2. То же деяние, совершенное:

а) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;

б) с демонстрацией оружия либо предметов, используемых в качестве оружия;

в) в отношении 2 и более лиц;

г) в отношении родных и близких лиц потерпевшего;

д) из хулиганских побуждений, - наказывается …».

7. Состав покушения на убийство является составом опасности, поскольку признак реальной опасности причинения вреда характеризует действие в составе объективной стороны преступления, а также сообразуется с действительной охраной жизни человека от опасности причинения вреда.

Данное неоконченное посягательство наказуемо в силу того, что предпринимаемые виновным меры умышленно направлены на причинение смерти человеку. Вне зависимости от того, будут ли последствия таких действий отражены на здоровье потерпевшего, либо ему вовсе не будет причинено никаких повреждений, они создают опасность повреждения именно жизни. В этой связи, состав покушения на убийство включает в себя традиционные элементы состава опасности: действие, причинно-следственная связь, создание опасности повреждения объекта.

8. Признак реальной опасности причинения вреда является существенным, определяющим структуру состава покушения на убийство и его видовую принадлежность. В то же время данный признак является оценочным. Данные два обстоятельства требуют повышенного внимания к установлению его содержания.

Как было установлено в процессе исследования, перечни обстоятельств, принимаемых судебными органами в качестве доказательств направленности умысла подсудимого на совершение убийства и в качестве исключающих наличие у него такого умысла, частично пересекаются. В

зависимости от сочетания с иными обстоятельствами совершения деяния, некоторые из них могут быть истолкованы в любом из двух смыслов.

Следует отметить и то, что создание реальной опасности причинения вреда жизни человека может характеризовать не только состав покушения на убийство. Данный признак отличает и действия лица в состоянии необходимой обороны. В связи с чем необходимо четко разграничивать деяния, относящиеся к смежным составам: покушению на убийство и умышленному причинению тяжкого вреда здоровью, совершенному при превышении пределов необходимой обороны. Полагаем, что вопросам установления означенного признака преступных деяний должны быть посвящены материалы обобщения судебной практики Верховного Суда РФ.

Теоретическая и практическая значимость диссертационной работы состоит в том, что она представляет собой синхронный, сравнительный анализ двух преступлений, криминализованных самостоятельными нормами в уголовном законе России, однако, по ряду мнений, имеющих частично пересекающуюся сферу действия – охрану жизни человека от опасности причинения вреда (поскольку ни одно из них не предполагает реального ее повреждения), а также оценочные признаки в своем составе (реальной опасности и реальной опасности причинения вреда, соответственно), предполагающие множество раскрывающих их оценок.

Содержание диссертации, полученные выводы и предложения сориентированы на поиск оптимальных моделей криминализации данных деяний, формирование представлений о самостоятельной их природе, обособление как в теоретической плоскости (на уровне составов преступлений), так и в практической (на уровне моделей совершения преступных деяний).

Результаты исследования могут применяться далее в научно-исследовательской работе, в учебном процессе в системе юридического образования, для обновления уголовного законодательства, а также в целях

формирования единообразной практики применения уголовного законодательства на территории Российской Федерации.

Апробация результатов исследования. Основные положения, выводы и результаты исследования обсуждались на кафедре уголовного права и криминологии ЕГУ им И.А. Бунина, научно-практических конференциях, проходивших в 2010-2012 годы в г. Ельце, г. Курске. Они так же отражены в 9научных публикациях автора (в том числе в трех статьях, размещенных в периодических изданиях, рекомендованных ВАК России, и монографии):

1. Некоторые особенности квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Материалы научно-практической конференции юридического факультета ЕГУ им. И.А. Бунина. – Вып. 11. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. С.293-297.

2. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью как состав опасности // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф., 24 мая 2010 г. / ред. кол.: А.А. Гребеньков (отв. ред.) [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2010. С.171-175.

3. Некоторые вопросы разграничения составов угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушения на убийство // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы сб. науч. ст. / ред. кол.: С.Г. Емельянов [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2011. С.142-146.

4. О вопросе выбора критерия оценки реальности угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы сб. науч. ст. / ред. кол.: С.Г. Емельянов [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2012. С.140-146.

5. Жданов Ю.А. О роли причиняемого вреда здоровью человека при совершении покушения на убийство // Закон и право. 2013. № 3. С.78-80.

6. Жданов Ю.А. О содержании признака реальной опасности угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2013. № 1. С.140-142.

7. Жданов Ю.А. О популярности запрета как метода регулирования уголовно-правовых отношений // «Независимая газета» от 05.02.2013 г., № 20. С.9-10.

8. Жданов Ю.А. Уголовно-правовая попытка защиты личности от психического насилия // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 158-160.

9. Жданов Юрий. Угроза убийством и покушение на убийство: сравнительный уголовно-правовой анализ: Монография. – Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 152 с.

Структура и объем диссертации отвечают цели и задачам проведенного исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих семь параграфов, заключения, библиографического списка и приложений. Общий объем работы – 280 листов машинописного текста. Диссертация оформлена в соответствии с требованиями ВАК России.

ГЛАВА I. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОСТАВОВ УГРОЗЫ УБИЙСТВОМ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ И ПОКУШЕНИЯ НА УБИЙСТВО.

1.1. Характеристика состава угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в российском уголовном праве

Объект состава преступления, предусмотренного статьей 119 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ), столь же труден, сколь и необходим для уяснения. И, как на парадоксально, трудность эта связана не с отсутствием информации для анализа.

Вопросам угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью посвящено немало работ[1], однако их количество, увы, не снимает качества неопределенности. Как справедливо отмечает М.А. Овчинников, «вряд ли найдется какое-либо другое преступление, которое бы вызвало к жизни такое разнообразие во взглядах»[2]. Стоило бы добавить, что к довольно отдаленным друг от друга результатам поиска приводят, прежде всего, лежащие в разных плоскостях отправные точки поиска.

Одна из них – содержание и расположение правовой нормы в Особенной части УК РФ. Анализ с данной точки предполагает первоочередное обращение к источнику, в котором закреплена норма (к уголовному закону). А, значит, такой подход находится в непосредственной связи с вопросом: «Каким является объект состава преступления, предусмотренного статьей 119 УК РФ, по логике законодателя?».

Интересующая нас норма содержится в статье, включенной в первую по счету главу первого раздела – структурные элементы, по сути

---

[1] См.: Лукьянова И.В. Угроза как преступление в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 184 с.; Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России: дисс. … канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. 204 с.; Уголовно-правовая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: учеб. пособие / С.В. Изосимов, М.А. Овчинников. – Н. Новгород: Изд-во Волго-Вят. акад. гос. службы, 2006. 109 с.; Хабарова М.В. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический аспекты (по материалам судебной практики Краснодарского края): автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 181 с. и др.

[2] Овчинников М.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический анализ: дисс. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. С.140.

открывающие Особенную часть УК РФ. Если следовать за иерархией структуры (следовательно – и за иерархией объектов преступных посягательств), то можно обозначить следующую цепочку: родовым объектом выступает личность (охране законных интересов, свобод и доступа к правовым благам которой посвящен Раздел VII); Глава 16 охраняет доступ личности к жизни и здоровью; внутри видового объекта нормы объединены в две подгруппы: оберегающие ценности от непосредственного причинения им вреда и от опасности его причинения[1] (в зависимости от направленности посягательства в сторону жизни либо в сторону здоровья в первой из подгрупп могут быть также прорисованы структурные образования)[2].

Распространено мнение о том, что норма об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью относится ко второй из подгрупп: ее действие направлено на защиту жизни либо здоровья (в зависимости от содержания угрозы) не от непосредственного причинения вреда, а от опасности его причинения в результате совершения преступления. Примеры соответствующих формулировок непосредственного объекта преступления мы находим у В.П. Ревина, который понимает под ним безопасность жизни и здоровья человека[3], у А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова, Э.Ф. Побегайло, содержательно раскрывающих его как общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни и здоровья человека[4].

В самом деле, в Главе 16 УК РФ достаточно норм, предусматривающих уголовную ответственность за непосредственное причинение вреда видовым объектам, и необходимости дублировать их нет. Однако ввиду особой ценности объектов можно принять как сообразную целям охрану их и от опасности причинения вреда. И в этом русле криминализировать угрозу

---

[1] Уголовное право России. Часть Особенная. Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Л.Л. Кругликова. – М.: ВолтерсКлувер, 2005. С.15-16.

[2] Уголовное право России. Особенная часть. Учебник для вузов. В 2-х т. Т.2. / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М.: НОРМА, 2010. С.8-9; Уголовное право России. Общая часть. Учебник / Под ред. В.П. Ревина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юстицинформ, 2010. С.8.

[3] Уголовное право России. Особенная часть. Учебник. 2-е изд., испр и доп. / Под ред. В.П. Ревина. – М.: Юстицинформ, 2010. С.22.

[4] Уголовное право России. Особенная часть. Учебник для вузов. В 2-х т. Т.2. / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. С.62; Побегайло Э.Ф. Избранные труды. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. С.720.

убить либо причинить тяжкий вред здоровью лица, хотя бы и не влекущую действий адресанта по воплощению ее в жизнь. В этой связи, рассматриваемую угрозу наиболее часто характеризуют как преступление «двойной превенции»[1], имея в виду то, что предотвращение данного преступления (даже своевременное и неизбежное наказание лица, его совершившего) сыграет положительную роль в том, чтобы субъект не предпринял в дальнейшем аналогичных действий, а равно – составляющих более тяжкое преступление против жизни, здоровья другого лица[2].

Между тем, необходимо заметить, что посредством указания на безопасность жизни либо здоровья лица как на объект состава угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью невозможно отграничить рассматриваемое преступление от иных деяний, криминализованных нормами Главы 16 УК РФ, в которых угрозы являются способами совершения наказуемых деяний (например, доведение до самоубийства), либо которые также создают опасность для жизни/здоровья другого лица (например, оставление в опасности).

В рамках данного подхода интересующий нас состав характеризуется также как состав опасности (состав создания опасности)[3], структуру которого составляет совокупность деяния, причинно-следственной связи и создания опасности причинения вреда объекту охраны. Для признания оконченным такого преступления нет необходимости в установлении характера и размера наступивших последствий. Достаточно факта совершения деяния, которое в

---

[1] См., например: Данелян Л.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (по материалам Тюменской области): автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. С.4.; Приказ МВД России от 26.12.2011 № 1310 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

[2] По нашему мнению, более прочными основаниями для такой позиции являются скорее представления об устойчивости умысла лица, выражающего угрозу, циничности и наглости его поведения, приобретающего более тяжелые антиобщественные формы в случае отсутствия справедливого и своевременного наказания, нежели четкие данные об объекте преступления.

[3] См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс] под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: «Юрайт-Издат», 2010. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс] под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. – СПб.: «Питер», 2007. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

силу присущих характеристик создало опасность причинения вреда объекту[1]. Однако, вместе с тем, такая характеристика весьма спорна, и порождает в свой адрес определенное количество вопросов при обращении к механизму создания опасности причинения вреда (для любого из объектов). Довод о том, что опасность создается для жизни или здоровья при отсутствии реализации превентивного потенциала данного состава жизнеспособен лишь в том случае, если утверждать, что за совершением угрозы всегда, с неизбежностью следует совершение более тяжких преступлений между теми же лицами (убийства, причинения тяжкого вреда здоровью и т.д.). Предположение о «провокации» смерти выражением угрозы убийства или повреждения здоровья так же несостоятельно[2]. В целом, подобные позиции отличает фрагментарность, и они никоим образом не приближают нас к пониманию механизма создания опасности причинения вреда, а равно – и к пониманию объекта преступления, предусмотренного статьей 119 УК РФ.

Иные представления о нем можно найти в работах исследователей, принявших за отправную точку изысканий комплексный подход к угрозе как к общественно опасному социально-правовому явлению. Результаты проведенного ими анализа оказались тесно связаны с ответом на вопрос: «Какой объект реально претерпевает неблагоприятные изменения в результате действия одной из разновидностей угроз – угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью человека?».

Данный подход отталкивается, прежде всего, от признания угроз различного характера наряду с оскорбительными действиями, «шоковой» информацией, гипнозом формами информационного воздействия на психику человека[3]. И, поскольку воздействие такое осуществляется всегда по воле стороннего субъекта (адресанта), более того – помимо либо вопреки воле

---

[1] См., например: Кригер Г.Л. Уголовная ответственность за создание опасности причинения вреда // Уголовное право в борьбе с преступностью: Сб. ст., М.: ИГПАН, 1981. С.45; Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М.: Издательство Московского университета, 1969. С.56.

[2] В случае, если воздействие угрозой ведет к приобретению заболевания у адресата (и на это направлен умысел угрожающего), то механизм такого воздействия укладывается в структуру иных составов преступлений Главы 16 о причинении вреда здоровью человека; саму же угрозу в таком случае можно оценить как способ противоправного посягательства.

[3] Крашенинников А.А. Указ. соч. С.38-39.

потерпевшего, любая из форм неизбежно нарушает психическую неприкосновенность последнего[1]. Действие угрозой есть всегда действие страхом[2]. Оно играет роль внешнего раздражителя, который, преломляясь в сознании, вызывает определенные ощущения, восприятия и представления. На основании ощущений потерпевший воспринимает объективно существующий фактор – угрозу, исходящую от другого лица, и формирует о ней представление, вероятно – как о возможном посягательстве на доступ к охраняемым благам и интересам. Для адресанта угрозы же устрашение, как правило, не является самоцелью: приведение другого субъекта в состояние опасения используется им как инструмент, помогающий добиться ожидаемого результата. Потерпевший при этом, испытывая чувство страха, делает выбор в пользу определенного поведения (либо в пользу воздержания от каких-либо действий) не по собственной воле. Поэтому сообразно с таким механизмом действия, угроза рассматривается как способ манипулирования психикой потерпевшего[3].

И здесь вновь следует обратиться к замечанию, интерпретируемому в качестве доказательства создания угрозой опасности причинения вреда для жизни либо здоровья человека: психическое воздействие, сопровождающее данный акт, может предварять возникновение заболеваний у потерпевшего, приводить к его смерти. В частности, связанные со страхом отрицательные эмоции могут приводить к поражению сердечно-сосудистой системы, вызывать стенокардию; психические травмы в результате манипулирующего воздействия могут повлечь возникновение неврозов, психопатий[4]. Поскольку протекающий преимущественно в субъективном поле процесс передачи и

---

[1] В этой связи нельзя согласиться с Л.В. Шадриной, утверждающей о том, что психика человека не является неприкосновенной на том основании, что человеку свойственно стремиться к эмоциям не только приятным, но и экстремальным в общении с людьми. Стремления отдельного человека охватываются его волей, в первую очередь и прежде всего. Интересующая нас угроза является актом воли иного, постороннего лица. Если бы мы утверждали о том, что адресаты угроз желают их выражения в свой адрес, само исследование вопроса потеряло бы всякий смысл. См. подробнее: Шадрина Л.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. С.49.

[2] Левертова Р.А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву: учеб. пособие. Омск: Издательство НИиРИО Ом. ВШМ МВД СССР, 1978. С.13.

[3] См., например: Крашенинников А.А. Указ. соч. С.42; Лукьянова И.В. Указ. соч. С.80.

[4] Там же. С.46.

восприятия угрожающей информации может оставлять столь существенные и фиксируемые следы, возникает соблазн признания их обязательными последствиями преступного деяния[1].

Следующий шаг в этом направлении – рассуждения о том, может ли угроза повлечь причинение реального вреда жизни либо здоровью человека (а не только создать опасность причинения такового). Довольно ярко его демонстрируют две позиции:

– А.М. Алакаев, Ю.А. Красиков полагают, что «сила слова по своему воздействию в некоторых случаях во много раз превосходит физическое воздействие и может вызвать самые тяжкие последствия, вплоть до смерти»[2];

– С.В. Бородин и Н.И. Загородников обращаются в работах к популярному примеру, когда «виновный, зная, что другой человек страдает тяжелым заболеванием сердца, сообщает ему сведения, которые приводят последнего в состояние сильного возбуждения или испуга, что влечет обострение болезни и смерть потерпевшего»[3].

Как справедливо замечает Н.А. Лопашенко, такие случаи представляют собой психические способы воздействия при убийстве[4]. Крайне сложные в доказывании причинно-следственной связи между действием виновного и наступлением смерти, в практике они практически не встречаются. Однако теоретическая возможность совершения подобных действий существует[5].

Необходимо обратить внимание на то, что «последствия» в перечисленных случаях рассматриваются в уголовно-правовом смысле постольку, поскольку их наступление охватывается умыслом субъекта преступления. Подмена неразрывной связи действия с умыслом действующего лица некой автономной способностью, свойством угрозы нести в себе реальную опасность воплощения в конкретных действиях есть

---

[1] Абсатаров Х.Х. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью как преступление против личности: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С.16-17.

[2] Красиков Ю.А., Алакаев А.М. Понятие преступления. Множественность преступлений. Лекции 2-3. – М., 1996. С.21.

[3] Бородин С.В. Ответственность за убийство: классификация и наказание по российскому праву. – М., 1994. С.20; Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. – М., 1961. С.48.

[4] Лопашенко Н.А. Убийства: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. С.131.

[5] Там же.

одна из главных причин искажения представлений об объекте и о природе преступления, предусмотренного статьей 119 УК РФ.

С учетом сказанного, угрозу следует определять как одну из форм психического воздействия на лицо, протекающую против его воли. Объективно она обладает двумя существенными свойствами: «заряжена» страхом и направлена на манипулирование воспринимающим лицом. Конечно, достижение цели, которую ставит перед собой угрожающее лицо, зависит не только от объективных признаков деяния, но и от особенностей его восприятия психикой потерпевшего. Помимо ожидаемого адресантом, возможны варианты, при которых угроза будет воспринята адресатом верно, но вызовет ответные реакции противодействия, либо угроза будет воспринята неверно (не будет воспринята вовсе). Принимая во внимание последний из вариантов, для оценки угрозы именно как преступления у потерпевшего следует предполагать наличие свойства дееспособности и характеристику его как личности, включенной в социальные связи и способной осознавать их характер. В ином случае, криминальная угроза теряет свою качественную специфику. Акт угрозы, в этой связи, несомненно, нарушает психическую неприкосновенность адресата, но распространяет свое действие далее, на свободу его волеизъявления.

Сопоставление содержания двух приведенных выше подходов обнаруживает помимо принципиального расхождения в отношении природы ценности, которая может быть затронута при совершении угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, и еще одно существенное отличие: отношение к природе объекта преступления. В первом случае под ним понимаются общественные отношения, сложившиеся по поводу охраны определенной социальной ценности, во втором – собственно сама ценность, которая подвергается негативному воздействию вследствие совершения преступления.

Для более точного определения объекта рассматриваемой угрозы необходимо разрешить данное противоречие путем обращения к замечанию

В.Н. Винокурова о многомерности явления (объекта преступления)[1]. По его мнению, общественные отношения возникают до принятия закона, и роль государства в лице законодателя сводится к отбору среди них наиболее ценных, защита которых необходима так же и в рамках уголовного права: перечислены такие объекты в ч. 1 ст. 2 УК РФ[2]. Совершение преступления не может разрушить общественные отношения, но может их нарушить на двух уровнях: на уровне социальной связи между двумя (или более) субъектами, в результате разрыва которой часть из них (потерпевшие) лишаются возможности реализовывать свои прав и потребности либо такая реализация существенно затрудняется; на уровне причинения политического вреда государству и морального вреда обществу[3]. Лишение либо ограничение возможности реализации прав и потребностей у субъектов общественных отношений признается наказуемым и опасным для общества в случаях, конкретно определенных путем конструкции составов преступлений в уголовном законе. В каждом из них элемент «объект» описан и ограничен содержанием остальных трех элементов структуры[4].

Разрыв же между субъектами связи, складывающейся по поводу социального блага, ценности, характеризует, в свою очередь, механизм причинения вреда объекту при совершении конкретного преступного деяния.

---

[1] Его рассматривать он предлагает в трех аспектах: как объект уголовно-правовой охраны (общественные отношения, складывающиеся до и независимо от наличия правовой нормы, направленной на их защиту, нормальное функционирование которых обеспечивает развитие личности), как элемент состава преступления (часть общественных отношений – правоотношения, ограниченные описанием иных элементов состава в нормах уголовного закона) и как объект реально совершенного преступления (часть действительности – социальное благо, общественная ценность, имеющая определенные материальные или нематериальные границы, формы, состояния, которая может быть таковой лишь в рамках общественных отношений и лишь поскольку, поскольку способно удовлетворять интересам членов общества, а не одного отдельного человека). См. подробнее: Винокуров В.Н. Объект преступления: теория, законодательство, практика: монография. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. С.4-5, 19-20.

[2] Процесс возникновения уголовно-правовых норм при детальном рассмотрении не сводится лишь к отбору законодателем наиболее ценных общественных отношений и оформлению части их них в рамки правоотношений. Исследование оснований уголовно-правовых норм, проведенное Т.А. Плаксиной, позволило выявить довольно сложную их структуру, в которой предельной формой развития таких оснований является социальная потребность в адекватной уголовно-правовой охране тех или иных объектов. См. подробнее: Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: дисс. … докт. юрид. наук. Томск, 2006.

[3] Там же. С.32. Сходные позиции занимал и А.И. Марцев, полагающий верным наличие у преступления первичных (причинения или угрозы причинения вреда объекту охраны) и вторичных последствий (создания угрозы повторения преступлений в будущем). См. подробнее: Марцев А.И. Общественная опасность и общественная вредность преступления // Правоведение. 2001. № 4. С.148-155.

[4] Там же. С.39.

Последнее связано с реальными субъектами, правоотношением и явлением (объектом правоотношения). Объект же как элемент состава преступления представляет по сути понятие об этом явлении[1].

С указанных позиций заметим, что сторонники рассмотрения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью как социально-правового явления обращаются именно к объекту любого конкретного преступления, которое может получить подобную правовую оценку. В то время, как первый подход демонстрирует попытки раскрыть объект как элемент состава преступления, т.е. представление о том, какая часть общественных отношений (какие правоотношения) поставлена под защиту посредством формулирования правовых норм об интересующей нас угрозе.

Таким образом, объект угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (как элемент состава данного преступления) необходимо определить как ограниченные описанием иных элементов состава общественные отношения (правоотношения), направленные на охрану свободы волеизъявления человека, под которой следует понимать возможность без постороннего вмешательства, принуждения совершать поступки и принимать решения в соответствии с собственными сознанием и волей.

Стоит упомянуть и о том, что за рамками двух основных подходов в отношении объекта рассматриваемой угрозы можно наблюдать широкий разброс мнений по данному вопросу, в равной степени – в работах, в целом посвященных угрозам в уголовном праве России[2] и непосредственно угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью[3]:

- объект рассматриваемой угрозы раскрывают через свободу личности[4], интересы личности[1], а также иные чрезмерно широкие по содержанию

---

[1] Там же. С.44.
[2] Крашенинников А.А. Указ. соч. С.116-117; Лукьянова И.В. Указ. соч. С.76-78.
[3] Абсатаров Х.Х. Указ. соч. С.11; Хабарова М.В. Указ. соч. С.17.
[4] Стерехов Н.В. Ответственность за угрозу по советскому уголовному праву (вопросы теории и практики): автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. С.14.

категории, которые не позволяют индивидуализировать объект как элемент конкретного состава преступления;

- встречаются характеристики многообъектности угрозы, сопровождающиеся выделением основных и дополнительных непосредственных, непосредственных и факультативных его объектов. Однако почти все из них страдают серьезными противоречиями (в том числе – и структурного характера)[2];

- в рамках даже одной специализированной работы автор может занимать противоречивые позиции, указывая на то, что данное преступление может свидетельствовать об умысле лица совершить убийство или причинить тяжкий вред здоровью[3], являясь при этом опосредованным посягательством на здоровье человека (и возможно – на его жизнь)[4], на внутреннее спокойствие другого лица[5], психическое здоровье граждан[6];

- существует мнение и о том, что угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью может посягать на разное количество объектов. Одним из них всегда выступает жизнь человека (охраняется от опасности причинения вреда), а все иные объекты определяются направленностью умысла виновного в каждом конкретном случае (и им необходима охрана собственно от причинения вреда)[7]. Между тем, такой взгляд на объект угрозы не является «золотой серединой», не примиряет уже названные основные подходы между собой, но порождает еще большее количество вопросов, и в первую очередь - для правоприменителя.

Второй из элементов состава преступления – объективную сторону – отличают не меньшие интерес и ценность. Он включает в себя совокупность

---

[1] Курс уголовного права. Особенная часть. / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. В 5-ти т. Т.3. – М., 2002. С.198; Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 1979. С.16.

[2] См. например: Абсатаров Х.Х. Указ. соч. С.13-14; Хабарова М.В. Указ. соч. С.17; Левин П.Н. Уголовная ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2006. С.8

[3] Шадрина Л.В. Указ. соч. С.53.

[4] Там же. С.48.

[5] Там же.

[6] Там же. С.50.

[7] Изосимов С.В., Овчинников М.А. Указ. соч. С.54-55.

фактических признаков деяния и обстоятельств, характеризующих его как общественно опасное посягательство на объект преступления[1]. Однако, для целей квалификации при оценке «объективной стороны состава преступления» имеют ценность лишь юридически значимые признаки «объективной стороны преступления»[2], к которым принято относить:

– само общественно опасное действие/бездействие (во всех случаях);

– вредные последствия (если и когда они указаны в законе);

– причинно-следственную связь между деянием и последствиями (для материальных составов);

– обстоятельства, относящиеся к способу действия, орудию, средствам, месту, времени, обстановке совершения преступления (если и когда они указаны в законе)[3].

Перечисленные признаки формируют понятие об общественно опасном посягательстве на охраняемый объект[4]. И поэтому анализ элемента «объективная сторона состава преступления» поможет ответить на вопрос «Как должен выглядеть преступный акт по мнению законодателя?».

В первую очередь следует сказать о «внешних» атрибутах акта. В рамках статьи 119 УК РФ наказуема лишь угроза с конкретным содержанием: о причинении лицу смерти либо тяжкого вреда здоровью. Форма выражения угроз для целей квалификации значения не имеет: информация может быть передана устно, письменно, жестами, в присутствии потерпевшего или с использованием средств связи, непосредственно от одной стороны конфликта другой либо через третьих лиц. Важна лишь возможность установить содержание угрозы через ее форму. Иными словами, из передаваемой информации должны следовать конкретность намерения по причинению вреда и соответствие его критериям смерти или

---

[1] Уголовное право России. Общая часть. Учебник для вузов. В 2-х т. Т.1. / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М.: НОРМА, 2000. С.69.
[2] Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов. / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. – М., 1997. С.145.
[3] Уголовное право России. Общая часть. Учебник для вузов. В 2-х т. Т.1. / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. С.70.
[4] Там же.

тяжкого вреда здоровью. Завуалированная угроза (из характера которой невозможно сделать правильный вывод о том, каким образом она может быть приведена в исполнение) либо высказанная неопределенным, двусмысленным образом угроза (не позволяющая установить ее истинное содержание) не наказуемы в соответствии с рассматриваемой правовой нормой. Преступное деяние в составе объективной стороны отличает, таким образом, признак конкретности. О его наличии могут свидетельствовать адресованные потерпевшему намерения:

– совершить конкретные действия, способные привести его к смерти (удушение, утопление, сбрасывание с высоты и т.п.);

– причинить вред, который является тяжким в момент причинения (переломы костей черепа, позвоночника, причинение ранений грудной клетки, брюшной полости и т.п.);

– причинить вред здоровью, который является тяжким по последствиям (лишение зрения, слуха, речи, какого-либо органа и т.п.);

– совершить действия с целью вовлечения в наркотическую зависимость, причинения психического расстройства (хотя и встречаются крайне редко)[1].

Данный перечень не является строгим либо исчерпывающим. Угрозы слишком разнообразны для их стандартизации. Стоит признать поэтому, что трактовка признака конкретности как ясности того, каким именно образом лицо намерено исполнить угрозу, является чрезмерно детальной[2].

Вторым признаком деяния является действительность угрозы. Он означает, что наказание предусмотрено лишь за ту угрозу, которая объективно имела место, факт применения которой может быть подтвержден и иными доказательствами, помимо показаний потерпевшего. Воздействие на психику, явившееся результатом ошибочного восприятия поступка другого

[1] Левин П.Н. Указ. соч. С.19.

[2] Томин В.Т., Сверчков В.В. Указ. соч. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».; Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. [Электронный ресурс] / Под ред. А.И. Чучаева. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

человека либо плодом воображения, чрезмерной впечатлительности, является мнимой угрозой, не может быть оценено как преступное[1].

Наконец, конкретную и действительную угрозу отличает также признак реальной опасности (либо реальности), закрепленный в тексте части 1 статьи 119 УК РФ оговоркой «если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы». Уголовный закон на этом примере весьма ярко демонстрирует лаконичность. И вместе с тем создает еще одну причину для воспроизводства разнородных точек зрения в отношении данного преступления. Как отмечал В.П. Петрунев, отсутствие законодательного либо доктринального толкования указанной оговорки привело к появлению у ряда юристов мнения о том, что «не только практически трудно установить наличие в деянии виновного признака «реальной опасности угрозы», но даже теоретически истолковать данный признак представляется сложным»[2].

Как уже было отмечено, в теории уголовного права не выработана единая позиция относительно оснований установления данного признака. Реальными предлагают считать акты: способные вызвать убеждение в их осуществимости[3]; имеющие под собой достаточно оснований опасаться приведения их в исполнение[4]; предоставляющие указанные основания опасаться потерпевшему[5]; создающие у потерпевшего впечатление немедленного приведения их в исполнение[6].

Между тем, для правоприменителя на основе наиболее распространенных трактовок разработаны два критерия для установления признака реальности угрозы: объективный и субъективный, а сообразно с ними сформированы три соответствующих: объективный, субъективный и

---

[1] Крашенинников А.А. Указ. соч. С.104.

[2] Петрунев В.П. Ответственность за угрозу убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества по советскому уголовному законодательству: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 1970. С.8.

[3] Костров Г.К. Уголовно-правовое значение угрозы: дисс. … канд. юрид. наук. М., 1970. С.83; Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М.: Юрлитинформ, 2002. С.150.

[4] Уголовное право. Часть Общая: Учебник для вузов / Под ред. Л.Л. Кругликова. – 2-е изд, перераб. и доп. – М.: ВолтерсКлувер, 2005. С.81; Дурманов Н.Д. Уголовная ответственность за преступления против общественного порядка и здоровья населения. – М., 1962. С.20.

[5] Российское уголовное право. Особенная часть: Учебник. / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Юристъ, 1997. С.74.

[6] Ткаченко В.И. Преступления против личности: Учебное пособие. – М., 1981. С.34-35.

объективно-субъективный[1]. Анализируя состав и роль обстоятельств, предлагаемых правоприменителю к учету, содержание объективного подхода можно проиллюстрировать на примере точек зрения С.Х. Мазукова[2], Р.А. Левертовой[3], Э.Ф. Побегайло[4], субъективного – в работах Л.Г. Крахмальника, И.С. Ноя[5], В.И. Ткаченко[6], П.С. Матышевского[7], объективно-субъективного – в исследованиях И.В. Лукьяновой[8], Х.Х. Абсатарова[9], Л.В. Данелян[10].

Обстоятельства, связываемые с объективным критерием, достаточно разнообразны. Попытка систематизировать их может выглядеть следующим образом:

а) обстоятельства, характеризующие непосредственно акт угрозы (форма, характер, содержание, способ осуществления и интенсивность его выражения, заложенный виновным в свой поступок угрожающий потенциал, рассчитанный исходя из особенностей личности потерпевшего);

б) обстоятельства, характеризующие обстановку до, во время и после совершения угрозы (серьезность причин, вызвавших угрозу, характер предыдущих взаимоотношений сторон конфликта, наличие у виновного возможности осуществления угрозы, явное превосходство в силах в его пользу, демонстрация оружия или предметов, которые могут быть использованы в качестве него, как во время выражения угрозы, так после этого, показания свидетелей об ухудшении здоровья потерпевшего после выражения угрозы);

---

[1] См., например: Уголовное право. Часть Общая: Учебник для вузов / Под ред. Л.Л. Кругликова. С.50-51; Уголовное право России. Особенная часть. Учебник для вузов. В 2-х т. Т.2. / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. С.62.

[2] Мазуков С.Х. Уголовно-правовая защита личности от угрозы убийством: по материалам Кабардино-Балкарской республики: дисс. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1997. С.48-51.

[3] Левертова Р.А. Указ. соч. С.100.

[4] Уголовное право России. Особенная часть. Учебник для вузов. В 2-х т. Т.2. / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. С.101.

[5] Крахмальник Л.Г., Ной И.С. Об уголовной ответственности за угрозу убийством // Социалистическая законность. 1959. № 6. С.49.

[6] Ткаченко В.И. Квалификация преступлений против общественного порядка. Учебное пособие. – М.: Издательство ВЮЗИ, 1982. С.32.

[7] Матышевский П.С. Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. – М.: Юридическая литература, 1964. С.99.

[8] Лукьянова И.В. Указ. соч. С.87.

[9] Абсатаров Х.Х. Указ. соч. С.14.

[10] Данелян Л.В. Указ. соч. С.15.

в) обстоятельства, характеризующие личность виновного лица (взрывной характер, устойчивая насильственная антиобщественная ориентация, бурные проявления ненависти, обиды, систематическое пьянство, прежние судимости за насильственные преступления).

Содержание субъективного критерия преподносится, как правило, в двух вариантах: в первом в его состав входит лишь восприятие потерпевшим угрозы, а во втором оно дополняется оценкой угрожающего лица потенциала собственных действий, уровнем опасности угрозы, воспринятым свидетелями и иными непосредственными участниками преступления.

Для уголовно наказуемых угроз-деяний в целом (ответственность за их совершение предусмотрена статьями 119, 296, 318, 321 УК РФ) существует целый спектр точек зрения на вопрос об их существенных признаках[1]. Но признак реальной опасности (реальности) присущ, по мнению исследователей, лишь угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью[2]. Во многом наличие данного признака в тексте правовой нормы и его трактовка определяют взгляды на структуру состава преступления: является он формальным либо составом опасности.

Как было отмечено ранее в работе, параллели с последним из двух проводятся при определении объекта как правоотношений, направленных на обеспечение безопасности жизни либо здоровья человека. Помимо уже названных, в качестве обоснования тому, что выражение угрозы способно создать реальную опасность причинения им вреда, можно встретить следующее: виновное лицо может совершить посягательство на жизнь или здоровье после выражения угрозы (в частности, и то деяние, которым оно угрожает). Несостоятельность подобного утверждения, на наш взгляд, очевидна[3]. Однако его дальнейшее развитие в практической плоскости

---

[1] См., например: Костров Г.К. Указ. соч. С.33-34; Левертова Р.А. Указ. соч. С.34; Мазуков С.Х. Указ. соч. С.31.

[2] См., например: Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. – М., 1969. С.31-33.

[3] Утверждение о создании опасности основывается на вероятности поведения субъекта(поскольку не исключено, что в ряде случаев конфликт может быть исчерпан любыми мерами и не перерасти в иное преступное посягательство), а также на том, что в момент выражения угрозы субъект демонстрируется свой действительный умысел. Однако, вне зависимости от того, что совершит субъект после угроз в адрес

составляет основу позиции, занимаемой органами, осуществляющими предварительное расследование, и судебными органами, согласно которой о реальной опасности угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью могут свидетельствовать конкретные действия, направленные на причинение вреда потерпевшему и предоставляющие возможность их установления и идентификации при обращении его за защитой[1]. На восприятие как уголовно-наказуемой лишь той угрозы, которая сопряжена с реальным насилием, указывает и ряд исследователей[2].

Трактовка реальности угрозы в русле создания реальной опасности для жизни либо здоровья потерпевшего и следующее из этого желание правоприменителя работать с материально отобразившимися следами преступления, уже возникшим, реально осязаемым вредом оставляют за рамками уголовно наказуемых массив противоправных деяний: угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, не повлекших далее причинение физического вреда здоровью человека, аналогичных угроз, после выражения которых потерпевшему вредные последствия проявились через продолжительное время (измеряемое в месяцах, годах). Если мы принимаем такую трактовку признака реальности угрозы (и следующее за ним представление о видовой принадлежности состава), вопрос о том, как защитить личность от подобных опасных посягательств, остается открытым.

Признак реальности угрозы предстает иначе, если его рассматривать при опоре на представление об объекте состава преступления как о правоотношениях, направленных на охрану свободы волеизъявления человека. В этом случае защита ценности обеспечивается от непосредственного причинения вреда. И поэтому для установления наличия

потерпевшего, дальнейшее поведение не охватывается объективной стороной состава. В частности, непосредственные посягательства на здоровье либо жизнь другого лица запрещены нормами иных статей Главы 16 УК РФ. Их нельзя расценивать ни как часть действий по выражению угрозы, ни как ее подтверждение, ни как «основания опасаться угрозы».

[1] См., например: Овчинников М.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический анализ: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. С.22.

[2] См., например: Овчинников М.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический анализ: дисс. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. С.140; Абсатаров Х.Х. Указ. соч. С.15.

либо отсутствия состава преступления необходимость «приписывать» конкретному деянию изначально отсутствующее качество создания реальной опасности причинения вреда отсутствует. Не предполагает посягательство, предусмотренное статьей 119 УК РФ, и наступления вредных последствий, в отношении которых может быть исследована реальная опасность причинения вреда, поскольку состав данного преступления является формальным. Несомненно, признак реальной опасности выполняет по отношению к деянию иную роль. На настоящем этапе можно предположить, что он неразрывно связан с признаком общественной опасности, предопределяющем криминализацию угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Но данное предположение нуждается в уточнении путем обращения к анализу признака реальной опасности, отличающего покушение на убийство, к практике применения норм статьи 119 УК РФ.

В завершении описания объективной стороны состава преступления следует обратить внимание еще на два вопроса. Первый связан с установлением момента окончания угрозы и предполагает две точки зрения:

1) она считается оконченной в момент ее выражения вовне (высказывания или объективирования иным образом)[1];

2) либо окончена в момент доведения до сведения потерпевшего (произнесение в его присутствии, ознакомление с содержанием угрозы лица, передающего ее, ознакомление с материальным носителем угрозы – письмом, сообщением и т.д.)[2].

Уместно упомянуть о том, что основания опасаться осуществления угрозы должны возникнуть у потерпевшего, в то время как правоприменителю необходимо их оценить. Угроза же, хотя бы и выраженная вовне (произнесенная вслух, написанная на бумаге), но не

[1] Советское уголовное право. Особенная часть / Под ред. П.И. Гришаева, Б.В. Здравомыслова. – М., 1988. С.501; Петрунев В.П. Борьба с уголовно наказуемыми угрозами // Советская юстиция. 1975. № 17. С.14; Дурманов Н.Д. Указ. соч. С.19; Леконцев Ю., Бриллиантов А. Ответственность за угрозу убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества // Советская юстиция. 1982. № 22. С.13; Побегайло Э.Ф. Указ. соч. С.721.

[2] Костров Г.К. Указ. соч. С.141-142; Красиков А.Н. Преступления против личности: учеб. пособие. Саратов, 1999. С.80; Советское уголовное право. Часть Особенная / Отв. ред. М.И. Ковалев. – М., 1983. С.384; Кудрявцев В.Н., Наумов А.В. Указ. соч. С.74.

ставшая по каким-либо причинам известной лицу, в отношении интересов которого она направлена, не может породить возникновение опасений у него. Такая угроза теряет качественную специфику, обуславливающую ее уголовно-правовой запрет. В этой связи только та угроза, на наш взгляд, может быть признана оконченной, которая доведена до сведения потерпевшего.

Второй вопрос – об обстоятельствах, повышающих общественную опасность деяния и предопределяющих наличие в уголовном законе квалифицирующих признаков. В части 2 статьи 119 УК РФ указано лишь на один подобный признак – совершение угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы[1].

В ряде работ, между тем, высказывается мнение о «нехватке» на практике лишь одного квалифицирующего признака. Основываясь на данных, полученных в ходе криминологических исследований и анализа судебно-следственной практики, исследователи указывают, что криминальную угрозу нередко отличают: демонстрация виновным оружия или предметов, используемых в качестве него, хулиганские побуждения к ее совершению, совершение группой лиц по предварительному сговору или организованной группой[2]. Подобные признаки усиливают общественную опасность деяния, однако в рамках действующего уголовного законодательства дать надлежащую правовую оценку им невозможно. В этой

---

[1] Он введен в текст уголовного закона в 2007 году, и почти не претерпевал изменений до настоящего времени. За исключением поправки об изменении вида и размера санкции. См. подробнее: Федеральный закон от 24.07.2007 года № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Собрание законодательства Российской Федерации от 30.07.2007 года № 31, ст.4008; Федеральный закон от 07.12.2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 12.12.2011 года № 50, ст.7362.

[2] Левин П.Н. Указ. соч. С.20-23, 25; Овчинников М.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический анализ: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. С.26; Данелян Л.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (по материалам Тюменской области): автореф. дисс. … канд. юрид. наук. С.8-9; Абсатаров Х.Х. Указ. соч. С.8; Хабарова М.В. Указ. соч. С.9; Коростылев О.И. Уголовно-правовая характеристика угрозы: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С.8.

связи, звучат разрозненные предложения о включении тех или иных признаков в текст части 2 статьи 119 УК РФ.

Следующий элемент состава угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью – субъективная сторона преступления – характеризуется только прямым умыслом[1]. Преступное деяние, как мы уже упомянули, окончено в момент реализации в полной мере самого угрожающего действия – при доведении угрозы до сведения потерпевшего. По мнению М.А. Овчинникова, психическое отношение субъекта к вредным последствиям угрозы есть то же самое, что и его психическое отношение к самому факту совершения угрозы[2]. И если традиционное содержание волевого элемента для прямого умысла заключается в желании субъекта наступления последствий[3], то в случае с рассматриваемой угрозой оно трансформируется в желание совершения преступного деяния.

Для подтверждения данной позиции достаточно ответить на вопрос: «Может ли лицо, осознающее противоправный характер адресуемой угрозы, не желать ее выражения вовне?» При положительном ответе следовало бы признать отсутствие необходимой последовательной взаимосвязи четырех элементов для преступного поведения такого лица: потребности, мотива, цели и действия[4]. Для вменяемого лица такая возможность исключена.

Следует помнить и то, что субъект, использующий угрозу как средство для манипулирования другим лицом, оценивает и наличие условий, при которых данный результат может быть достигнут. Сообразно с такими условиями он выбирает способ выражения угрозы (определяя интенсивность действий, необходимость прибегнуть к использованию оружия или

---

[1] См., например: Радченко В.И., Михлин А.С. Указ. соч. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: (постатейный) [Электронный ресурс] / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. – ВолтерсКлувер, 2005. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

[2] Овчинников М.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический анализ: дисс. … канд. юрид. наук. С.164.

[3] Уголовное право России. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2009. С.58-59; Уголовное право. Общая часть: учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2008. С.277-279.

[4] Овчинников М.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический анализ: дисс. … канд. юрид. наук. С.165.

предметов, его заменяющих, и т.д.)[1]. Такая конструкция отношения к совершаемому деянию соотносится только с прямым умыслом.

Довольно подробно определение формы умысла на совершение угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью дано М.В. Хабаровой: его интеллектуальный элемент состоит в осознании виновным лицом общественной опасности, противоправности и реальности выражаемой вовне угрозы, расчете на восприятие ее потерпевшим именно с такими характеристиками, волевой элемент – в обнаружении решимости причинения такого вреда, желании совершить действия по выражению угрозы и доведению ее до сведения потерпевшего[2]. Однако, раскрытие содержания волевого момента в таком ключе стоит сопроводить замечанием.

Общепринята позиция о том, что для оценки субъективной стороны состава преступления не имеет значения, намеревался ли субъект реально осуществить декларируемый умысел на причинение вреда жизни либо здоровью. Намерение лишить жизни другого человека либо причинить его здоровью тяжкий вред характеризует субъективную сторону иных составов, предусмотренных в Особенной части УК РФ. Между тем, такая оговорка не дает полного преставления о содержании умысла угрожающего лица. Подобно тому, как отрицанием одного из признаков понятия невозможно охарактеризовать все понятие. Поэтому остается открытым вопрос о том, что движет субъектом, и на достижение какого преступного результата направлены его усилия.

По поводу целей и мотивов совершения рассматриваемой угрозы в научной литературе мы можем найти следующие уточнения: во-первых, они могут быть различны. Преступление, совершаемое по мотивам зависти, ревности, злобы, из мести, садистских наклонностей или личной неприязни не может быть ограничено лишь одной целью – добиться соответствующего поведения потерпевшего. Множественность мотивов определяет

[1] Данелян Л.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (по материалам Тюменской области): автореф. дисс. … канд. юрид. наук. С.16.
[2] Хабарова М.В. Указ. соч. С.19.

множественность целей[1]. Во-вторых, считается, что на квалификацию деяния цели влияния не оказывают[2], и «имеют вес» лишь для корректировки мер, направленных на профилактику совершения рассматриваемого преступления[3]. На это следует возразить следующее: в российском уголовном законе угрозы запрещены и иными нормами (помимо включенных в статью 119 УК РФ), направленными на охрану от аналогичных посягательств отдельных категорий граждан[4]. И в этих нормах перечислены цели и мотивы, по которым выраженная в отношении определенных лиц угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью должна квалифицироваться в соответствии с ними[5]. Таким образом, цели и мотивы совершения рассматриваемого преступления могут служить критериями разграничения некоторых составов преступлений.

В-третьих, существует мнение о том, что угрозы, содержащие для потерпевшего открытое указание на действительную цель виновного, характеризуются меньшей степенью опасности, чем угрозы без всяких условий и компромиссов (например, из хулиганских побуждений или в целях мести). Первые дают потерпевшему возможность выполнить требования угрожающего, и тем самым устранить необходимость совершения в отношении себя дальнейших противоправных действий. Вторые же, напротив, помещают лицо в безвыходное положение, заставляя переживать за свои жизнь и/или здоровье неопределенный промежуток времени[6].

---

[1] Овчинников М.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический анализ: дисс. … канд. юрид. наук. С.166.

[2] См., например: Радченко В.И., Михлин А.С. Указ. соч. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

[3] Овчинников М.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический анализ: дисс. … канд. юрид. наук. С.167.

[4] Крашенинников А.А. Указ. соч. С.115-116; Лукьянова И.В. Указ. соч. С.89.

[5] Имеются в виду нормы об угрозе в связи с производством предварительного расследования, рассмотрением дел или материалов в суде либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта (ч. 1, 2 ст. 296 УК РФ), угрозе в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей (ч. 1 ст. 318 УК РФ), угрозе с целью воспрепятствовать исправлению осужденного или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы (ч. 1 ст. 321 УК РФ).

[6] Данелян Л.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (по материалам Тюменской области): автореф. дисс. … канд. юрид. наук. С.16; Абсатаров Х.Х. Указ. соч. С.17.

Отсюда следует, что действительная цель, которой руководствуется угрожающее лицо, и цель, которую оно же озвучивает потерпевшему в момент выражения угрозы, не совпадают между собой по содержанию. И играют в механизме преступного воздействия разные роли: выражаемое вовне субъектом намерение лишить потерпевшего жизни либо причинить ему тяжкий вред здоровью не является объявлением умысла, а используется скорее как инструмент давления и воздействия на психику.

А.И. Марцев в одной из своих работ указывал на то, что в преступлениях с формальным составом цель состоит в выполнении самого посягательства, которое может повлечь какие-либо последствия. Последние же находятся в рассогласованности с самой целью преступления[1]. От угрозы убийством, выраженной из мести, ее адресант вполне может ожидать удовлетворения данного чувства, от угрозы, выраженной в адрес соперника либо конкурента – победы либо доминирования над ним, и т.п. Однако эти и подобные им прогнозируемые результаты лежат за рамками совершенного наличного преступления, а во временном отношении – после ограничения волеизъявления адресата угрозы. Они могут и не наступить в будущем. Если принять предложенные ранее работе доводы в пользу того, что состав угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью является формальным составом, то в качестве действительной для угрозы можно обозначить лишь одну цель, лежащую в русле посягательства на объект: цель ограничить волеизъявление потерпевшего.

В связи с изложенным характеристика субъективной стороны рассматриваемого преступления требует следующих дополнений:

1) при выражении угрозы виновный «дает зеленый свет» двум целям – первичной и вторичной. Вторичная отражает содержание его истинных намерений, первичная – прикрывает цель вторичную, «комуфлирует» ее, и в первую очередь – для потерпевшего;

[1] Марцев А.И. Избранные труды. – Омск: Омская академия МВД России, 2005. С.126.

2) объективирование первичной цели тесно связано с признаком реальной опасности угрозы: руководствуясь собственными интересами, виновный преподает первичную цель как действительно руководящую его действиями (которые могут нанести вред одному из объектов – жизни или здоровью другого лица), а также предпринимает усилия для того, чтобы угроза была воспринята именно в таком свете потерпевшим;

3) вторичная цель в свою очередь привязана к объекту, который претерпевает неблагоприятное воздействие в результате совершения преступления. Его поражение собственно и определяется действительным умыслом и вторичной целью субъекта: воздействовать на психику потерпевшего для ограничения его волеизъявления;

4) первичная цель рассматриваемой угрозы состоит в лишении жизни (причинении тяжкого вреда здоровью) другого лица. Вторичная цель заключается в ограничении волеизъявления потерпевшего посредством устрашающего воздействия на его психику, получении контроля над совершаемыми им поступками и принимаемыми им решениями. Что более четко по сравнению с первичной целью указывает на то, почему виновный принимает решение применить угрозы.

В отношении же субъекта преступления позиция законодателя изложена вполне определенно: им может быть только физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения деяния возраста 16 лет (статьи 21, 22 УК РФ). При недостижении на момент совершения деяния лицом указанного возраста уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное – подлежит прекращению в связи с отсутствием в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Между тем, в научной литературе имеет место спор относительно целесообразности понижения возраста уголовной ответственности за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью до 14 лет[1].

[1] См., например: Левин П.Н. Указ. соч. С.21; Данелян Л.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (по материалам Тюменской области): автореф. дисс. … канд. юрид. наук. С.17; Овчинников М.А. Угроза убийством или причинением

К позиции «за» подобные изменения исследователей приводят следующие посылки:

- полагая, что интеллект субъекта достаточно развит, чтобы понимать сущность убийства или причинения тяжкого вреда здоровью, законодатель установил ответственность за совершение данных деяний с 14 лет. Вместе с тем, он счел, что интеллект подростков в возрасте от 14 до 16 лет недостаточно развит, чтобы осознавать суть угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Однако, для того, чтобы угрожать определенными действиями, лицо должно сформировать у себя представление об их природе; равно как и обратное: лицо, осознающее опасность совершения действий по причинению вреда жизни либо здоровью, в полной мере осознает и то, что ими угрожать нельзя[1]. Следовательно, возраст наступления уголовной ответственности для рассматриваемых конкретных тяжких преступлений и преступления небольшой тяжести должен быть приведен к «единому знаменателю», в соответствии со сформировавшимся интеллектуальным элементом умысла. В противном случае, разная правовая оценка дается имеющим одинаковую природу действиям (например, покушению на убийство и угрозе убийством, сопровождаемой насилием)[2];

- угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, исходящая от несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет, обладает отнюдь не меньшей опасностью, чем аналогичная угроза от более взрослых лиц. Она может быть адресована сверстникам или лицам моложе их. И в этом случае возраст явно не будет являться критерием, исключающим у потерпевшего возникновение оснований опасаться реализации угрозы. Следует учитывать и тенденцию нарастания насилия со стороны подростков,

---

тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический анализ: дисс. … канд. юрид. наук. С.159-162.

[1] Овчинников М.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический анализ: дисс. … канд. юрид. наук. С.160.

[2] Там же.

рост организованности подростковой преступности, ориентацию на совершение тяжких и особо тяжких преступлений[1].

Позицию «против» изменения возраста наступления уголовной ответственности обосновывают следующими доводами:

- преступление, предусмотренное статьей 119 УК РФ, является достаточно сложным по структуре, содержанию и механизму воздействия, в связи с чем осознавать его общественную опасность лицо в возрасте до 16 лет не может[2];

- масштабно проблема несовершеннолетнего возраста за совершение угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью отсутствует, поскольку к уголовной ответственности по статье 119 УК РФ привлекается не более 5 % лиц в возрасте от 15 до 18 лет[3].

Довольно интересны в обоих из представленных позиций первые из доводов, высвечивающие отношение лица к содеянному. Сопоставляя их можно заметить следующее: поддерживающие мнение «за» понижение возраста уголовной ответственности исследователи полагают, что непосредственные посягательства на жизнь (здоровье) человека и угроза этими действиями имеют одинаковую природу, следовательно – одинаковый умысел движет субъектами, их совершающими. Отстаивающие же точку зрения «против» изменения возрастных рамок признают, что угроза есть деяние, имеющее сложную структуру (включая, но не ограничиваясь, «двойным дном» в виде декларируемого и действительного умысла адресанта). Если принять последнюю из изложенных позиций, то становится ясным отношение законодателя, именно таким образом изложившим в тексте уголовного закона непростую норму, именно таким образом «намекнувшим», что отношение виновного лица к выраженной угрозе не является однозначно

---

[1] Там же. С.161-162.
[2] Левин П.Н. Указ. соч. С.21.
[3] Данелян Л.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (по материалам Тюменской области): автореф. дисс. … канд. юрид. наук. С.17.

таким же, как и в случае непосредственных посягательств на жизнь либо здоровье другого лица.

Поставленный в начале настоящей работы вопрос об объекте угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью позволил из всего массива мнений вычленить два основных варианта ответа на него.

Первый отталкивается от формальных оснований, и определяет объект преступления, предусмотренного статьей 119 УК РФ (как элемент его состава), как правоотношения, обеспечивающие безопасность жизни и здоровья человека. Такое толкование объекта предопределяет:

- классификационную принадлежность рассматриваемого состава к составам опасности (имея в виду отсутствие непосредственного причинения вреда угрозой жизни, здоровью человека либо охраняющим их отношениям);

- определение признака реальной опасности (реальности) угрозы как «создания реальной опасности причинения вреда» для объекта охраны.

Но данный вариант ответа на вопрос таит в себе много неопределенности: в отношении механизма создания деянием реальной опасности причинения вреда любому из двух объектов, об основаниях определения содержания признака реальности, о действительном умысле угрожающего лица и т.п.

В основе второго варианта ответа на вопрос лежит анализ угрозы как социально-правового явления, в связи с чем он содержательно раскрывает в первую очередь объект любой конкретной угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: свободу волеизъявления человека. На основании этого объект как элемент состава данного преступления можно определить как общественные отношения (правоотношения), направленные на охрану свободы волеизъявления человека.

Классификационная принадлежность состава меняется в таком случае на состав формальный (поскольку воздействие страхом завершается в момент доведения его до адресата), а роль признака реальной опасности сводится к отсечению не криминальных угроз – угроз, не обладающих

качеством общественной опасности. Данный вариант ответа дает более полное представление об интересующей нас угрозе, включая прорисовку механизма причинения вреда объекту охраны, обозначение структуры целей и их содержательное раскрытие.

Ранее в настоящей работе в качестве объекта как элемента состава преступления были определены правоотношения (часть общественных отношений, ограниченная описанием иных элементов состава в конкретных нормах уголовного закона). Последние же складываются и существуют между субъектами по поводу сохранности социальных ценностей (благ), и поэтому о них как об объектах преступления можно говорить лишь с учетом включенности их в правоотношения, как их элемент[1].

При определении же ценностей и благ, соотносимых с угрозой, оба представленных выше ответа на вопрос должны были, на первый взгляд, привести нас к единой и четкой позиции. Результаты исследования угрозы как социально-правового явления должны были показать те же охраняемые ценности, которые составляют ядро правоотношений, анализируемых при обращении к составу преступления, предусмотренному нормой части 1 статьи 119 УК РФ.

Но, несмотря на внутреннюю стройность, связность и информативность второго подхода, названные в нем в качестве объекта угрозы ценности не совпали с указанным элементом правоотношений. Что может судить либо о допущенных законодателем просчетах при конструировании правовых норм, либо о неверно выбранных «для проверки» преступных действиях, в том числе – и имеющих ошибочную квалификацию. Далее мы определим действительную причину противоречий, обратившись к рассмотрению объекта конкретных угроз убийством и угроз причинением тяжкого вреда здоровью, а также к сравнению его с довольно близким по содержанию объектом покушения на убийство.

---

[1] Винокуров В.Н. Указ. соч. С.26.

1.2. Характеристика состава покушения на убийство в российском уголовном праве

Согласно логике законодателя, в уголовном законе содержится перечень оконченных преступлений, конструкции которых описаны в нормах Особенной части, а также имеется указание на наказуемые неоконченные преступления (части 1 и 2 статьи 29 УК РФ), содержащие не все признаки состава, предусмотренного любой из таких норм.

Тема неоконченных преступлений весьма неоднозначна в уголовно-правовой науке. Противоречивые позиции занимают исследователи в отношении целого ряда вопросов: об их сущности, видах и признаках, об основании уголовной ответственности при их совершении, иных. Популярна точка зрения, согласно которой названные в Главе 6 УК РФ разновидности неоконченного преступления и оконченное преступление относят к стадиям совершения преступления[1], понимая под ними предусмотренные уголовным законом этапы развития умышленного преступления, различающиеся по степени реализации умысла и степени общественной опасности[2].

Однако, такую точку зрения следует сопроводить рядом замечаний. Во-первых, текст УК РФ не содержит термина «стадия совершения преступления». Пользуясь им, исследователи указывают, что он введен в обиход еще в дореволюционной теории уголовного права, и воспринят современной наукой[3]. Наиболее часто при этом отмечают вклад Н.С. Таганцева, создавшего «концепцию трех преступных воль»[4]. На весомом научном базисе работ о развитии преступной деятельности Л.Е. Владимирова[5], В.В. Есипова[6], П.Д. Калмыкова[1], А.Ф. Кистяковского[2], А.В.

---

[1] См., например: Уголовное право России. Общая часть. Учебник для вузов. В 2-х т. Т.1. / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. С.123; Уголовное право России. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. С.177-178; Уголовное право России. Общая часть. Учебник / Под ред. В.П. Ревина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юстицинформ, 2010. С.120; Уголовное право. Общая часть: учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко. С.306-307.
[2] См., например: Уголовное право России. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. С.177.
[3] Уголовное право. Общая часть: учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко. С.306.
[4] Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая: лекции / Н.С. Таганцев. – М., 1994. С.196-198.
[5] Владимиров Л.Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть. – Харьков, 1889. С.89.
[6] Есипов В.В. Очерки русского уголовного права. Часть Общая. – Варшава, 1894. С.255.

Лохвицкого[3], иных ученых в XIX веке была оформлена концепция стадий совершения преступления.

Во-вторых, нет однозначного мнения как по поводу количества стадий совершения преступного деяния (за рамками трех уже названных исследователи прорисовывают структурные образования, которые уголовным законом не охватываются[4], включая возникновение замысла на совершение преступления[5]), так и в отношении количества разграничительных признаков стадий[6].

Отсутствие качеств целостности и внутренней непротиворечивости в стадийном подходе к природе преступления опосредует наличие и иной, довольно любопытной точки зрения, согласно которой приготовление к преступлению и покушение на преступление являются не этапами развития преступной деятельности, а самостоятельными внестадийными деликтами[7].

Анализируя цепочку «приготовление к преступлению – покушение на преступление – оконченное преступление», ее сторонники указывают, что преступный умысел лица не всегда последовательно проходит все эти этапы, и вряд ли можно говорить о «поглощении» последующего этапа предыдущим[8]. Стадийная теоретическая конструкция может представляться верной для определенной категории преступлений, в которых противоправный умысел реализуется лицом постепенно и неукоснительно[9]. Однако уголовно наказуемые деяния могут совершаться, например, в

---

[1] Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. – СПб, 1866. С.175.
[2] Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник уголовного права. Общая часть. – Киев, 1875. С.171.
[3] Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. – СПб, 1871. С.236.
[4] См., например: Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права: Уголовный закон. В 6-ти томах: Часть Общая. Т.1. / Под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. – М., 1970. С.403; Максаров Д.Д. Выявление лиц, замышляющих или подготавливающих преступление, - одно из условий предотвращения преступлений / Д.Д. Максаров. – М., 1964. С.17; Герцензон А.А. Уголовное право. Часть общая / А.А. Герцензон. – М., 1948. С.346.
[5] См., напр.: Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. - М., 1961. С.187; Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. С.45.
[6] См., например: Иванов В.Д. Стадии совершения преступления / В.Д. Иванов, С.Х. Мазуков. – Ростов-на-Дону, 1998. С.5; Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – 2-е изд, перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2008. С.219.
[7] Ситникова А.И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление. М.: Ось-89, 2006. С.154.
[8] Ситникова А.И. Указ. соч. С.96; Назаренко Г.В. Русское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. – М., 2000. С.116-117.
[9] Ситникова А.И. Указ. соч. С.99-100.

состоянии аффекта, со внезапно возникшим умыслом. Условия для его развития (а равно – и для существования стадий) в подобных случаях отсутствуют.

Противоречит представлению о целенаправленной стадийной природе преступной деятельности и законодательно закрепленный признак неоконченных преступлений – не доведение до конца деяния по обстоятельствам, не зависящим от виновного. На каком бы из этих этапов не остановилась реализация умысла, она однозначно пресекается, не получает своего дальнейшего развития. Для стадий же характерны связи, трансформирование одной из них в другую, «поглощение» предыдущей каждой из последующих.

Между тем, существует и весьма обоснованная позиция о необходимости разведения понятий «стадии совершения преступления» и «неоконченные преступления» (или «неоконченная преступная деятельность»). В замечаниях, сделанных в этом направлении А.П. Козловым, обращают на себя внимание следующие важные моменты.

Стадии совершения преступления являются этапами поступательного непрерывного развития преступной деятельности во времени и пространстве с момента возникновения у субъекта психического отношения к деянию и результатам своего поведения до наступления преступного последствия или прерывания преступной деятельности[1]. И сообразно с такими временными рамками, должно быть выделено пять стадий, каждая из которых предваряет наступление следующей: возникновение преступного замысла, его обнаружение, создание условий совершения преступления, исполнение преступления и наступление его последствий (включая частичный и полный результат)[2]. Все они могут быть выделены в оконченном преступлении, но отнюдь не в видах неоконченного преступления, перечисленных в статье 29

[1] Козлов А.П. Указ. соч. С.40.
[2] Там же. С.41-107.

УК РФ. Поскольку последние оканчиваются самостоятельно, не предваряют ни друг друга, ни оконченное преступление[1].

Приготовление к преступлению и покушение на преступление автор относит к видам пресеченной преступной деятельности, прерывание которой происходит помимо воли осуществляющего ее лица[2]. После какого-либо из данных видов преступной деятельности никакого продолжения посягательства уже не существует. И поэтому предварительность неоконченным преступлениям не свойственна. Сущность же любого из них, по мнению А.П. Козлова, возможно определить на основании признаков: прерывания преступной деятельности на определенной стадии и причин такого прерывания. В этой связи, приготовление к преступлению определяется как деятельность, оконченная помимо воли субъекта на стадии создания условий совершения преступления, а покушение – как деятельность, оконченная помимо воли субъекта на стадии исполнения преступления (до частичного наступления преступного результата включительно)[3].

Анализируя сказанное выше, стоит согласиться с тем, что неоконченные преступления обладают признаками общественной опасности, противоправности, виновности и наказуемости, присущими так же и окоченному преступлению[4]. И поскольку единственным основанием для привлечения лица к уголовной ответственности является наличие в его деянии всех признаков состава преступления (статья 8 УК РФ), следует признать существование хотя бы прямо и не оговоренного в законе состава неоконченного преступления[5], а приготовление к преступлению и покушение на преступление – его разновидностями. Таким образом, далее мы раскроем

---

[1] Там же. С.31.
[2] Там же. С.199.
[3] Там же. С.207, 279.
[4] Ситникова А.И. Указ. соч. С.106-108; Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. С.221-222; Уголовное право. Общая часть: учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко. С.308.
[5] Уголовное право. Части Общая и Особенная: курс лекций / Под ред. А.И. Рарога. – М.: Проспект, 2005. С.93; Уголовное право России. Общая часть. Учебник / Под ред. В.П. Ревина. С.123; Уголовное право. Часть Общая: Учебник для вузов / Под ред. Л.Л. Кругликова. С.115.

элементы и признаки одного из видов неоконченного преступления – покушения на убийство.

Нормы, криминализующие совершение покушения на убийство и угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, расположены в структуре УК РФ аналогично друг другу (за исключением норм части 3 статьи 30 Общей части УК РФ, которые имеют отношение лишь к покушению на убийство). Родовой и видовые объекты для данных преступлений едины. Однако, учитывая множество упомянутых противоречий, относящихся к угрозе, состав покушения на убийство удобнее описывать, отталкиваясь от структуры состава соответствующего оконченного преступления.

Толкование непосредственного объекта убийства протекает в двух основных направлениях. В первом из них он понимается как совокупность специфических общественных отношений, поставленных под охрану уголовного закона. Что можно продемонстрировать на примере точек зрения Э.Ф. Побегайло, определяющего его как общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни человека[1], А.П. Козлова, полагающего, что под ним следует понимать множество различных совокупностей отношений, в которые человек вступает как член общества[2], и т.д.

В рамках второго направления непосредственный объект убийства понимается как составное образование, одной частью которого являются складывающиеся по поводу блага общественные отношения, а второй – жизнь человека (как биологическое явление). Так, например, Г.Н. Борзенков раскрывал интересующий нас объект «с одной стороны, как естественный физиологический процесс, а с другой – как обеспеченную законом возможность существования личности в обществе»[3]. В этом же ключе характеризует объект убийства Т.А. Плаксина, выделяя в нем сложную, «трехслойную» структуру: жизнь человека как биологическое явление,

[1] Уголовное право России. Особенная часть. Учебник для вузов. В 2-х т. Т.2. / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. С.13.
[2] Козлов А.П. Понятие преступления. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. С.261.
[3] Борзенков Г.Н., Комиссаров В.С. Указ. соч. С.93.

охраняемое общественное отношение (объектом которого является жизнь конкретного человека, а субъектами – само данное лицо и все иные лица) и охраняющее общественное отношение (в котором объект – обозначенное выше охраняемое общественное отношение, а субъекты – государство и лица, не являющиеся обладателями указанного блага)[1].

Выделение в структуре объекта убийства наравне с общественными отношениями, направленными на охрану определенной ценности (жизни человека), также и самой ценности должно иметь под собой определенные основания. И на них довольно четко указывает Н.А. Лопашенко: «Жизнь человека самоценна и охраняется сама по себе как самое главное благо человека. Общественным отношениям, правам, интересам вред в результате убийства, несомненно, тоже причиняется. Но не он определяет основную общественную опасность убийства, а то, что преступник противоправно распоряжается тем основным благом другого человека, которое ему не принадлежит»[2].

Подобное замечание в отношении объекта убийства представляется нам в целом верным. При этом считаем необходимым сопроводить его следующими замечаниями: во-первых, как было сказано ранее в работе, объект как элемент конкретного состава преступления более корректно определять именно как правоотношения (определенную часть общественных отношений, ограниченную описанием иных элементов состава); во-вторых, довольно часто при определении объекта убийства равно употребляются понятия «человек» и «личность». Несомненно, что при самостоятельном рассмотрении они содержательно отличны друг от друга. Но в рамках уголовного закона, априори регулирующего отношения между членами определенной части общества, различия между ними не обнаруживаются остро. Применительно к объекту убийства, в частности, стоит заметить, что сама жизнь охраняется от момента родов, начиная с которого можно

[1] Плаксина Т.А., Ярцева Л.С. Объективные признаки убийства: общая характеристика: монография. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009.С.12-13.
[2] Лопашенко Н.А. Указ. соч. С.83.

установить признаки жизнедеятельности плода (дыхание, сердцебиение, движения мускулатуры)[1] до момента смерти мозга или биологической смерти человека[2], а действия правоприменителя должны обеспечивать защиту «не только лиц, ставших в процессе социализации личностями, но и тех «существ человеческого рода», которые еще не приобрели либо не могут приобрести в принципе свойств личности»[3].

Временные границы правовой охраны наивысшей ценности и перечень лиц, являющихся ее носителями, не будут меняться при переходе от объекта убийства к объекту покушения на убийство. Но между тем, содержание одной из составляющих объекта – правоотношений, направленных на охрану жизни человека – должно быть скорректировано ввиду того, что при совершении неоконченного преступления разрыва социальной связи между субъектами не происходит, субъектный состав правоотношений остается прежним, поскольку все остаются живы. Уточнить содержание объекта покушения на убийство в этой части возможно после рассмотрения иных элементов интересующего нас состава.

Состав оконченного убийства материальный: оно завершено в момент наступления общественно опасного последствия в виде смерти человека. Данный признак – наступление общественно опасного последствия – значим и при оценке покушения на убийство: его отсутствие при совершении виновным действий, составляющих объективную сторону неоконченного преступления, характеризует этот состав. Покушаясь на убийство лица, субъект предпринимает определенные действия (бьет ножом, выстреливает из огнестрельного оружия) либо намеренно бездействует (отказывается кормить беспомощного или малолетнего ребенка), однако все это не

---

[1] Уголовное право. Особенная часть: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М.: ИНФРА-М, 2008. С.24.

[2] Приказ Минздрава РФ от 4 марта 2003 г. № 73 «Об утверждении Инструкции по определению критериев и порядка определения момента смерти человека, прекращения реанимационных мероприятий» // «Российская газета» от 15 апреля 2003 г., № 72; Постановление Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека» // «Российская газета» от 25 сентября 2012 г. № 220.

[3] Плаксина Т.А., Ярцева Л.С. Указ. соч. С.6.

приводит к наступлению смерти жертвы в силу обстоятельств, не зависящих от него. Нормой части 3 статьи 30 УК РФ предусмотрены обе формы деяния при совершении покушения, однако на практике возможны случаи, когда данное неоконченное преступление носит сложный характер и состоит из сочетания действия и бездействия в определенном порядке[1]. Таким образом, при раскрытии состава покушения на убийство следует уделить особое внимание общественно опасному деянию.

Данный элемент объективной стороны отличают три характерных признака: его направленность на совершение оконченного преступления, незавершенность преступного посягательства и обусловленность незавершенности обстоятельствами, не зависящими от виновного[2].

Объективно направленность умысла находит отражение в характере деяния. Как уже было сказано, действия при убийстве направлены на причинение вреда жизни другого лица и правоотношениям по охране жизни, в которые оно включено. Будучи доведены до конца, они причинили бы такой вред, но при совершении покушения они с необходимостью создают реальную опасность его причинения[3]. Существует мнение о том, что общественная опасность покушения и заключается в создании реальной возможности наступления преступного результата, охватываемого умыслом субъекта[4].

Сходные позиции в данном вопросе занимает А.П. Козлов, указывающий, что опасность любой пресеченной преступной деятельности (и покушения на преступление, в том числе) состоит в создании опасности причинения ущерба общественным отношениям, а степень такой опасности зависит от степени приближенности поведения виновного к действительному ущербу[5]. По его мнению, поскольку после пресечения преступной

---

[1] См. подробнее: Анисимов А.А. Неоконченные преступления и особенности их доказывания: дисс. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. С.45.
[2] Уголовное право России. Особенная часть. Учебник для вузов. В 2-х т. Т.2. / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. С.129.
[3] Анисимов А.А. Указ. соч. С.45.
[4] Уголовное право России. Общая часть. Учебник / Под ред. В.П. Ревина. С.130.
[5] Козлов А.П. Учение о стадиях преступления … С.203.

деятельности дальнейшего посягательства на объект не происходит, при оценке опасности такой деятельности мы сравниваем не две реальности (наличное покушение на убийство и любое оконченное убийство), а реальность (пресеченное посягательство) и абстрактную возможность (представляемый результат от такого посягательства)[1]. Учитывая предложенный им взгляд на соотношение стадий совершения преступления и неоконченной преступной деятельности, совершение покушения на преступление возможно на временном промежутке от начала исполнения преступления до частичного наступления преступного результата включительно[2]. УА.Ю. Решетникова мы так же находим замечания о том, что покушение не исключает вовсе наступление вредных последствий. Однако они никогда не могут быть теми же, что составляют конструктивный признак состава задуманного преступления[3].

Отмечается, что в результате совершения покушения на преступление возможны как возникновение угрозы причинения вреда охраняемому объекту, так и причинение ему «определенного» вреда[4]. При этом в обоих из случаев посредством начала выполнения объективной стороны жизнь человека и связанные с ней общественные отношения ставятся под непосредственную (реальную) угрозу причинения вреда[5]. Сопоставление указанных позиций оставляет неясным содержание, которое вкладывают авторы в понятия «определенного вреда» и «связанных с жизнью общественных отношений», но обозначает один из наиболее существенных вопросов о рассматриваемом составе: какую все же роль играют вредные

---

[1] Там же. С.204.
[2] Там же. С.267.
[3] Решетников А.Ю. Покушение на преступление в российском уголовном праве: дисс. … канд. юрид. наук. М, 2007. С.35; Анисимов А.А. Указ. соч. С.46.
[4] См., например: Уголовное право России. Общая часть. Учебник / Под ред. В.П. Ревина. С.129; Анисимов А.А. Указ. соч. С.45.
[5] См., например: Уголовное право. Общая часть: учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко. С.316; Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. С.231; Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. С.490; Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1977. С.40; Редин М.П. Преступления по степени их завершенности в российском праве (понятие, система преступлений, ответственность, концепция совершенствования законодательства): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. С.15.

последствия при покушении на убийство в механизме воздействия на объект данного неоконченного преступления?

В большинстве случаев совершения интересующего нас неоконченного преступления вред реален и неизбежен, поскольку покушающийся предпринимает адекватные преступной цели меры: наносит удары, сдавливает дыхательные пути, сбрасывает с высоты и т.д. Следуя объективным законам развития причинно-следственной связи, невозможно утверждать о том, что подобного рода действия никоим образом не отразятся на объекте преступления.

Между тем, о таких последствиях ничего не сказано в тексте уголовного закона. Это обстоятельство предопределено тем, что реально возникающий в результате покушения на убийство вред дифференцирован, и не может быть учтен законодателем в общеобязательной норме. В каждой конкретной ситуации избранная преступником интенсивность посягательства, оказанное жертвой сопротивление, время возникновения и характер обстоятельств, делающих невозможным достижение преступного результата, иные факторы, образующие вкупе чрезвычайно сложный комплекс, опосредуют причинение вреда, который не может и не должен быть равным причиняемому при иных условиях. Можно отметить, однако, что действия лица, подчиненные умыслу на лишение жизни, предопределяют наступление последствий, «лежащих в русле» посягательства на объект. Наиболее вероятно, что вместо ожидаемой виновным смерти лица преступный результат «выльется» в причинение вреда здоровью потерпевшего различной степени тяжести. Такова природа объектов, объединенных законодателем в составе главы 16 УК РФ: посягательство на жизнь человека неизменно затрагивает своим неблагоприятным воздействием и его здоровье.

Вред различной степени тяжести для здоровья потерпевшего одновременно является и реальным вредом, и свидетельством возникновения реальной опасности причинения вреда объекту убийства (поскольку на его

причинение направлен умысел покушающегося). При этом не требуется дополнительной квалификации содеянного по фактически наступившим последствиям. Иной подход противоречит принципу вины, закрепленному в статье 5 УК РФ. Одни и те же действия субъекта не могут быть направлены и на причинение смерти, и на причинение вреда здоровью.

Следует заключить, что вредные последствия при покушении на убийство играют двоякую роль: являются и реальным вредом для здоровья человека (не являющимся конструктивным признаком состава покушения на убийство), и обоснованием возникновения реальной опасности причинения вреда для объекта правовой охраны, который мог бы наступить при отсутствии прерывающих обстоятельств, не зависящих от воли покушающегося. Оценочный признак «реальная опасность причинения вреда» применительно к рассматриваемому составу получает таким образом свое подтверждение, «основание» к применению.

Однако не следует подтверждение данного признака привязывать лишь к реально фиксируемым вредным последствиям. Следует помнить и о тех случаях покушений на убийство, в которых, не достигая конечной своей цели, действия покушающегося могут не привести вообще к сколь-либо реально фиксируемым повреждениям у потерпевшего (например, вследствие поражения иного субъекта по ошибке, неисправности средства посягательства и т.д.). В этих случаях намерение причинить смерть следует из характера совершенных действий, избранных орудий и способов совершения преступления, иных обстоятельств происшедшего. На соответствующие примеры указывают А.И. Рарог, Э.Ф. Побегайло:

1) «А., намереваясь лишить жизни Б., стреляет в него из пистолета, но, промахнувшись, попадает в проходившего мимо В. и убивает его. Выстрел, направленный в Б., является покушением на убийство независимо от того, попала ли пуля в В. или в стоящее неподалеку дерево»[1];

[1] Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практическое пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. - М.: «Проспект», 2009. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

2) «Сотрудник агропредприятия С. был назначен работать по перевозке людей через разлившуюся реку. Во время работы С. напился пьяным, и управляющий отделением агропредприятия Ш. отстранил его от работы. С. стал просить Ш., чтобы тот отменил свое распоряжение, но последний отказался это сделать. Тогда С. решил убить Ш. Он поехал к себе домой, взял заряженное ружье и пришел в контору, где находился Ш. Там он с целью убийства навел ружье на Ш. и нажал на курок. Однако ввиду неисправности спускового механизма ружье не выстрелило. Присутствовавшие при этом работники агропредприятия отобрали у С. ружье.

Из материалов дела видно, что С. не знал о неисправности ружья, он думал, что из него можно стрелять. Поэтому он должен нести ответственность за покушение на убийство»[1].

Как отмечает А.Ю. Решетников, создание опасности наступления вреда является особым свойством, одновременно характеризующим объективную сторону покушения и выступающим признаком отграничения его от приготовления к преступлению[2]. Отдельно автор обращает внимание на то, что данная категория не может выступать инструментом оценки субъективного элемента – воли виновного лица. Иными словами, характеризуя его намерения, неприемлемо говорить о том, что он желал создать реальную опасность для жизни потерпевшего, и для этого предпринял действия. Человек, который убивает другого человека, может желать лишь убить, а не создать такую опасность.

Поэтому следует согласиться с тем, что реальная опасность причинения вреда характеризует именно деяние в составе объективной стороны покушения на убийство, является наравне с тремя указанными выше еще одним его признаком. Вредные последствия покушения на убийство (хотя бы и не охватываемые нормой закона) не являются элементом состава

[1] Уголовное право России. Учебник для вузов. В 2-х т. Т. 1. Общая часть / Отв. ред. А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. С.132.
[2] Решетников А.Ю. Указ. соч. С.52.

(как в случае оконченного убийства), полноценным и самостоятельным, поскольку привязаны к данному признаку.

О том, что подтверждением реальной опасности причинения вреда жизни человека могут являться повреждения здоровья, свидетельствует и позиция Верховного Суда РФ, отраженная в Постановлении Пленума от 27.09.2012 г. № 19: «о наличии такого посягательства могут свидетельствовать … причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, ранения жизненно важных органов)»[1].

Наконец, дополняя представление о вредных последствиях при покушении на убийство, стоит упомянуть о причинно-следственных связях между ними и общественно опасным деянием, входящим в объективную сторону преступления.

Традиционно причинно-следственная связь представляется как необходимая и объективная связь между явлениями (причиной и следствием), установление которой правоприменитель может основывать лишь на достоверно установленном факте подобной связи[2]. При рассмотрении общественно опасных последствий конкретного преступления необходимо устанавливать, причинены ли они именно этим деянием лица, либо причиной для их наступления послужило иное действие (бездействие). Наличие причинно-следственной связи может быть признано лишь тогда, когда вредные последствия объективно, хотя бы и независимо от воли действующего лица, порождены рассматриваемым деянием. Однако выше мы отмечали, что состав покушения на убийство не следует относить к материальным, а последствия не следует считать его конструктивным признаком. Какую же роль в таком случае может выполнять установленная связь между повреждениями у потерпевшего, наступившими в результате покушения, и действиями по его осуществлению?

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», пункт 2[Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».
[2] Решетников А.Ю. Указ. соч. С.46-47.

Если принимать во внимание, что причиненный вред здоровью потерпевшего служит подтверждением признака создания реальной опасности причинения вреда его жизни, характеризующего преступное деяние, и причинно-следственная связь устанавливается между таким деянием и вредными последствиями, то следует заключить, что установление связи является необходимым условием выполнения данной роли вредными последствиями, выведенными за рамки состава покушения. Вред для здоровья различной степени тяжести, если он возник вследствие действий иного лица (не покушающегося), действий, имеющих иной умысел (нежели при покушении на убийство), иных самостоятельных причин, вряд ли возможно использовать для обоснования признака реальной опасности причинения вреда. Тогда речь об их наказуемости (либо ненаказуемости) можно вести в рамках иных составов, предусмотренных уголовным законом.

Любопытный пример, в котором в развитие причинно-следственной связи вмешиваются сторонние обстоятельства, в связи с чем оказывается невозможно установить ее наличие, а ожидаемый результат наступает вне зависимости от предпринятых покушавшимся лицом действий, описан О.Н. Ярошенко: «Было установлено, что И. ударил ножом У. в левую сторону груди. Доставленный в тяжелом состоянии в больницу У. скончался после операции от вызванной принятием наркоза асфиксии, наступившей вследствие закрытия дыхательных путей рвотной массой. По заключению эксперта судебно-медицинской экспертизы, смерть У. наступила в результате непредвиденной случайности. Фактически непосредственной причиной смерти У. явился несчастный случай. Основываясь на установленных в деле данных, Пленум Верхового Суда признал, что, так как действия И. не находились в прямой причинной связи со смертью У., их следует квалифицировать не как оконченное преступление – убийство, а как покушение на убийство»[1].

[1] Ярошенко О.Н. Убийство: понятие и квалификация: дисс. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003. С.92-93.

Как видим, непоправимые вредные последствия имели собственную причину (асфиксию, вызванную принятием наркоза). Квалификация же состава как покушения на убийство была дана по «установленным в деле данным», в числе которых, несомненно, оказались и характер действия виновного (удар в область жизненно важных органов), и собранная информация об истинном умысле (к сожалению, не приведенная в работе). Повреждения (смерть лица), потерявшие причинно-следственную связь с действием, таким образом, потеряли «подтверждающее опасность» свойство.

Развитие связи между действием и последствиями может протекать и скрыто для стороннего наблюдателя. Например, если смерть наступила не сразу после прекращения посягательства, а через некоторый промежуток времени. При отсутствии иных явлений-причин, по мнению исследователей, первоначальная квалификация деяния как покушения на убийство в таких случаях должна быть изменена (а первично выведенные за рамки состава последствия должны стать его частью), поскольку уголовный закон не оперирует так называемыми «критическими» сроками развития причинно-следственной связи между действием и последствием[1].

Сложность рассматриваемого состава состоит еще и в том, что одни и те же действия могут составлять объективную сторону смежных преступлений: на объективном уровне проследить развитие и прерывание причинно-следственной связи становится практически невозможным. Решение этой проблемы кроется в установлении субъективного отношения лица к содеянному: в зависимости от вида вины удар ножом в живот человека может быть и деянием, направленным на причинение тяжкого вреда здоровью, и частью покушения на убийство.

Подводя промежуточный итог сказанному о признаке реальной опасности причинения вреда, характеризующем деяние при покушении на убийство, и механизме воздействия деяния на объект, сделаем некоторые

[1] См., напр.: Плаксина Т.А., Ярцева Л.С. Указ. соч. С.106-107; Плаксина Т.А., Ярцева Л.С. Субъективные признаки убийства: общая характеристика: монография. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013.С.102; Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. С.232-233.

замечания в отношении объекта как элемента рассматриваемого состава неоконченного преступления. Так, приведенные ранее Н.А. Лопашенко обоснования самостоятельного выделения в структуре объекта жизни человека не могут быть изменены по той причине, что данной части объекта не причиняется вред, а создается лишь реальная опасность его причинения. Своей особой ценности объект от этого не теряет. Логичнее утверждать скорее обратное: жизнь человека в правовом поле обладает наивысшей ценностью, и поэтому она поставлена под охрану не только от деяний, причиняющих непоправимый вред, но и то деяний, создающих опасность его причинения.

В отношении общественных отношений, ограниченных описанием иных элементов состава преступления (правоотношений) и являющихся второй составной частью объекта покушения на убийство, полагаем необходимым уточнить их содержание. Как уже было отмечено, они складываются между субъектами по поводу конкретной ценности или блага и нарушаются вследствие совершения преступления на уровне разрыва социальной связи между ними в отношении той же ценности. В то же время в связи с созданием реальной опасности причинения вреда жизни конкретного человека разрыв связи между ним и иным субъектом (субъектами) не происходит. Потерпевший остается жив. Однако и само лицо, в отношении которого было предпринято покушение, и иные лица получают «сигнал» о том, что такая связь может быть разорвана, а доступ к жизни вследствие совершения покушений оказывается небезопасным. Поэтому более верно при определении правоотношений, включенных в состав объекта покушения на убийство, определять их как направленные на охрану безопасного доступа к жизни человека.

Нетрудно заметить, что данное определение правоотношений, включенных в объект состава покушения на убийство, и определение объекта состава угрозы убийством, содержание признаков реальной опасности (реальности) и реальной опасности причинения вреда, видовая

принадлежность указанных составов практически не отличаются между собой (в том случае, если в качестве одной из сторон для сравнения мы принимаем элементы состава угрозы убийством, определенные с позиций формального подхода).

Однако охрану одних и тех же правоотношений от однородных посягательств не могут обеспечивать нормы о двух и более преступлениях. Хотя бы уже поэтому вновь следует признать, что формальный подход к составу угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью несостоятелен. Жизнь человека и правоотношения, обеспечивающие безопасный доступ к ней, поставлены под защиту посредством норм о покушении на убийство, и для угроз, предусмотренных в настоящее время статьей 119 УК РФ, это может быть лишь индикатором того, что их действие имеет иное, самостоятельное направление.

Следующий признак деяния (признак незавершенности преступного посягательства) важен одновременно и для характеристики самого покушения на убийство, и для отграничения его от оконченного убийства. Не успев завершить преступление, субъект не выполняет полностью его объективную сторону. Для обозначения субъективного отношения покушающегося к совершаемым действиям настоящий признак также предлагается именовать «пресечением преступления», поскольку в таком виде он более явно позволяет разграничить покушение с оконченным преступлением и добровольным отказом от совершения преступления[1].

Действия, составляющие объективную сторону рассматриваемого неоконченного преступления, для стороннего наблюдателя (и при оценке постфактум) выглядят аналогично действиям при убийстве: субъект наносит удары в область жизненно важных органов потерпевшего, топит, сбрасывает с высоты последнего и т.д. Однако не завершает их (как указано в тексте уголовного закона) по не зависящим от него обстоятельствам. На начальном этапе предварительного расследования такие действия могут быть оценены

[1] Козлов А.П. Учение о стадиях преступления …С.285.

вариативно: как свидетельство оконченного преступления, связанного с причинением вреда здоровью человека, как покушение на такое причинение вреда, как свидетельство покушения на убийство. Изменение оценки возможно после анализа правоприменителем обстоятельств, принципиально оказавших влияние на то, что потерпевший остался жив.

Согласно содержанию норм статьи 30 УК РФ, они носят объективный характер, являются сторонними по отношению к воле виновного. И обладая таким качеством, с одной стороны – характеризуют покушение на преступление, а с другой – позволяют отграничить его от добровольного отказа от преступления (статья 31 УК РФ).

Круг «прерывающих» реализацию умысла обстоятельств весьма широк. В целях удобства их оценки предлагаются различные классификации[1]. Но особый интерес представляет классификация рассматриваемых обстоятельств на непреодолимые и преодолимые (делающие доведение преступления до конца невозможным и маловероятным соответственно)[2]. Если действие первых на субъекта при выполнении объективной стороны преступления не оставляет сомнений в том, что содеянное может быть квалифицировано как покушение на убийство, то действие вторых, преломленное в сознании преступника, может свидетельствовать и о добровольном отказе. Поскольку прекращение целенаправленных действий происходит виновным лицом в условиях, при которых практическая возможность завершения преступления все же существует, хотя и требует дополнительных усилий с его стороны. Столь тонкий момент разграничения как видов обстоятельств, так и покушения на преступление с добровольным отказом от него увязан прочно с субъективным отношением виновного к деянию. Если возникшие обстоятельства, по его убеждению, были преодолимы, но он по собственному

[1] Например, деление обстоятельств на вызванные внешними факторами (непригодность приготовленных средств и орудий, активное сопротивление потерпевшего и т.п.) и опосредованные внутренними (включая, но не ограничиваясь, неопытностью, неподготовленностью посягающего и т.п.). См. подробнее: Жукова Т.Г. Уголовная ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление. М.: Илекса, 2007. С.50-51; Решетников А.Ю. Указ. соч. С.36-37.

[2] См., например: Анисимов А.А. Указ. соч. С.47-48; Решетников А.Ю. Указ. соч. С.37-38.

желанию отказался от преступных действий, то налицо наличие основания освобождения от уголовной ответственности; если же возникшие обстоятельства расценены им как делающие невозможным доведение умысла до конца, то в его действиях могут содержаться признаки состава покушения[1]. При любом из возможных вариантов Верховный Суд РФ предписывает устанавливать обстоятельства, в силу которых виновный не смог реализовать задуманное[2].

Содержание же столь часто упоминаемой в работе субъективной стороны покушения на убийство, согласно распространенному мнению, составляет только прямой умысел. По мнению законодателя и правоприменителя, лицо, намеревающееся лишить жизни другое лицо, должно осознавать общественную опасность направленных на это собственных действий (бездействия), предвидеть возможность или неизбежность наступления результата и желать его наступления. Данная позиция подчеркнута Верховным Судом РФ в пункте 2 постановления Пленума от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)»: «покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом, то есть когда содеянное свидетельствовало о том, что виновный осознавал общественную опасность своих действий (бездействия), предвидел возможность или неизбежность наступления смерти другого человека и желал ее наступления, но смертельный исход не наступил по не зависящим от него обстоятельствам»[3].

Тем не менее, в теории уголовного права существует и иное, диаметрально противоположное мнение: ряд исследователей полагают, что покушение на убийство возможно как с прямым, так и с косвенным умыслом. Многочисленные примеры таких точек зрения приводят в своих работах Н.А.

---

[1] Там же.
[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3. С.18.
[3] Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда СССР и РСФСР (РФ) по уголовным делам. – М., 1999. – С.532.

Лопашенко[1], Э.Ф. Побегайло (включая примеры из судебной практики)[2]. Однако и они приходят к выводу об их упречности, несостоятельности.

Различие в волевом элементе приводит к тому, что при косвенном умысле субъект преступления лишь сознательно допускает возможность наступления общественно опасных последствий. По отношению к последним он занимает пассивную позицию, не стремится к ним, не связывает с их наличием достижение цели. Поскольку же в таком случае виновный не желает завершения материального состава убийства и наступления смерти потерпевшего, такое лицо не может и покушаться на убийство. Следует, таким образом, дополнить характеристику субъективной стороны покушения указанием на то, что наличие цели совершить оконченное преступление, предусмотренное Особенной частью УК РФ, является обязательным ее признаком[3].

Некоторые замечания к приведенному тезису о субъективной стороне покушения на убийство следуют и из рассмотрения частных случаев деяния. Среди последних противоречивые мнения высказываются в отношении покушения на убийство, совершенного в состоянии аффекта (ч. 3 ст. 30, ст. 107 УК РФ).

Один полюс мнений представлен авторами, отрицающими возможность такового на том основании, что при совершении убийства в состоянии аффекта лицо смутно предвидит результат собственных действий, поэтому желать их не может[4]. По их мнению, состояние аффекта, характеризующееся внезапностью для самого виновного, исключает возможность развития умысла, постановки цели, следовательно – и формирование прямого умысла на убийство[5]. Другой полюс представлен позициями авторов, утверждающих о том, что аффектированное состояние

---

[1] Лопашенко Н.А. Указ. соч. С.136-137.
[2] Побегайло Э.Ф. Указ. соч. С.472-473.
[3] Жукова Т.Г. Указ. соч. С.52; Решетников А.Ю. Указ. соч. С.39.
[4] Ткаченко В.И. Понятие и виды покушения на преступление // Вопросы теории и практики применения уголовного законодательства. Красноярск. 1990. С.50; Сидоров Б.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминалистическое значение. Социально-психологическое и правовое исследование. Казань: Изд-во Казан.ун-та, 1978. С.53.
[5] Там же.

лица в момент совершения убийства не исключает формирования прямого умысла, не исключает возможность недоведения его до завершения[1]. В пользу этой точки зрения высказывается, например, С.В. Чернокозинская, приводя в своей работе следующий пример из судебной практики: «Так, Л. был осужден за покушение на убийство двух лиц в состоянии аффекта, когда он, застав дома жену в постели с неизвестным мужчиной, зубилом нанес им несколько ударов в различные части тела»[2]. Увы, детального анализа данного вопроса (равно – и однозначного ответа на него) мы не можем найти и здесь.

Анализ субъективной стороны рассматриваемого состава тесно связан и с классификацией покушений на два вида: оконченное и неоконченное. В основу деления положен субъективный критерий: представление покушающегося о степени завершенности своих действий (бездействия). Оконченное покушение на убийство можно констатировать тогда, когда виновный выполнил все действия, которые предполагал необходимыми для наступления смерти, однако преступный результат не наступил в силу не зависящих от него обстоятельств. Неоконченное покушение на убийство имеет место быть при невыполнении всех действий, которые, по мнению виновного, следовало совершить для окончания посягательства, вследствие наступления сторонних обстоятельств[3].

И в том, и в другом случае умыслом субъекта покушения охватываются все элементы оконченного состава, но различен объем реально выполненной объективной стороны. По мнению исследователей, бóльшая степень общественной опасности отличает оконченное покушение (поскольку по своим признакам оно ближе к оконченному преступлению)[4] и совершившее его лицо (поскольку оно «ближе подошло» к моменту окончания

---

[1] Курс уголовного права. Общая часть. В 5-ти т. Т.1. Учение о преступлении: Учебник для ВУЗов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002. С.372; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. С.214.

[2] Чернокозинская С.В. Приготовление к преступлению: понятие, основания, и принципы криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказания: дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С.134.

[3] См., напр.: Уголовное право России. Общая и Особенная части. Учебник / Под ред. Н.Г. Кадникова. – М.: Городец, 2006. С.183; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. С.91.

[4] Уголовное право России. Общая часть. Учебник для вузов. В 2-х т. Т.1. / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. С.131; Уголовное право. Общая часть: Учебник. Издание второе перераб. и доп. / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. С.235.

преступления)[1]. В этом же ключе дано и замечание А.П. Козловым: деление покушения на оконченное и неоконченное способствует решению вопроса об индивидуализации наказания для виновного лица[2].

Существует позиция и о том, что основание для оценки незавершенности покушения лежит не в субъективном, а в объективном русле (т.е. в установлении достаточности фактически совершенных действий для наступления преступного результата)[3]. Однако принятие подобной позиции, как верно было отмечено Н.В. Дурмановым, привело бы к «бесконечным схоластическим спорам о том, были или не были необходимы для совершения преступления действия, фактически совершенные виновным»[4]. Изолированное и самостоятельное применение объективного критерия имеет две негативные крайности: возможность, с одной стороны, утверждать о недостаточности действий виновного для достижения цели во всех случаях, когда потерпевший остается жив (и отсутствие, таким образом, реальных примеров оконченного покушения на убийство), и игнорирование, с другой стороны, отношения виновного к совершенным им действиям (что есть необходимое условие установления вины субъекта и определения степени общественной опасности содеянного)[5]. Стоит, поэтому, признать, что эффективное оперирование категориями «оконченное покушение» и «неоконченное покушение» должно строиться на совокупном обращении к субъективному и объективному критериям незавершенности умысла.

Прямой умысел на лишение жизни присутствует и в действиях, «выливающихся» в покушение на негодный предмет, покушение с негодными средствами. В первом случае действия виновного вследствие допускаемой фактической ошибки относительно качеств предмета посягательства не создают реальной опасности причинения вреда

---

[1] Уголовное право. Общая часть: учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко. С.317.
[2] Козлов А.П. Учение о стадиях преступления … С.289.
[3] См., например: Курс уголовного права. Общая часть. Т.1 / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999. С.372.
[4] Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. – М., 1967. С.146.
[5] Уголовное право России. Общая часть. Учебник для вузов. В 2-х т. Т.1. / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. С.235.

(классическим примером тому служит производство выстрела из огнестрельного оружия в труп). Во втором случае покушающееся лицо применяет средства, которые по своим объективным свойствам не могут привести к окончанию преступления или к наступлению желаемого преступного результата (попытка производства выстрела из незаряженного ружья). Несомненно, что в обоих случаях лицо предпринимает конкретные меры (хотя бы и действуя с ошибкой), руководствуясь желанием причинить смерть другому лицу. В этой связи обе разновидности покушения обладают качеством общественной опасности, а лица, совершающие их, подлежат привлечению к уголовной ответственности на общих основаниях. Исключение составляют лишь те покушения, в которых субъект обращается к средствам, очевидно непригодным для достижения преступной цели (например, использование заклинаний, заговоров и т.д.). Такие действия по существу являются лишь формой обнаружения умысла, и не наказуемы в соответствии с уголовным законом России.

Наконец, завершая рассмотрение состава покушения на убийство, следует сказать и о последнем из его элементов. Под категорию субъекта покушения на убийство подпадают все те же лица, которые способны совершить и оконченное преступление. Признаки, характеризующие лицо как субъекта оконченного преступления, не изменяются и не могут изменяться на том основании, что объективно возникли обстоятельства, делающие невозможным достижение преступной цели. Оно сохраняет облик, описываемый следующими общими признаками: физическое свойство, вменяемость, достижение установленным уголовным законом возраста[1].

Так, для состава покушения на убийство верно, что его субъектом может быть физическое вменяемое лицо, способное отвечать интеллектуальному и волевому критериям прямого умысла: способное осознавать общественную опасность собственных действий (бездействия),

[1] Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. С.74; Кадников Н.Г. Указ. соч. С.159.

предвидеть возможность или неизбежность наступления смерти человека и желать ее наступления.

Далее, по последнему из трех указанных общих признаков покушения на убийство можно разделить на 2 подгруппы:

а) покушение на убийства, состав которых описан в статье 105 УК РФ, могут совершать лица в возрасте от 14 лет. Оконченное преступление предусмотрено в перечне части 2 статьи 20 УК РФ, охватывающем деяния, составляющие по сути основную преступность несовершеннолетних от 14 до 16 лет. Их социальная направленность и общественная опасность доступна для понимания лицам такого возраста. В этой связи действия, направленные на лишение жизни, могут быть совершены ими умышленно;

б) покушаться на убийство новорожденного ребенка (статья 106 УК РФ) может только женщина-мать. Ведь именно к ней относятся предусмотренные в диспозиции статьи оговорки «во время или сразу же после родов», «в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости». Иное лицо также может посягнуть на жизнь новорожденного, однако уголовную ответственность оно будет нести в рамках, предусмотренных уже статьей 105 УК РФ.

Таким образом, субъектом покушения на «простое» убийство следует признать физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 14-летнего возраста; субъектом покушения на убийство, предусмотренное статьей 106 УК РФ – женщину-мать, достигшую 16 лет.

Подводя итог сказанному, отметим, что признак реальной опасности причинения вреда имеет системное значение для состава покушения на убийство. В первую очередь, постольку, поскольку позволяет более четко определить его непосредственный объект. Указывая на то, что охрана в данном случае предоставляется не от причинения непоправимого вреда, признак корректирует его следующим образом: это жизнь человека и правоотношения, направленные на охрану безопасного доступа к жизни

человека. Во вторую очередь, он предопределяет видовую принадлежность состава к составам опасности: утверждение о том, что посредством совершения покушения на убийство для объекта правовой охраны создается реальная опасность причинения вреда, раскрывает содержание признака. Вредные последствия для здоровья потерпевшего при наличии причинно-следственной связи с самим преступным деянием могут являться подтверждением данного признака. Иные полярные точки зрения вряд ли состоятельны: и включение последствий в число элементов состава, и полная потеря интереса к ним необоснованно отсекает часть наказуемых покушений.

Несмотря на то, что признак реальности (реальной опасности) так же существенным образом влияет на трактовку непосредственного объекта угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и на видовую принадлежность данного состава, сравнивать его содержательно с признаком реальной опасности причинения вреда категорически нельзя. Первый из них не характеризует действие в составе объективной стороны как способное поставить объект охраны в опасность причинения вреда. Последний же не играет роль «фильтра», отсекающего уголовно наказуемые посягательства от не являющихся таковыми: все покушения должны находиться в поле зрения правоприменителя.

Содержание иных элементов состава покушения на убийство менее зависимо от признака реальной опасности причинения вреда: субъективную сторону характеризует прямой умысел и наличие цели совершить оконченное убийство, субъект преступления разделен на две категории сообразно содержанию статей 20, 105 – 106 УК РФ (лицо, достигшее 14 лет; лицо, достигшее 16 лет и являющееся матерью новорожденного ребенка).

Представленная в настоящей части работы позиция в отношении состава покушения на убийство будет являться основанием для дальнейшего его анализа, включая рассмотрение вопросов об основаниях разграничения его со смежными составами, о зарубежном опыте его криминализации, иных.

1.3. Отграничение угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, покушения на убийство от иных смежных составов по российскому уголовному праву

Процесс построения законодательных конструкций деяний (составов) в теории права неразрывно связан с процессом квалификации конкретных преступлений в сфере правоприменения. Как отмечает Ю.В. Голик, он представляет собой завершающий этап в процессе отыскания истины по делу при ответе на вопрос: «Что же произошло?»[1].

Поскольку отличные по характеру проявления преступного поведения несут в себе отличный друг от друга угрожающий потенциал, они априори не могут получать равную оценку со стороны общества, не могут предполагать равное наказание для совершивших их лиц. В этой связи выстроенная в уголовном законе «сетка» составов существенно способствует выполнению задачи дифференциации ответственности за различные преступления, отличающиеся между собой в числе прочего и по степени общественной опасности (как это указано в тексте уголовного закона).Важно, таким образом, чтобы структура составов преступных деяний, изложенная в УК РФ, адекватно отражала реальные модели противоправной деятельности субъектов, с одной стороны, и позволяла правоприменителю соотносить конкретные поведенческие акты с элементами такой структуры, с другой стороны.

Анализ данных качеств в настоящей работе возможен на примере вопросов, возникающих в процессе квалификации угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушений на убийство.

Правовая оценка угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью как оконченного преступления связана в первую очередь с отграничением его от «не-преступления», ненаказуемого по российскому

[1] Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: Учебник. – 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. – М.: ИНФРА-М, 2005. С.17 (автор главы – Голик Ю.В.).

уголовному праву обнаружения умысла (на причинение смерти либо тяжкого вреда здоровью соответственно).

О соотношении обнаружения умысла и криминальной угрозы можно обнаружить две противоречивые точки зрения. Часть авторов высказывались за признание угрозы наказуемым выражением намерения совершить преступление в будущем, признавая, что данный состав является исключением из общетеоретических положений учения о преступлении[1]. Иных взглядов придерживаются авторы, признающие за составом самостоятельную роль. Так, А.В. Наумов отмечал, что квалификация деяния как угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью не связана с установлением умысла лица совершить объявляемые им действия в будущем, поскольку опасность «состоит уже в воздействии их на психику потерпевшего, в стремлении виновного запугать его, заставить изменить привычный образ жизни»[2]. И ранее приведенный нами анализ элементов состава преступления подтверждает такое мнение.

Проблема разграничения данных деяний следует также и из их одинакового содержания: лицо сообщает другому лицу о своем желании причинить вред жизни либо здоровью последнего. Формы объективного отражения такого содержания на первый взгляд могут совпадать: угрозы могут быть высказаны устно, переданы на материальном носителе и т.д. Эти формы удобны и для сообщения об имеющихся противоправных намерениях, что соответствует содержанию, которое вкладывал в понятие «обнаружение умысла» А.А. Пионтковский: «он есть выражение умысла вовне словесно, письменно или иным путем без совершения действия по его осуществлению»[3].

---

[1] См., например: Герцензон А. А. Уголовное право: Часть Общая // Учебное пособие для слушателей. – М., 1948. С.34; Лясс Н.В. Уголовная ответственность за угрозу убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества // Советская юстиция. 1961. № 5. С.24; Семернева Н.К. Стадии совершения преступления. Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов. Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. – М., 1997. С.213.

[2] Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. – М., 1996. С.264.

[3] Курс советского уголовного права: в 2-х т. Т.2. – М., 1970. С.417.

Чаще всего различие между обнаружением умысла и угрозой определяется следующим образом: в первом случае имеется единство внутреннего содержания (намерения убить) и выражения его вовне, хотя бы и не реализованного в определенном поступке; во втором же случае идет речь о единстве внутреннего содержания (вызвать страх, склонить жертву к угодному поведению) с действиями, направленными на его подкрепление[1]. С теоретической точки зрения такие позиции могут послужить предметом анализа, однако на практике они представляются недостаточными. Если субъект не приступил к реализации умысла в поступках, но уже объективно имеется определенное выражение его вовне, то до какой степени успел развиться обнаруженный умысел? Вероятно, что такое «выражение» может позволить оценку возникшего в прошлом умысла только постфактум, например, в процессе приготовления к преступлению. К тому же, в тексте уголовного закона нет упоминания о том, что угроза должна быть чем-либо «подкреплена».

Однако следует обратить внимание на объект посягательства криминальной угрозы. Если понимать под ним безопасность жизни либо здоровья человека, то можно прийти к мнению о том, что в данном случае законодатель предусматривает ответственность именно за обнаружение умысла[2]. Но в действительности объектом конкретной угрозы выступает свобода волеизъявления человека. Адекватно этому угрожающим выстраивается и объективная сторона деяния: угроза может высказываться целенаправленно, одновременно с сообщением информации о действиях, которые необходимо совершить потерпевшему для того, чтобы объявленный субъектом умысел реализован не был. Чаще всего такая угроза доводится непосредственно до сведения потерпевшего. Между тем, как для

---

[1] Овчинников М.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический анализ: дисс. … канд. юрид. наук. С.172; Данелян Л.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (по материалам Тюменской области): дисс. … канд. юрид. наук. С.117.

[2] Данелян Л.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (по материалам Тюменской области): дисс. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. С.116; Овчинников М.А. Указ. соч. С.171.

обнаружения умысла это не характерно: «предупреждение» жертвы о посягательстве противоречит целям будущего преступника. Умысел может быть выражен под влиянием ситуационных эмоций, без сопровождения высказываний какими-либо оговорками или условиями. Действие при угрозе предопределяет и большую вариативность выполнения объективной стороны, умысел на лишение жизни (причинение тяжкого вреда здоровью) может быть обнаружен более ограниченным количеством способов.

Следующим важным моментом квалификации деяния, предусмотренного статьей 119 УК РФ, является его отграничение от неоконченных преступлений.

Первым из них выступает приготовление к убийству, которое по своей природе так же нацелено в будущее, и в момент осуществления не угрожает непосредственно объекту посягательства[1]. Между тем, наиболее явные различия с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью лежат в составе субъективных сторон данных преступлений.

Так, приготовительные действия чаще всего носят именно негласный характер. С.В. Бородин указывал, что «если виновный до убийства и совершил какие-то приготовительные действия, то он сделал это тайно с тем, чтобы преступление не было раскрыто, и сохранилась возможность уклонения от уголовной ответственности после осуществления своего намерения»[2]. Действия же по выражению угрозы, согласуясь с умыслом виновного, нацелены, напротив, на возможно скорейшее и открытое сообщение потерпевшему об опасности. Следует в данном контексте коснуться и вопроса о том, каким образом должны оцениваться доведенные до сведения лица приготовительные действия к его убийству? Должны они быть квалифицированы как угроза убийством или как приготовление к совершению убийства? Основание для разграничения составов здесь может видеться в оценке того, вышли или нет конкретные действия за рамки

[1] Научно-практическое пособие по применению Уголовного кодекса Российской Федерации / Под ред. В.М. Лебедева. – М.: НОРМА, 2005. С.299.
[2] Бородин С.В. Преступления против жизни. – М.: Юристъ, 1999. С.261.

приготовительных[1]. Если информация о готовящемся преступлении была доведена до сведения потенциальной жертвы с целью последующего манипулирования ею, при отсутствии желания развивать далее деятельность в сторону оконченного убийства, такие действия содержат признаки угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Если же сведения о подготовке к преступлению раскрылись независимо от воли субъекта, случайно, то квалификация должна осуществляться в рамках приготовления к преступлению.

Далее, при разграничении составов угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушения на убийство внимание следует уделить двум случаям: парному рассмотрению угрозы и покушения, совершенных в отличное друг от друга время и разными лицами, а также угрозы и следующего за ним покушения, совершенных одним и тем же субъектом в отношении одного и того же потерпевшего (потерпевших). Вначале хотелось бы обратиться к первому случаю.

По сути, все из элементов составов угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушения на убийство содержательно отличны друг от друга. Об этом уже было подробно сказано, и поэтому ниже остановимся на них лишь кратко. Так, объект состава рассматриваемой угрозы составляют правоотношения, направленные на охрану свободы волеизъявления человека, а объект состава покушения на убийство – жизнь человека и правоотношения, направленные на охрану безопасного доступа к жизни человека. Первый из составов является формальным, объективную сторону его составляет деяние, отвечающее признакам конкретности, действительности и реальности (реальной опасности). Второй состав, в свою очередь, относится к составам опасности, поскольку включенное в его объективную сторону деяние отличает способность создания реальной опасности причинения вреда объекту охраны

[1] Овчинников М.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический анализ: дисс. … канд. юрид. наук. С.173.

(наравне с признаками направленности на совершение оконченного преступления, незавершенности посягательства и обусловленности незавершенности обстоятельствами, не зависящими от виновного). Вредные последствия для здоровья потерпевшего во втором из составов (в случае их возникновения и наличия причинно-следственной связи с деянием) служат подтверждением создания реальной опасности повреждения объекта, и самостоятельной роли не имеют[1].

Субъективная сторона покушения на убийство и угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью характеризуется прямым умыслом, но отличается по целям, стоящим перед субъектом преступления: в первом случае – это действительная цель лишить потерпевшего жизни, а во втором аналогичная цель (либо цель причинить тяжкий вред здоровью потерпевшего) является лишь декларируемой, прикрывающей действительную цель по ограничению волеизъявления адресата угрозы. Характеристики субъектов преступлений разнятся лишь в части возрастных характеристик: субъекты угрозы обязаны достичь к моменту совершения преступления 16 лет, а субъекты покушения на «простое» убийство – 14 лет (субъектом покушения на убийство, предусмотренное статьей 106 УК РФ, может быть лишь женщина-мать, достигшая 16 лет).

Путаницу в столь стройную конструкцию вносит лишь формальный подход к преступлению, предусмотренному статьей 119 УК РФ. Поскольку при нем содержание объектов и объективных сторон обоих составов преступлений становится практически идентичным. Может, в частности, показаться, что реальная опасность угрозы и реальная опасность причинения

[1] В первом из составов вредные последствия отсутствуют вовсе. Однако перенос схемы их оценки с состава покушения на убийство искажает практику применения норм статьи 119 УК РФ: исследователи отмечают, что при отсутствии следов физического воздействия на потерпевшем в возбуждении уголовного дела может быть отказано, а возбужденное дело может быть прекращено в связи с отсутствием в действиях лица состава преступления. Отсутствие последствий воспринимается как отсутствие квалифицирующего признака действия при угрозе, что «рушит» всю структуру состава. См. подробнее: Хабарова М.В. Указ. соч. С.7-8; Овчинников М.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический анализ: дисс. … канд. юрид. наук. С.175-176.

вреда жизни человека при покушении на убийство есть лишь применимые к составам вариации наименования одного и того же по содержанию признака. О том, что это не так, мы уже упоминали выше неоднократно.

Стоит заметить между тем, что оба посягательства активно воздействуют на потерпевшего, и могут не предоставлять ему возможности для критичной оценки происходящего (в частности, при стремительном нарастании конфликта, высказывании угроз, сопровождаемых угрожающим попытками причинить вред). Само по себе негативное преступное воздействие способствует более эффективному проведению такой оценки постфактум, по окончании посягательства (или в перерыве между его эпизодами). Что требует (и от правоприменителя в первую очередь) особенного внимания к обстоятельствам, которые могут помочь установить истинную направленность умысла субъекта, действительный преступный результат, наступление которого он стремился приблизить[1].

Еще одна группа деяний, с которыми должен быть разграничен состав угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, объединяет специальные составы угроз-деяний и преступления, совершаемые посредством угроз.

О первых в настоящей работе было сказано ранее. Однако было бы уместным напомнить, что норма статьи 119 УК РФ является общей, и специальными по отношению к ней выступают нормы об охране от угроз отдельных категорий граждан: статьи 296, 318, 321 УК РФ. Их обособление не представляет большого труда, и связано с перечисленными целями и мотивами совершения деяний, закрытым перечнем потерпевших, а также самостоятельными объектами, указанными в Главах 31, 32 УК РФ.

Методика разграничения общего состава угрозы-деяния от угроз-способов совершения иных преступлений в науке уголовного права

[1] Имеются в виду избранные лицом способы и средства противоправного посягательства (предметы, потенциально способные причинить вред здоровью либо жизни потерпевшего, либо негодные для целей посягательства, их отсутствие), характер действий виновного (сопровождение угроз целенаправленным и активным воздействием на жизненно важные органы потерпевшего либо единичные случаи такого воздействия с разрозненной локализацией) и т.д.

разработана не в достаточной мере. Однако в отдельных исследованиях можно найти предположения на этот счет. Так, М.А. Овчинников для этих целей предлагает руководствоваться четырьмя критериями[1]:

1) точностью определения начала и окончания преступных действий, средством совершения которых выступает угроза убийством. Поскольку угроза убийством вне временного промежутка, в течение которого совершается преступление, включающее в себя угрозу, или преступление, которое может исполняться с помощью угрозы, должна квалифицироваться как самостоятельное преступление;

2) направленностью угрозы и ее целью. Угроза, являющаяся структурным элементом состава иного преступления, направлена и на достижение иной цели (например, завладение чужим имуществом при разбойном нападении). При этом, во время совершения преступления, включающего в себя угрозу в качестве структурного элемента, виновным могут высказываться и угрозы убийством, которые требуют дополнительной квалификации. Все зависит от того, направлены ли они на совершение поглощающего преступления, или, наоборот, преследуют иные самостоятельные цели. Не исключены случаи, когда часть выраженных угроз будет поглощаться составом какого-либо преступления, а другая часть угроз будет квалифицироваться по статье 119 УК РФ.

К числу преступлений, которые могут совершаться посредством криминальных угроз, относится и доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ). В таком случае субъект прибегает к угрозе причинения смерти с целью именно прекратить жизнь другого человека. Ситуация может иметь место если, по мнению виновного, передача информации потерпевшему может служить эффективным средством достижения цели (например, при наличии имеющихся расстройств здоровья, для которых она будет негативным катализатором);

---

[1] Овчинников М.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический анализ: дисс. … канд. юрид. наук. С.181-188.

3) наличием либо отсутствием признака реальной опасности угрозы. Данный признак в теории уголовного права считается специфическим для угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Однако, судебная практика делает исключение и для угрозы при совершении преступлений, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ. Это следует из позиции Верховного Суда РФ, изложенной в постановлении Пленума от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» (пункт 11): «Ответственность за изнасилование или совершение насильственных действий сексуального характера с применением угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью наступает лишь в случаях, если такая угроза явилась средством преодоления сопротивления потерпевшего лица и имелись основания опасаться осуществления этой угрозы»[1]. При этом, угроза такая охватывается диспозицией пункта «б» части 2 статьи 131 и пункта «б» части 2 статьи 132 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 119 УК РФ не требует.

В том же случае, если угроза, сопровождающаяся основаниями опасаться ее осуществления, выражена за пределами временных рамок совершения насильственных действий сексуального характера или изнасилования, действия виновного следует квалифицировать по совокупности статей 119 и 131 (132) УК РФ.

Таким образом, реально опасная угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, являющаяся структурным элементом состава какого-либо преступления, вне этого состава может быть квалифицирована как самостоятельное преступление.

Наконец, к последней группе составов, с которыми должно быть проведено разграничение угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью можно отнести соответствующие оконченные преступления: убийство, причинение тяжкого вреда здоровью человека. С той оговоркой,

[1] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 8.

что совершению оконченных преступлений предшествует высказанная ранее угроза, между теми же самыми лицами.

Основным вопросом в таких случаях является, как правило, следующий: может ли содеянное свидетельствовать о развитии умысла лица? Неизбежно следует за ним и еще один: должна ли ответственность наступать только за последнюю реально фиксируемую стадию, в которой воплотился умысел, либо все действия должны квалифицироваться по совокупности тех преступлений, признаки которых в них содержатся? Ответов на эти вопросы в теории уголовного права было предложено несколько.

Один из них сводится к рекомендациям квалифицировать по совокупности преступлений каждый этап деятельности субъекта в случае, если он содержит признаки уголовно-наказуемого деяния. В частности, если после выражения угрозы убийством лицо предпримет действия, направленные на приискание средств совершения убийства, и на этом этапе его деятельность будет прервана сторонними обстоятельствами, «содеянное надлежит квалифицировать по совокупности двух преступлений: как угрозу убийством и приготовление к убийству»[1]. С этой рекомендацией можно согласиться лишь в части, конкретно в той, в которой утверждается о наличии признаков преступления и в выраженной вовне угрозе убийством, и в приготовительных действиях. Однако, описанный вариант строгого действия правоприменителя лишь на основании оценки объективной стороны не учитывает субъективной составляющей деяния и представления о целостности и взаимосвязи элементов состава преступления. Давая самостоятельную оценку с уголовно-правовой точки зрения угрозе и последовавшим за ней действиям (приготовлению, покушению либо оконченному преступлению), придется признать, что у субъекта во всех случаях совершения преступления и на каждом из этапов наличествует самостоятельный умысел: сначала – на запугивание потерпевшего, далее – на причинение вреда его жизни или здоровью в будущем, и следом за этим – на

[1] Лясс Н.В. Указ. соч. С.24.

непосредственное причинение вреда данным объектам. Придется также утверждать, что умысел субъекта во всех случаях подвергается трансформации во времени, и никогда не возникает в окончательной форме: в частности, только завершив выражение угрозы в отношении потерпевшего, угрожающий может пожелать убить его и начать готовиться к этому. Но вряд ли такие абстрактные допущения жизнеспособны на практике.

В этой связи больший интерес представляет второй из ответов, который содержит рекомендации давать правовую оценку той стадии, в которой реально оказался воплощенным умысел. На примерах, в которых выраженную угрозу убийством в дальнейшем сопровождает неоконченная преступная деятельность по причинению смерти потерпевшему, П.С. Матышевский и С.В. Бородин показывают, что наказуемой должно являться наиболее опасное деяние из всей цепочки[1]. Такой подход, по их мнению, должен применяться и в тех случаях, когда за криминальной угрозой последовало оконченное преступление – убийство или причинение тяжкого вреда здоровью[2]. Однако, предложенное правило квалификации «по факту», на наш взгляд, также не может претендовать на характер универсального. Оно, в противовес первому, дает основание утверждать о том, что во всех случаях умысел субъекта изначально направлен на совершение того преступления, с которым столкнулся правоприменитель, и не может видоизменяться во времени.

И первый, и второй ответы «страдают» категоричностью. Ценное замечание на этот счет предложено С.Х. Мазуковым: «при формулировании упомянутых точек зрения их авторы игнорировали такое важное обстоятельство, как временной промежуток между выражением угрозы убийством, с одной стороны, и убийством (приготовлением, покушением на

---

[1] Матышевский П.С. Указ. соч. С.100-101; Бородин С.В. Квалификация убийств по советскому уголовному праву. – М.: МВШ МООП РСФСР, 1963. С.154.

[2] Схожую позицию занимают Т.А. Плаксина и Л.С. Ярцева, указывающие на то, что угроза убийством, выраженная до совершения убийства, должна поглощаться последним, более опасным преступлением. Поскольку первое из них лишь ставит в опасность причинения вреда охраняемые объекты. См.: Объективные признаки убийства: общая характеристика: монография / Т.А. Плаксина, Л.С. Ярцева. С.115.

него), с другой»[1]. Согласно выраженной им позиции, чем меньше временной промежуток между окончанием первого из названных деяний и началом второго, тем больше оснований у правоприменителя сделать вывод об изначально сформировавшемся у субъекта умысле на совершение более тяжкого преступления и применить квалификацию «по факту». Соответственно, верно и иное: чем дольше названный промежуток, тем обоснованнее позиция о том, что умысел на угрозу был реализован, и под воздействием определенных факторов вслед за ним у субъекта сформировалось намерение совершить более тяжкое преступление. В этом случае должно применяться правило о квалификации содеянного по совокупности преступлений[2].

Поэтому приведенные две точки зрения о разграничении угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и оконченных более тяжких преступлений (убийства и причинения тяжкого вреда здоровью) имеют право на существование с учетом обозначенной «временной» оговорки. В этом модифицированном варианте наличие либо отсутствие временного промежутка между деяниями может играть роль критерия, в соответствии с которым будет происходить выбор той или иной позиции.

Соглашаясь с мнением С.Х. Мазукова, стоит задаться еще одним вопросом: какими качествами должен обладать временной критерий разграничения составов для его успешного применения на практике? Ссылаясь на примеры из судебной практики, автор отвечает на него следующим образом: помимо длительности временного промежутка должны приниматься во внимание характер действий виновного в течение него, наличие у потерпевшего возможности обратиться за помощью в правоохранительные органы или иным образом защититься от угрозы[3].

---

[1] Мазуков С.Х. Указ. соч. С.70.

[2] По всей видимости, данная точка зрения строится на предположении о том, что для перерастания либо формирования нового умысла необходимо время, необходимо чтобы лицо успело избрать новую модель деятельности, адекватную изменившемуся ожиданию преступного результата, и успело приступить к его воплощению.

[3] Там же. С.74.

Значимость характера действий виновного видится в том, что они могут передать информацию о качественном развитии его преступной деятельности во времени: показать, носила ли она характер непрерывного процесса либо состояла из нескольких самостоятельных процессов, протекавших последовательно. Значимость последнего из качеств может проявиться лишь в тех случаях, когда выражение угрозы действительно предваряет действия по совершению убийства: о наличии возможности пресечь их можно говорить лишь при наличии у потерпевшего либо иных непосредственных участников/свидетелей преступления попыток обратиться за помощью или принять иные меры защиты. Такие попытки требуют как временного промежутка, так и отсутствия противодействия со стороны угрожающего. В ином случае следует признать, что приписываемая в настоящее время угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью профилактическая цель криминализации недостижима.

Отграничение состава покушения на убийство вызывает не меньшие трудности. Смежные с покушением составы так же отличает друг от друга разная степень посягательства на объекты охраны: совпадающие признаки наблюдаются в деяниях, ненаказуемых в соответствии с российским уголовным законом, в деяниях, относящихся категориально к неоконченным преступлениям, и в деяниях – оконченных преступлениях. Таковыми являются: добровольный отказ от совершения убийства, приготовление к совершению убийства и оконченные преступления, ответственность за совершение которых предусмотрена в статьях 105, 111 УК РФ.

Законодательная формула добровольного отказа изложена в ч. 1 ст. 31 УК РФ. В соответствии с данной нормой таковым признается прекращение приготовления к преступлению либо действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца. Добровольный отказ есть обстоятельство, исключающее уголовную ответственность, и в

этой связи отграничение преступления (пусть и неоконченного) от не совершенного преступления приобретает особую значимость.

На первый взгляд, покушение и добровольный отказ от посягательства имеют существенные точки совпадения: и в том, и в другом случае лицо руководствуется намерением достичь противоправную цель, предпринимает для этого определенные меры, но ожидаемый результат, вредные последствия, охватываемые его умыслом, не наступают. Между тем, добровольный отказ отличает ряд специфических признаков[1]:

1) добровольность, означающая прекращение лицом преступного деяния по своей воле, без принуждения и не в силу вынужденных обстоятельств;

2) своевременность, указывающая на прекращение посягательства до наступления преступного результата, на стадии приготовления либо покушения на совершение преступления;

3) окончательность, предполагающая прекращение преступной деятельности без последующего возобновления ее в будущем.

Сравнивая данные признаки с содержанием покушения на убийство, можно отметить, что для последнего, во-первых, не характерна добровольность. Как сказано в тексте уголовного закона, преградой для действий субъекта являются «не зависящие от этого лица обстоятельства». Поэтому его волей прерывание совершения преступления не охватывается.

Действие сторонних обстоятельств на волю лица может быть различным, и не всегда может свидетельствовать о твердом намерении прекратить преступное посягательство. Здесь уместно вновь обратиться к классификации обстоятельств на преодолимые и непреодолимые по оценке субъекта[2]. Как было отмечено, возникновение первых в процессе посягательства оставляет субъекту единственное «окно» для добровольного отказа: при том условии, что, несмотря на возможность игнорировать такого

[1] См., например: Назаренко Г.В. Указ. соч. С.122; Ситникова А.И. Указ. соч. С.124.
[2] Анисимов А.А. Указ. соч. С.47-48; Решетников А.Ю. Указ. соч. С.37-38.

рода обстоятельства и завершить преступное деяние, лицо отказалось от данного намерения. Если такое «окно» лицом не используется, его действия впоследствии могут привести либо к покушению на преступление (если ненаступление преступного результата стало следствием иных сторонних факторов), либо к совершению оконченного преступления. Возникновение обстоятельств второго вида не оставляет сомнений в том, что у преступника отсутствуют объективные основания для добровольного отказа: прерывающим фактором становится не воля лица, а именно указанные в законе «не зависящие от лица обстоятельства». Так или иначе, отграничение покушения от добровольного отказа (в том числе – и применительно к рассматриваемым составам) связано с выполнением не самых легких задач: установлением действительного умысла лица и оценкой объективных условий для его развития, реализации.

Во-вторых, применительно к покушению момент отказа от совершения преступления находится в тесной связи с оценкой субъектом момента окончания посягательства. Само собой разумеется, что лицо может отказаться от преступления лишь тогда, когда оно не совершило его в полной мере. Не вызывает сомнений поэтому положение о том, что добровольный отказ возможен при неоконченном покушении. В отношении оконченного покушения такой уверенности не имеется. Ряд авторов (А.В. Наумов, Б.В. Здравомыслов) поддерживают позицию о том, что при оконченном покушении добровольный отказ невозможен, за исключением редких случаев, когда между совершенным действием и наступившим преступным результатом имеется разрыв во времени, в течение которого лицо может предотвратить наступление вреда[1]. Другие авторы (Н.К. Семернева, Р.Л. Габдрахманов) считают, что оконченное покушение исключает возможность добровольного отказа, поскольку виновный полностью выполнил

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. – М., 1996. С.48; Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Б.В. Здравомыслова, Ю.А. Красикова, А.И. Рарога. – М., 1994. С.280-281.

объективную сторону преступления[1]. Для рассматриваемого нами состава покушения на убийство трудно представить конструкцию, при которой лицо, реализовав возможность доведения преступления до конца, в дальнейшем откажется от такой возможности. Поскольку умысел реализован лицом полностью (по его мнению), дальнейшие действия не могут быть квалифицированы как добровольный отказ от преступления. Этой же позиции придерживается А.И. Ситникова, указывая на то, что в большинстве случаев «добровольный отказ при оконченном покушении на преступление с материальным составом невозможен, так как причинен необратимый ущерб, например, в случае причинения тяжкого вреда здоровью при покушении на убийство»[2].

Наконец, в-третьих, окончательность выступает отграничительным признаком для тех случаев, когда покушение состоит из ряда отдаленных друг от друга во времени действий. В этой связи невозможно трактовать как добровольный отказ от совершения преступления случай, когда лицо прервало покушение, а затем вновь вернулось к его реализации (например, когда виновный связал потерпевшего, оставил его одного на какое-то время, а затем вернулся для завершения запланированных действий). Окончательность предполагает единовременный и безусловный отказ от умысла. Только в этом случае действия могут быть расценены как добровольный отказ от совершения преступления.

Следующим важным моментом является отграничение покушения на убийство от приготовления к нему. В теории уголовного права вопрос об отграничении двух видов неоконченных преступлений является весьма дискуссионным на том основании, что при разных объектах посягательства одни и те же действия могут составлять объективную сторону приготовления к совершению одного преступления, и покушения – на другое: проникновение в квартиру с целью кражи – покушение, проникновение в

---

[1] Уголовное право. Общая часть: Учебник. Авторы: Ветров Н.И., Габдрахманов Р.Л., Динека В.И. и др. / Отв. ред. Ветров Н.И., Ляпунов Ю.И. – М.: Новый Юрист, 1997. С.316.
[2] Ситникова А.И. Указ. соч. С.126.

квартиру с целью убийства – приготовление. Однако, если для сравнения мы принимаем не сами разновидности неоконченного преступления, а приготовление и покушение на один и тот же объект, то отграничительные признаки определить возможно легче.

Наиболее часто встречаются два подхода к отграничению покушения на преступления и приготовления к нему. Первый из них следует из анализа содержания правовых норм: в части 1 статьи 30 УК РФ изложены варианты проявления подготовительной деятельности, объединяемые термином «умышленное создание условий для совершения преступления». В части 3 этой же статьи указано, что покушением признаются действия, непосредственно направленные на совершение преступления. Нетрудно заметить, что согласно законодательной трактовке подготовительные действия не включены в состав объективной стороны, находятся за ее пределами (а во временном отношении – до ее начала). В этой связи, как отмечает Т.Г. Жукова, основанием для отграничения неоконченных преступлений является содержание действий, составляющих их объективные стороны: если все из совершенных субъектом действий укладываются в перечень части 1 статьи 30 УК РФ, то содеянное возможно квалифицировать как приготовление к преступлению; если действия выходят за указанные рамки, и частично перечислены в одной из статей Особенной части кодекса, то следует признать в них состав покушения[1].

Второй подход строится на оценке признака деяния в составе объективной стороны покушения, именуемого «реальной угрозой причинения вреда»[2], «постановкой объекта уголовно-правовой охраны в непосредственную опасность»[3] либо иным похожим образом. Так, А.Ю. Решетников указывает, что приготовительные действия содержат в себе создание лишь незначительной опасности наступления вредного последствия и потому не могут считаться общественно опасными, покушение же создает

[1] Жукова Т.Г. Указ. соч. С.69.
[2] Уголовное право. Общая часть. – М.: Спарк, 1997. С.312.
[3] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / ИГП РАН; Под ред. и вступ. ст. А.В. Наумова. М.: Юристъ, 1996. С.46.

реальную и непосредственную опасность наступления преступного последствия и потому является общественно опасным. Наконец, при оконченном преступлении наличествует не только опасность причинения вреда охраняемым интересам, но и действительное повреждение объектов[1].

Существенный недостаток использования данного основания для отграничения, как ни парадоксально, можем заметить у того же автора: «Понятие реальной опасности … в уголовном праве понимается неоднозначно, а порой и противоречиво. Обусловлено это, на наш взгляд, разными философскими и моровоззренческими позициями, а зачастую – и различной идеологией разработчиков концепций причинной связи»[2]. В этом же ключе использование перечисленных понятий оценивает и А.И. Ситникова, называя их «ненадежными критериями»[3], отдавая предпочтение отграничению по признакам объективной и субъективной стороны (в последних, по-видимому, имея в виду содержание умысла).

Наконец, дополняет процесс обособления состава покушения на убийство рассмотрение критериев отграничения его от оконченного убийства и причинения тяжкого вреда здоровью.

Различие покушения и оконченного убийства из всего вышесказанного несложно уяснить: первый из составов не является материальным, общественно опасные последствия в нем как конструктивный признак объективной стороны отсутствуют. Поэтому квалификация неоконченного преступления возможна в том случае, если потерпевший остался жив после реализации субъектом намерения на причинение смерти. Уместно напомнить о том, что если смерть потерпевшего наступила через какой-либо временной промежуток после окончания преступного посягательства и при отсутствии иных явлений-причин, то итоговая квалификация деяния должна строиться в соответствии со статьей Особенной части УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за убийство, без ссылки на статью 30 кодекса.

---

[1] Решетников А.Ю. Указ. соч. С.52, 58.
[2] Там же. С.52-53.
[3] Ситникова А.И. Указ. соч. С.120-121.

Отграничение покушения на убийство от причинения тяжкого вреда здоровью отличает бóльшая степень сложности. Отдельно взятая для оценки объективная сторона данных деяний может совпадать до степени смешения. Объекты же посягательства в составах разные (жизнь и правоотношения, направленные на охрану безопасного доступа к жизни человека, и правоотношения, направленные на охрану здоровья человека).Однако, во-первых, как мы отметили выше, при совершении покушения на убийство здоровье человека часто так же может претерпевать неблагоприятные изменения. А во-вторых, установить сразу, при столкновении с событием преступления избранный лицом объект посягательства бывает довольно затруднительно.

Отлично друг от друга в составах выглядит субъективная сторона. При совершении преступления, предусмотренного статьей 111 УК РФ, она шире, и может быть выражена как в форме прямого, так и в форме косвенного умысла. Последнее для покушения не характерно. Далеко не идентично и содержание цели в составе субъективной стороны: от собственных действий (бездействия) субъект в одном случае ожидает наступления смерти другого человека, а в другом – желает (сознательно допускает) либо относится безразлично к возникновению тяжкого вреда для здоровья потерпевшего. Различия в содержании субъективной стороны проецируются и на объективную сторону деяния: в последнем случае субъект избирает способы, интенсивность, локализацию воздействия, которые могут привести к утрате потерпевшим органа либо его функций, обезображиванию частей тела, утрате трудоспособности потерпевшим, иным тяжким последствиям, не связанным с его смертью. Часто в таких случаях идет речь о том, наносил ли поражающие удары виновный в область жизненно важных органов или нет, насколько целенаправленно он действовал при этом и т.п. Задача правоприменителя, таким образом, выглядит в комплексной, связной оценке объективной и субъективной сторон деяния, уточнении на основании их анализа истинного объекта посягательства со стороны виновного.

Завершая проведенный связанный анализ ряда составов преступлений, хотелось бы отметить, что подтверждение самостоятельности угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушения на убийство не всегда является легкой задачей.

Сложности данного процесса обусловлены тем, что оба преступления имеют ряд общих признаков как друг с другом, так и с деяниями, классификационно дифференцированными: с ненаказуемыми поступками, неоконченными и оконченными преступлениями. В большинстве случаев убедительную позицию о разграничении пары деяний мы можем получить лишь при совокупном обнаружении двух и более отличительных признаков (как это верно для криминальной угрозы и ненаказуемого обнаружения умысла). Однако иногда и этого оказывается недостаточно. Например, квалификация выраженной угрозы и последовавшего за ней покушения на убийство, совершенных одним субъектом, оказывается крайне затруднительной при одном лишь оперировании элементами данных составов. В этом случае возникает необходимость обращаться также к тем критериям, которые выработаны в результате анализа судебной и следственной практики, а, следовательно, и не закреплены в уголовном законе. Положительную роль в формировании единой практики применения норм могло бы сыграть отражение таких критериев в обзорах практики применения судами уголовного законодательства Верховного Суда РФ.

1.4. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушение на убийство в уголовном праве зарубежных стран

Преступления, исследуемые в настоящей работе, не являются специфичными, известными только российскому уголовному праву. Подобного рода уголовно-правовые запреты используются законодателями многих стран.

Безусловно, форма изложения и содержание норм отличны друг от друга. Поскольку их появление и развитие происходили под влиянием национальных особенностей, политических, экономических, социальных характеристик страны, принадлежности к той или иной правовой системе. Следует поэтому при обращении к сравнительно-правовому методу принимать во внимание указанные факторы.

В данном параграфе ниже мы обратимся к уголовным законам государств, ранее входивших в состав СССР, некоторых европейских и азиатских стран: Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Грузии, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Латвийской Республики, Литовской Республики, Республики Молдовы, Республики Таджикистан, Туркменистана, Республики Узбекистан, Украины, Эстонской Республики, Англии, Австралии, Республики Болгария, Голландии, Дании, Израиля, Китайской Народной Республики, Польши, США, Франции, Швейцарии, Швеции, Японии. Это полезно в части понимания следующих моментов:

- криминализованы ли угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушения на убийство иными законодателями;

- на охрану каких объектов направлены соответствующие правовые нормы;

- какие признаки составов интересующих нас преступлений следуют из содержания правовых норм;

- какие особенности отличают подходы к криминализации названных деяний в других странах, и с чем это может быть связано.

Предваряя непосредственный обзор норм зарубежных правовых актов, стоит заметить, что все они являются, в частности, свидетельством восприятия тем или иным государством нормы Всеобщей декларации прав человека о том, что каждый имеет право на жизнь, свободу и личную

неприкосновенность (ст. 3)[1]. Об этом говорит не только наличие соответствующих норм в национальном уголовном законе, но и место их расположения в структуре акта.

В первую очередь хотелось бы остановиться на вопросе криминализации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. И отправной точкой для рассмотрения данного вопроса мы выберем уголовные законы стран, входивших в состав СССР.

Указанные нормативные акты можно разделить на две относительно однородные группы. В первой из них нормы об интересующих нас преступлениях изложены близко к тексту действующего УК РФ и предусматривают уголовную ответственность за совершение аналогичных деяний: ст. 134 Азербайджанской Республики[2], ст. 132 УК Латвийской Республики[3], ст. 155 УК Республики Молдова[4], ст. 120 УК Республики Таджикистан[5], ст. 116 УК Туркменистана[6]. С некоторыми оговорками сюда же можно отнести нормы ст. 113 УК Кыргызской Республики, признающей преступным более узкий круг угроз (угрозы убийством)[7], и ст. 112 УК Республики Узбекистан, напротив, расширяющей сферу уголовно-правовой охраны по сравнению с УК РФ (за счет угроз применением вообще любого насилия к лицу)[8].

---

[1] Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // «Библиотечка «Российской газеты». 1995. № 11. С.10.

[2] Уголовный кодекс Азербайджанской Республики // Центр документов Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ [Электронный ресурс].URL: http://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14108/preview (дата обращения 01.07.2012 г.).

[3] Уголовный кодекс Латвийской Республики / Науч. ред. А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой. Перевод А.И. Лукашова. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001. С.155.

[4] Уголовный кодекс Республики Молдова // Государственный регистр правовых актов Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=331268&lang=2 (дата обращения: 01.07.2012 г.).

[5] Уголовный кодекс Республики Таджикистан // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: http://mmk.tj/ru/legislation/legislation-base/codecs/ (дата обращения: 01.07.2012 г.).

[6] Уголовный кодекс Туркменистана // Центр документов Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ [Электронный ресурс]. URL: http://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14380/preview (дата обращения 01.07.2012 г.).

[7] Уголовный кодекс Кыргызской Республики // Центр документов Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ [Электронный ресурс]. URL: http://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14305/preview (дата обращения 01.07.2012 г.).

[8] Уголовный кодекс Республики Узбекистан // Официальный сайт Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: http://www.parliament.gov.uz/upload/files/laws/UGKODEKS.pdf (дата обращения: 01.07.2012 г.).

Вторая группа нормативно-правовых актов содержит нормы, признающие преступными угрозы «в русле» Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. Статья 207 кодекса предусматривала возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, угрожавших не только лишением жизни, причинением тяжкого вреда здоровью, но и уничтожением имущества. С вступлением в силу УК РФ запрет в статье 119 появился уже в усеченном варианте. Между тем, в уголовных законах многих стран на постсоветском пространстве нормы до сих пор действуют в неизмененном виде. В отношении крайней из угроз каждым законодателем сделаны замечания-планки, за пределами которых выраженное намерение уничтожить имущество другого лица может быть признано преступным: в УК Республики Армения речь идет о крупном размере имущества (ст. 137)[1], в УК Эстонской Республики – о значительных размерах имущества (ст. 128)[2], в УК Республики Беларусь – об угрозе уничтожения общеопасным способом (статья 186)[3], в УК Республики Казахстан – об угрозе уничтожения имущества поджогом, взрывом или иным общеопасным способом (ст. 112)[4]. По УК Грузии наказуема любая угроза уничтожением имущества (ст. 151)[5]. В УК Украины норма разделена на 2 составляющие: статья 129 предусматривает ответственность за угрозу убийством, статья 195 – за угрозу уничтожения имущества путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом[6]. Данные элементы, свидетельствующие о преемственности советского периода развития уголовного законодательства, играют здесь

---

[1] Уголовный кодекс Республики Армения // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus (дата обращения: 01.07.2012 г.).

[2] Уголовный кодекс Эстонской Республики / Науч. ред. и перевод В.В. Запевалова. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001. С.123-124.

[3] Уголовный кодекс Республики Беларусь // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=hk9900275&p2={NRPA} (дата обращения: 01.07.2012 г.).

[4] Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. Доступ из информационной системы «Параграф».

[5] Уголовный кодекс Грузии / Науч. ред. З.К. Бигвава. Перевод И. Мериджанашвили. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. С.194.

[6] Уголовный кодекс Украины // Центр документов Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ [Электронный ресурс]. URL: http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes (дата обращения 01.07.2012 г.).

сходную роль с нормативно закрепленным признаком реальности деяния – «отсекают» массив угроз, степень общественной опасности которых, по мнению законодателя, недостаточна для «включения» механизма уголовного преследования.

Помимо использования более широких либо узких подходов к криминализации угроз-деяний, уголовное законодательство некоторых бывших социалистических государств отличает и еще одна черта. При сохранении содержания правовой нормы советского периода предложена иная позиция относительно видового объекта для рассматриваемого преступления.

Вместо главы о преступлениях против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения (как это было сделано в УК РСФСР) соответствующие нормы расположены в главах о: преступлениях против свободы, чести и достоинства личности (глава 17 УК Республики Армения, глава 22 УК Республики Беларусь), преступлениях против прав и свобод человека (глава XXIII УК Грузии), преступлениях против личности (глава 4 УК Эстонии, глава 1 УК Республики Казахстан).

Предложения воспринять подобный опыт уже высказывались исследователями. В частности, на том основании, что перенесение нормы об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в главу 17 УК РФ будет согласовываться с оценкой деяния как формы психического насилия[1]. Однако это может быть полезным и для смещения фокуса внимания с охраны наиболее приоритетных ценностей (жизни и здоровья человека), для предоставления правоприменителю основания «работать» с действительным непосредственным объектом угрозы во всех дифференцированных ее проявлениях, а не только «притягивать» его к наиболее опасным формам (например, к угрозам, сопряженным с физическим насилием).

[1] Абсатаров Х.Х. Указ. соч. С.8.

Отличие в уголовных законах бывших союзных Республик наблюдается и в части изложения квалифицированных составов рассматриваемого деяния. Признаков такого состава иностранным законодателям известно больше. В ч .2 ст. 113 УК Кыргызской Республики установлена ответственность за угрозу убийством, совершенную:

- членом организованной группы или в ее интересах;

- в отношении лица или его близких родственников в связи с выполнением им своего служебного или гражданского долга.

В ст. 112 УК Республики Узбекистан помимо указанных двух квалифицированный состав отличает совершение угрозы особо опасным рецидивистом. В ч. 2 ст. 128 УК Эстонской Республики – совершение с угрозой применения взрывного устройства или взрывчатых материалов либо иного общеопасного способа.

Отличающиеся повышенной общественной опасностью квалифицированные составы предусматривают назначение наказания в большем размере: в УК Кыргызской Республики поднят максимальный срок лишения свободы с 2 до 5 лет, в УК Республики Узбекистан вдвое увеличены размеры штрафов, срока исправительных работ, а также арест заменен на лишение свободы, в УК Эстонии штраф или арест заменены на единственно возможный вид наказания – лишение свободы на срок до 3 лет. В целом же в санкциях статей уголовных законов предусмотрены виды и размеры наказаний, аналогичные изложенным в статье 119 УК РФ. С той лишь разницей, что правоприменителю иногда предоставлен менее широкий выбор среди альтернативных видов наказания.

Наконец, в отношении специальных составов угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью большинство законодателей занимают солидарную с российским позицию. Отдельными нормами криминализованы аналогичные деяния в отношении представителей власти, учреждений, исполняющих наказание, лиц, осуществляющих предварительное следствие и отправляющих правосудие (ст.ст. 316, 319, 347 УК Республики Армения;

ст.ст. 364, 366, 389 УК Республики Беларусь; ст.365 УК Грузии; ст.ст.320, 341, 345 УК Кыргызской Республики и т.д.). Отдельными нормами в главах о военных преступлениях предусмотрена ответственность за угрозы убийством или насилием в отношении начальника (ст. 442 УК Республики Беларусь, ст.367 УК Республики Молдова и т.д.).

Особенным образом выглядят интересующие нас нормы в уголовных законах Латвийской и Литовской Республик.

Угроза насилием, опасным для жизни или здоровья, уничтожением или повреждением имущества может (наравне с собственно террористическими действиями) выступать объективной стороной терроризма согласно ч. 2 ст. 88 УК Латвийской Республики в том случае, если она выражена с целью принуждения государства, его учреждений или международной организации совершить какое-либо действие или воздержаться от него. При учете того, что в кодексе воспроизведены нормы, охраняющие всех без исключения граждан от угрозы убийством или причинением тяжкого телесного повреждения, охраняющие представителей власти и иных должностных лиц от аналогичного посягательства, следует признать, что интересующая нас угроза в Латвии криминализована в еще более широких границах.

Близкое понимание криминальной угрозы имеет и литовский законодатель. Квалифицированный состав угрозы убийством или тяжким повреждением здоровья человека выглядит там следующим образом: «Тот, кто терроризировал человека угрозой взорвать, поджечь или совершить иное опасное для жизни, здоровья или имущества деяние либо систематически устрашал человека и использованием психического насилия…» (ч. 2 ст. 145 УК Литовской Республики)[1].

Важно отметить, что в норме обращено внимание на такой признак деяния как систематичность. В данном случае законодатель предписывает не расценивать неоднократно совершенные угрозы с участием одних и тех же

[1] Уголовный кодекс Литовской Республики / Науч. ред. В. Павилонис. Перевод В.П. Казанскене, В.Й. Павилонис. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. С.209.

лиц как множественность преступлений. По всей видимости, описанное выше преступление трактуется как длящееся. Отличающееся, соответственно, повышенной общественной опасностью, предусматривающее назначение более строгого наказания и отнесение к иной категории тяжести[1]. Учитывая, что «простой» состав описан как единичное деяние, такой подход может способствовать дифференцированной реакции правоприменителя на высказанные неоднократно угрозы.

Законодатели же европейских стран занимают позицию «за» криминализацию интересующих нас угроз, которую следует сопроводить следующими дополнениями.

Во-первых, в подавляющем большинстве уголовных законов присутствует более широкий подход к наказуемому деянию: запрет распространяется на угрозы иному лицу совершением любого преступного деяния, которое может быть направлено против него лично, против его имущества либо против личности или имущества его близких (родственников), при наличии оснований опасаться осуществления такой угрозы. Таковы, например, нормы ч. 1 ст. 144 УК Республики Болгария[2], ч. 1 ст. 285 УК Голландии[3], ч. 1 ст. 190 УК Республики Польша[4], ст. 222 УК Японии[5]. А в уголовном законе Швейцарии криминальной признана вообще любая угроза, вызывающая у другого лица состояние страха или боязни (ст. 180)[6]. Конечно же, в рамках подобных запретов наказуемы и угрозы

---

[1] Квалифицированный состав угрозы убийством или тяжким повреждением здоровья человека в соответствии с классификацией, приведенной в статье 11 УК Литовской Республики, относится к категории околотяжких преступлений (максимальное наказание в виде лишения свободы на срок 4 года), в то время как «простой» состав угрозы – к категории нетяжких преступлений (максимальное наказание в виде лишения свободы на срок 2 года).

[2] Уголовный кодекс Республики Болгария / Науч. ред. А.И. Лукашов. Перевод Д.В. Милушев, А.И. Лукашов. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001. С.113.

[3] Уголовный кодекс Голландии / Науч. ред. Б.В. Волженкин. Перевод И.В. Миронова. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001. С.382-383.

[4] Уголовный кодекс Республики Польша / Науч. ред. А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова. Перевод Д.А. Барилович. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001. С.147.

[5] Уголовный кодекс Японии / Науч. ред. А.И. Коробеев. Перевод В.Н. Еремин. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. С.133.

[6] Уголовный кодекс Швейцарии / Науч. ред. и пер. А.В. Серебренникова. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. С.204.

убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Однако, такого рода нормы позволяют преследовать и иные формы психического насилия.

Во-вторых, из расположения норм в структуре зарубежных уголовных законов следует однозначная позиция относительно видового объекта для преступления. Им являются общественные отношения, направленные на охрану свободы личности. Разделы кодексов, содержащие рассматриваемые нами нормы именуются следующим образом: Раздел XVIII «Преступления против свободы личности»[1], Глава 26 «Преступления против личной свободы»[2], Глава XXIII «Преступления против свободы»[3], Глава 4 «О преступлениях против свободы и общественного спокойствия»[4], Четвертый раздел «Преступления и проступки против свободы»[5] и т.п. Несмотря на то, что в нормативных актах имеются также структурные образования, объединяющие в себе нормы о преступлениях против жизни, здоровья человека, о преступлениях, ставящих их в опасность, нормы об угрозах включены именно в указанные главы (разделы).

В-третьих, часто норма об угрозе сопровождается нормой о так называемом «принуждении». В уголовных законах Японии, Швеции, Швейцарии, Франции она выведена в отдельную статью, которая предусматривает запрет склонять лицо к определенному поведению, отказу от определенного поведения, поступков, иным образом воздействовать на волеизъявление человека посредством угрозы насилия или самого насилия. Примерами формулировок диспозиции являются следующие: «Лица, которые заставляли других людей делать то, что они не обязаны делать, или препятствовали осуществлению их прав, кои должны быть осуществлены, угрожая тем, что может быть причинен вред их жизни, здоровью…» (ст.223

---

[1] Уголовный кодекс Голландии … С.375.
[2] Уголовный кодекс Дании / Науч. ред. С.С. Беляев. Перевод С.С. Беляев, А.Н. Рычева. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001. С.190.
[3] Уголовный кодекс Республики Польша … С.146.
[4] Уголовный кодекс Швеции / Науч. ред. Н.Ф. Кузнецова, С.С. Беляев. Перевод С.С. Беляев. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001. С.41.
[5] Уголовный кодекс Швейцарии … С.204.

УК Японии)[1], «Лицо, которое путем нападения или иным образом с применением силы или угрозы совершения преступления принуждает другое лицо сделать, подчиниться или не сделать что-либо..» (статья 4 Главы 4 УК Швеции)[2], «Кто, используя насилие или угрозу серьезного вреда или другие ограничения в свободе выбора поведения лица, принуждает его что-либо сделать, бездействовать или претерпевать какие-либо невыгоды…» (ст.181 УК Швейцарии)[3], «Угроза совершить преступление … если она сопровождается приказанием выполнить условие…» (ст.222-18 УК Франции)[4]. В УК Дании, УК Республики Польша запрет на принуждение к чему-либо путем угроз насилием, насилия предусмотрен самой нормой о наказуемой угрозе. Собственно угроза совершением любого преступления и криминализирована в этих странах потому, что рассматривается как разновидность принуждающих действий, нарушающих свободу выбора потерпевшего.

В-четвертых, содержание наказуемой угрозы расширено по сравнению с УК РФ за счет включения в состав объективной стороны также угроз причинения вреда жизни либо здоровью близким (родственникам) потерпевшего: § 1 ст. 190 УК Республики Польша, ч. 1 ст. 144 УК Республики Болгария, ст. 222 УК Японии. Думается, что такая особенность нормы (наравне с тремя вышеназванными) направлена зарубежными законодателями на формирование системной охраны свободы волеизъявления граждан, защиты ее от максимально возможного количества форм психического насилия.

В-пятых, как правило, отдельными нормами уголовных кодексов от угрожающих действий в свой адрес охраняются специальные субъекты, к которым относятся представители власти, лица, осуществляющие предварительное расследование и отправляющие правосудие: § 119 Главы 14

---

[1] Уголовный кодекс Японии … С.134.
[2] Уголовный кодекс Швеции … С.42-43.
[3] Уголовный кодекс Швейцарии … С.204.
[4] Уголовный кодекс Франции / Науч. ред. Л.В. Головко, Н.Е. Крылова. Перевод Н.Е. Крылова. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. С.194-195.

УК Дании, ст.ст. 224, 232, 346 УК Республики Польша и т.д. Данные нормы не являются специфическими, присутствуют во всех рассмотренных нормативных актах, вне зависимости от принадлежности к той или иной правовой системе, национальных либо иных особенностей страны. И в этой связи отсутствует необходимость подробнее на них останавливаться здесь.

В-шестых, интерес представляет перечень квалифицированных составов, излагаемых в зарубежных уголовных законах.

Аналогичный содержащемуся в ч. 2 ст. 119 УК РФ состав изложен из просмотренной выборки актов только в § 1 ст. 119 УК Республики Польша: противозаконная угроза по отношению к лицу или группе лиц в связи с национальной, этнической, расовой, политической, религиозной группе или в связи с непринадлежностью к религиозной группе[1]. В § 2 статьи 119 кодекса наказуемы также публичные призывы к совершению такого преступления.

Часть 3 статьи 144 УК Республики Болгария признает повышенную общественную опасность за деянием, совершенным субъектом из числа специально оговоренного в законе перечня:

- лицом, занимающимся охранной деятельностью, служащим организации, осуществляющей охранную или страховую деятельность, лицом, действующим по поручению или выдающим себя за представителя такой организации;

- лицом из состава Министерства внутренних дел или представляющимся таковым;

- лицом, которое участвует в организации или группе, которая, используя насилие или угрозы, заключает сделки или извлекает выгоду, или действует по поручению такой организации или группы[2].

По сравнению с «простым» составом наказание за совершение квалифицированной угрозы также выглядит иначе: максимально допустимый срок лишения свободы увеличен в 6 раз, и составляет 3 года против 6

[1] Уголовный кодекс Республики Польша … С.147.
[2] Уголовный кодекс Республики Болгария … С.110, 113, 220.

месяцев, альтернативное наказание в виде штрафа заменено на обязательное поселение.

Согласно уголовному закону Голландии более опасны угрозы, совершенные в письменной форме и содержащие особые условия, предъявляемые виновным лицом потерпевшему (в том числе – и как условия прекращения посягательства). Аналогичным образом санкция за подобную угрозу увеличена: максимальный срок тюремного заключения составляет 4 года вместо 2 лет (ч. 2 ст. 285 УК Голландии)[1].

В целом стоит отметить, что основными видами наказания за совершение рассматриваемого нами деяния являются штраф и лишение свободы. Размер последнего наказания определен, как правило, в тех же рамках что и российским законодателем (до 2 лет по «простым» составам, до 5 лет по квалифицированным составам и составам принуждения).

Специфика регламентации ответственности за совершение криминальных угроз отличает законодательство стран англосаксонской системы права.

Так, в уголовном праве Англии установлен запрет на нападение, сущность которого заключается в соприкосновении тела и орудия преступления, чем собственно причиняются физические страдания потерпевшему. Н.А. Голованова подчеркивает, что «в буквальном смысле … это преступление состоит в том, что один человек набрасывается на другого»[2]. Но более важно в данном составе то, что в праве Англии нападением признается любое движение тела, которое заставляет потерпевшего испытать страх о неминуемом применении к нему физического насилия. А с конца 90-х годов XX века суды стали квалифицировать как нападение не только телодвижения, но и произнесение угрожающих слов. Причем имеются прецеденты, когда потерпевший не видел виновного (последний произносил угрозы в темноте или по телефону) и содеянное

[1] Уголовный кодекс Голландии ... С.383.
[2] Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть / Под ред. И.Д. Козочкина. – М., 2004. С.19.

расценивалось судом как нападение[1]. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, таким образом, криминализована в составе нападения.

Аналогичные запреты по уголовному праву США происходят от положений английского общего права и сохраняют многие его черты. Однако же особенность их состоит в том, что подразделяются они на нападения и побои. Первые квалифицируются при угрозе применением физического насилия, при малейшем соприкосновении содеянное перерастает в побои. Нападение может быть совершено посредством покушения на побои либо внушением страха причинения побоев[2]. Уголовная ответственность за нападение наступает, как правило, при наличии у виновного объективной возможности совершить те действия, которыми он угрожает.

Однако, законодательство штатов не отражает единообразно такого определения нападения: оно может трактоваться как покушение на побои, как поставление в состояние опасности причинения побоев, либо как и то и другое вместе. В некоторых штатах отдельные нормы о нападении не введены в текст уголовного закона, а объединены с нормами о побоях. В УК штата Нью-Йорк, напротив, под нападением понимается реальное причинение телесных повреждений, угроза же наказуема самостоятельными нормами[3].

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что подход англосаксонской системы права к криминальной угрозе (и угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в частности) существенно отличается от подхода континентальной системы права. В первом случае интересующая нас угроза тесно связана с самим причинением вреда здоровью или жизни, а в некоторых случаях даже объединена с ними. Однако, даже такое правило трудно назвать «общим» для законодательства штатов США, поскольку признаки деяния сформулированы далеко не единообразно.

---

[1] Там же. С.19-20.
[2] Там же. С.117.
[3] Там же. С.120.

Стоит, на наш взгляд, остановить внимание и на иных нестандартных подходах к угрозе, которые имеют место быть в отдельных странах и делают более богатым опыт криминализации данного деяния.

Так, в Законе об уголовном праве Израиля содержатся две нормы: о письменной угрозе преднамеренным убийством и угрозе пожаром либо разрушением. Оба деяния, как следует из текста, могут быть совершены только путем направления письма (записки), содержащей явно выраженное намерение одного лица причинить вред жизни либо имуществу другого. При этом норма об угрозе убийством (ст.307) содержится в Главе алеф Раздела йуд о преступлениях, причиняющих смерть человеку[1]; норма же об угрозе пожаром или разрушением (ст.460) – в Главе тет Раздела йуд алеф о вредительстве и причинении имущественного ущерба[2]. Таким образом, угрожающие действия, по мнению израильского законодателя, имеют отличные друг от друга объекты посягательства. Примечательно также и то, что исходя из содержания статьи 460, угроза причинения вреда имуществу может быть совершена в соучастии: лицом, создавшим и пославшим записку, и лицом, передавшим ее. Уголовная ответственность предусмотрена в равной мере для обоих.

Довольно фрагментарно изложены нормы об угрозах в УК Франции, хотя они и объединены в одном параграфе Отдела 1 об умышленных посягательствах на неприкосновенность личности.

В двух статьях предусмотрена уголовная ответственность за угрозу совершить преступление (проступок), покушение на который наказуемо, неоднократно либо в письменной, изобразительной или иной материальной форме (ст.222-17) и угрозу совершить преступление любым способом, если она сопровождается приказанием выполнить условие (ст.222-18)[3]. Отдельными абзацами в составе обоих статей криминализована угроза убийством: как угроза совершить преступление, покушение на которое

[1] Закон об уголовном праве Израиля. Перевод с иврита / Науч. ред. Н.И. Манцев. Перевод М. Дофман. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2005. С.274.
[2] Там же. С.376.
[3] Уголовный кодекс Франции … С.194-195.

наказуемо, одним способом и как угроза совершить уголовно наказуемое деяние иным способом. Единой нормы об угрозе убийством в УК Франции, таким образом, нет, а сопровождение в каждом случае описания ее объективной стороны целым рядом признаков затрудняет восприятие состава.

Особо стоит отметить УК Республики Польша и УК Австралии. В представленной выборке данные акты составляют исключение, поскольку содержат определения наказуемой угрозы. В УК Польши идет речь о криминальной угрозе (§ 12 ст.115)[1], под которой понимаются:

- угрозы другому лицу совершением преступления во вред ему или его самому близкому лицу, если угроза вызывает у угрожаемого обоснованные опасения в том, что она будет осуществлена;

- угроза возбудить уголовное преследование или разгласить сведения, оскорбляющие честь угрожаемого или самых близких ему лиц;

- не составляет противозаконной угрозы предупреждение об уголовном преследовании, если оно только имеет целью охрану права, нарушенного преступлением.

УК Австралии же содержится значительное количество норм-дефиниций, которые сформированы по принципу закрытого перечня, среди которых:

- угроза (выраженная вовне или подразумеваемая) осуществить поведение, которое является вредоносным или неприятным для другого лица;

- угроза, которая способна заставить лицо обычной стойкости и смелости действовать недобровольно и т.д. (ст.138.2)[2].

Законодательно закрепленные таким образом характеристики угрозы нельзя не признать удобными для правоприменителя в целях создания единообразной судебно-следственной практики, поскольку они ограничивают возможности произвольного толкования норм. Однако

---

[1] Уголовный кодекс Республики Польша … С.106.

[2] Уголовный кодекс Австралии / Науч. Ред. И.Д. Козочкин, Е.Н. Трикоз. Перевод Е.Н. Трикоз. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. С.227-228.

использование данного приема юридической техники одновременно делает текст уголовного закона загроможденным.

Принципиально разные позиции в отношении угрозы заняты законодателями КНР и Японии. В УК Китайской народной Республики вообще отсутствуют нормы, предусматривающие наступление уголовной ответственности за угрозу убийством, причинением тяжкого вреда здоровью или совершением любого иного преступления в отношении другого лица. При этом не как самостоятельное деяние, а как способ совершения иного преступления угроза все же встречается в тексте закона. В нормах, направленных на охрану общественного порядка путем установления запрета на насилие и угрозу им в отношении сотрудников государственных органов, органов общественной безопасности, депутатов Всекитайского собрания, собраний народных представителей, сотрудников Общества Красного Креста при выполнении им своих обязанностей (ст.277)[1]. Нормой же статьи 223 УК Японии запрещены помимо оконченных угроз и принуждений также и покушения на них[2]. Стоит вместе с тем и заметить, что применение запрета на покушение на угрозу может сталкиваться с определенными проблемами[3].

Необычными для моделей криминализации угрозы выглядят подходы законодателей Швеции и Швейцарии. Уголовным законом Швеции помимо запрета на совершение деяния, непосредственно посягающего на свободу лица, установлен также запрет на пропаганду угрозы насилием в рамках статьи о незаконном предоставлении технической записи: «Любое лицо, которое … предоставляет лицу, не достигшему 15 лет, кино-, видеозапись или другую техническую запись движущихся изображений, открыто и правдоподобно изображающую насилие или угрозу насилия в отношении людей или животных …» (ст.10с главы 16)[4]. В Разделе 12 «Преступления и проступки против общественного спокойствия» УК Швейцарии закреплен

[1] Уголовный кодекс Китайской народной Республики / Науч. ред. А.И. Коробеев. Перевод Д.В. Вичиков. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001. С.186-187.
[2] Уголовный кодекс Японии … С.134.
[3] О некоторых из них в настоящей работе было сказано ранее в § 1.1 «Характеристика состава угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в российском уголовном праве».
[4] Уголовный кодекс Швеции ... С.135-136.

состав «запугивание населения», предусматривающий ответственность для того, «кто запугивает население, используя угрозу или извращая факты об имеющейся якобы опасности для жизни, здоровья или собственности…» (ст.258)[1]. Подобные нормы, по нашему мнению, обладают превентивным потенциалом.

Из проведенного выше анализа следует сделать ряд промежуточных выводов, завершающих обзор опыта криминализации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и аналогичных ей деяний:

- наиболее распространен среди законодателей широкий подход к криминальной угрозе по сравнению с использующимся в УК РФ. При этом в уголовных законах стран, ранее входивших в состав СССР, он реализуется преимущественно за счет действия норм, аналогичных содержавшейся в статье 207 УК РСФСР, в уголовных законах европейских стран и части стран Азии – за счет преследования угроз совершения любым преступлением и связанных с ними принуждений;

- из расположения норм в структуре кодексов следует позиция о том, что криминальная угроза в адрес другого лица посягает, прежде всего, на свободу его волеизъявления. В редких случаях угрозы отнесены к числу преступлений, могущих причинить вред жизни либо иным правам человека;

- наличие в уголовных законах близкого к угрозе состава наказуемого принуждения и большего количества квалифицированных составов по сравнению с УК РФ следует отнести к мерам, свидетельствующим о целенаправленном преследовании проявлений психического насилия над личностью. Интересам потерпевшего при этом уделяется особое внимание, о чем косвенно свидетельствует и распространенная практика отнесения криминальной угрозы к делам частного обвинения (УК Республики Беларусь, УК Республики Болгария, УК Республики Польша, УК Швейцарии и т.д.).

Неоконченные преступления и покушение на преступление в частности являются известными институтами для уголовного права зарубежных стран.

[1] Уголовный кодекс Швейцарии ... С.204.

Связанные с ними нормы содержатся в кодексах всех стран, попавших в выборку. Отличаются они лишь рядом особенностей, на анализе которых мы остановимся далее.

Данные институты как в России, так и за рубежом исследователи склонны относить к «глубинным структурам» уголовного права. А.В. Наумов и Дж. Флетчер отмечают, что исследование покушения в современном уголовном праве отталкивается от двух концепций.

В основе первой лежит понятие виновности, базирующейся на личности преступника, у которого вначале формируется умысел на совершение наказуемого деяния, а затем он приступает к его реализации. Последствием начала такой реализации является возникновение опасности причинения вреда, который может наступить реально если покушение не будет своевременно остановлено или пресечено. Вопрос о жертве покушения (потенциальной) «оттесняется на второй план» характеристикой самого деяния. Вторая концепция ориентируется на идею причинения вреда. И опасность преступления (хотя бы и неоконченного) оценивается в этом случае относительно причинения вреда конкретному индивиду. Покушение опасно постольку, поскольку причиняет вред конкретной жертве[1].

В российском уголовном праве воспринят первый подход, и в этой связи популярна теория стадий преступления, как уточняющая о последовательности развития умысла и отражения этого в действительности. Приверженность этой теории некоторых отечественных исследователей, по мнению А.И. Ситниковой, имеет своим следствием изложение и норм уголовных законов иностранных государств все в том же ключе трех стадий (приготовление и покушение на преступление, оконченное преступление), а равно – и искажение, неточную передачу их смысла и специфики[2]. Между тем, нормы о неоконченном преступлении в законодательстве отдельных стран значительно отличаются друг от друга.

---

[1] Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. – М., 1998. С.423-424.
[2] Ситникова А.И. Указ. соч. С.70-71.

Прежде всего стоит заметить, что не все законодатели в общих частях кодексов закрепляют дефиниции неоконченного преступления, его разновидностей. По данному критерию нормативные акты можно объединить в следующие группы. В первую входят акты всех стран, бывших ранее участниками СССР, а также некоторых европейских и азиатских стран (например, Англии, Республики Болгария, Голландии, Дания, КНР, Республики Польша, некоторых штатов США и т.д.). В них включено легальное определение покушения на преступление, являющееся ориентиром для правоприменителя для квалификации покушения на любое преступление. При этом определение может приводиться как прямым (ст. 18 (1) УК Республики Болгария: «…начатое исполнение умышленного преступления, при котором исполнение деяния не завершено или хотя бы и завершено, но не наступили предусмотренные законом и желаемые лицом общественно опасные последствия этого преступления»[1]), так и косвенным способом (§ 21 УК Дании: «Действия, направленные на содействие или исполнение преступления, должны наказываться как покушение, если преступление не окончено»[2]). Во второй группе – акты, содержащие в себе классификацию видов покушения на преступление и их легальные определения. Таковы УК Республики Польша (ст.13), УК Швейцарии (ст.ст.21-23). В первом из них мы можем найти дефиниции покушения и негодного покушения, под последним из которых понимается деяние, «когда виновный не отдает себе отчет в том, что выполнение преступления невозможно ввиду отсутствия предмета, годного … или ввиду использования средства, негодного …» (ст.13 § 1 УК Республики Польша)[3], во втором же – определения основных видов покушения: неоконченного, оконченного и негодного (ст.ст. 21 – 23УК Швейцарии)[4]. Третья группа актов объединяет те из них, в которых криминализованы покушения на конкретные преступления, а равно отсутствует определение покушения в целом. В представленной выборке

[1] Уголовный кодекс Республики Болгария ... С.35-36.
[2] Уголовный кодекс Дании … С.26.
[3] Уголовный кодекс Республики Польша ... С.51.
[4] Уголовный кодекс Швейцарии … С.79-80.

таким признакам в полной мере соответствует УК Японии, но с оговоркой сюда можно включить также и Закон об уголовном праве Израиля (в нем наравне с наличием дефиниции покушения предусматривается уголовная ответственность для лиц, совершивших покушение на конкретные преступные деяния в отдельных статьях Части бет (Особенной части)).

Подобная группировка актов позволяет предположить, что в странах, чьи уголовные законы включены в первые две позиции, оформилась концепция неоконченного преступления, и теорией права выработаны признаки его разновидностей (в тексте закона содержатся определения и покушения на преступление, и приготовления к нему), которые могут отличать незавершенные посягательства на любые из охраняемых объектов. При этом степень «проработанности» данного вопроса во второй группе выше по сравнению с первой: законодатели приняли решение нормативно закрепить также дефиниции видов покушения, официально признав их, по-видимому, приемлемыми для применения. В третьей же группе актов использован «точечный» подход, при котором в отношении каждого отдельного неоконченного посягательства законодателем принимаются решения: об уровне его общественной опасности, достаточном (либо недостаточном) для уголовного преследования причастных субъектов, о существенных признаках, посредством которых оно может быть легально описано, о размере наказания, иные. Вероятно, что в теории уголовного права к моменту изложения норм еще не оформилось представление об институте неоконченного преступления настолько, чтобы стало возможным для законодателя перенести его в текст уголовного закона. Как уже было отмечено выше, особенности отличают Закон об уголовном праве Израиля, и поэтому в состав третьей группы его можно включить лишь с оговоркой. В статье 25 Главы алеф Раздела хей Общей части закона воспроизведено определение покушения на преступление: «Лицо признается как покушавшееся на преступление с целью его совершения, если совершило деяние, которое содержит в себе больше, чем просто приготовление к

преступлению, и при этом преступление не было доведено до конца»[1]. И вместе с тем, в Части бет (аналог Особенной части) отдельными статьями предусмотрена уголовная ответственность за покушение на конкретные преступления: ст. 305 «Покушение на преднамеренное убийство», ст. 330 «Покушение на причинение телесных повреждений взрывчатым веществом» и т.д. Признаки таких покушений изложены достаточно подробно. Наличие подобного противоречия, по нашему мнению, может свидетельствовать о недостаточной проработанности содержания покушения на преступление в теории уголовного права Израиля. Попытками восполнить этот пробел можно объяснить введение законодателем специальных норм, содержащих индивидуальные признаки некоторых покушений.

Говоря о легальном определении покушения на преступление, стоит отметить еще одну особенность: в текстах уголовных законов по-разному определен критерий оконченности покушения. Как правило, он изложен либо в субъективном ключе («…преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам»[2] - ст. 29 УК Республики Азербайджан, «…преступление не было доведено до конца по причинам, не зависящим от воли виновного»[3] - ст. 15 УК Латвийской Республики и т.п.), либо в объективном («…но преступление не было доведено до конца»[4] - ст. 19 УК Грузии, «…исполнение деяния не завершено или хотя бы и завершено, но не наступили предусмотренные законом и желаемые лицом общественно опасные последствия этого преступления»[5] - ст. 18 (1) УК Республики Болгария). Объективный критерий оконченности значительно расширяет границы применения нормы о покушении, поскольку в таком случае не должен приниматься во внимание характер возникших на пути субъекта препятствий (формально, даже если он добровольно не довел посягательство

[1] Закон об уголовном праве Израиля … С.39.
[2] Уголовный кодекс Азербайджанской Республики // Центр документов Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ [Электронный ресурс]. URL: http://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14108/preview (дата обращения 01.07.2012 г.).
[3] Уголовный кодекс Латвийской Республики ... С.57-58.
[4] Уголовный кодекс Грузии … С.96.
[5] Уголовный кодекс Республики Болгария ... С.35-36.

до конца, его действия, исходя из содержания нормы, должны квалифицироваться как покушение и повлечь за собой назначение наказания). «Ограничение» такого применения содержится лишь в нормах о добровольном отказе: позиция о данном обстоятельстве как исключающем уголовную ответственность за не доведенное до конца преступное посягательство едина.

Между тем, в УК Грузии (кстати, законодатель данной страны единственный среди бывших участников СССР прибегнул к использованию объективного критерия в тексте уголовного закона) изложенная таким образом норма о покушении связана с нормой о добровольном отказе: «Лицо не подлежит уголовной ответственности, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца»[1] (ч. 1 ст. 21 УК Грузии). Возникает в этой связи конфликт норм, при котором преступное посягательство, которое лицом не было доведено до конца по собственному усмотрению, может быть квалифицировано и как покушение на конкретное преступление, и как добровольный отказ от этого преступления. Как следствие, лицо может быть привлечено либо не привлечено к уголовной ответственности. Думается, что единообразная практика применения указанных норм невозможна без уточнений, содержащихся в подзаконных актах.

В иных странах, использующих в тексте закона объективный критерий и попавших в выборку, в нормах о добровольном отказе содержится признак, по которому покушение на преступление может быть отграничено от добровольного отказа: лицо добровольно отказывается от совершения преступления и предотвращает наступление преступных последствий (ст. 18 (3) УК Республики Болгария, § 84 (1) УК Дании, § 84 (1) УК Республики Польша). Исключение составляет Закон об уголовном праве Израиля, в котором институт добровольного отказа от совершения преступления вовсе не предусмотрен, а случаи, могущие быть квалифицированными как отказ,

[1] Уголовный кодекс Грузии … С.97.

подпадают под действие нормы о раскаянии (ст.28 Главы алеф Раздела хей). В ней сказано, что от уголовной ответственности освобождается лицо, которое «лишь только по своему искреннему желанию и в связи с раскаянием прекратило деяние, направленное на доведение преступления до конца или внесло существенную пользу в предотвращение результатов, от которых зависит доведение преступления до конца»[1].

Существует подход к определению покушения на преступление, при котором легально установлена лишь одна из «границ» такого посягательства, а именно – его начало. Таковы нормы УК Голландии («Покушение на преступление наказуемо, если преступник с намерением начинает преступление»[2] - ч. 1 ст. 45), Закона об уголовно наказуемом покушении 1981 г. в Англии и Уэльсе, где покушением признается действие, «которое является большим, чем просто приготовление к совершению преступления»[3], УК штата Нью-Йорк (в ст.110 лицо признается виновным в покушении на совершение преступления, если осуществляет поведение, которое «способно привести к совершению такого преступления»[4]), УК штата Огайо (в главе 2923 покушением определено как «поведение, которое было успешным (доведенным до конца), составило или вылилось в посягательство»[5]). Подобная дефиниция упрощает применение норм о добровольном отказе, однако большего внимания потребует разграничение начавшегося посягательства и приготовления к нему: например, фраза «большего, чем просто приготовления» дает мало информации об этом.

Другой важной позицией сравнительного анализа является наказуемость покушений. Уголовными законами подавляющего большинства стран, попавшими в выборку, предусмотрено привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших покушение на любое преступление. Однако, из этого правила существуют исключения: ч. 2 ст. 10, ч. 4 ст. 24 УК

---

[1] Закон об уголовном праве Израиля ... С.27.
[2] Уголовный кодекс Голландии … С.175.
[3] Уголовное право буржуазных стран. Общая часть: Сборник законодательных актов / Под ред. А.И. Игнатова. – М., 1990. С.144.
[4] Там же. С.144
[5] Там же. С.161-164.

Казахстана признаются не наказуемыми покушения на преступления небольшой тяжести (умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает 2 лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает 5 лет лишения свободы)[1], согласно ч. 6 ст. 15, ч. 2 ст. 7 УК Латвийской Республики не наказуемы покушения на уголовный проступок (деяния, за совершение которого предусмотрено лишение свободы на срок не более 2 лет или более мягкое наказание)[2], а в п. «Е» § 2923.02 УК штата Огайо закреплено, что не признается преступным посягательством покушение на совершение малого мисдиминора[3]. Особым образом сформулирован перечень ненаказуемых покушений в УК Дании: «Если не предусмотрено иное, то покушение должно наказываться, только если за преступление предусмотрено наказание более суровое, чем простое заключение под стражу»[4] (§ 21 (3)). По мнению данных законодателей, покушения на подобные запрещенные деяния (в отличие от соответствующих оконченных преступлений) не обладают такой степенью общественной опасности, которая бы вызывала необходимость уголовного преследования лиц, их совершивших. Они, таким образом, исключены из сферы деятельности правоприменителя.

О размере наказания за покушение на преступление следует отметить следующее. В действующем УК РФ включена норма о смягчении наказания до трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания; в УК РСФСР 1960 г. содержалась оговорка о том, что при назначении наказания «суд учитывает характер и степень общественной опасности действий, совершенных виновным, степень осуществления преступного намерения и причины, в силу которых преступление не было доведено до конца». Уголовные законы стран – бывших участников СССР в

[1] Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. Доступ из информационной системы «Параграф».
[2] Уголовный кодекс Латвийской Республики ... С.53, 57-58.
[3] Уголовное право буржуазных стран. Общая часть: Сборник законодательных актов / Под ред. А.И. Игнатова. С.161-164.
[4] Уголовный кодекс Дании ... С.26.

настоящее время воспроизводят либо первую, либо вторую из указанных норм. Однозначной же является позиция о том, что покушение на преступление не может быть наказано пожизненным лишением свободы, смертной казнью. Из этого следует, что законодателями указанных стран общественная опасность данной разновидности неоконченного посягательства оценивается как меньшая по сравнению с оконченным преступлением, с соразмерно фиксированной планкой снижения размера наказания.

Иной спектр мнений можно наблюдать, обратившись к уголовным законам европейских и части стран Азии.

Наиболее жесткие позиции занимают законодатели Республики Польша, Швейцарии, Швеции, предусматривающие назначение судом наказания за покушение в том же порядке, что и за оконченное преступление, и в пределах той же санкции. При этом в ст.1 гл.23 УК Швеции сделана оговорка о минимально допустимом «пороге» наказания для лиц покушающихся: наказание должно быть «не менее, чем тюремное заключение, если наименьшим наказанием за оконченное преступление является тюремное заключение на срок в 2 года или более»[1]. Полярную точку зрения занимают законодатели Республики Болгария, Китайской народной Республики, которые сочли целесообразным определить возможность назначения наказания за покушение ниже низшего предела, установленного для соответствующего оконченного преступления (ст.ст. 55, 58 УК Болгарии[2], ст. 23 УК КНР[3]). Промежуточное положение занимают законодатели Голландии, определившие четкую границу снижения максимального размера основного наказания, предусмотренного для соответствующего оконченного преступления, до двух третей и замену пожизненного тюремного заключения на срок заключения в пределах 15 лет[4] (ст. 45 УК Голландии), и некоторых других стран, в которых законом «с

[1] Уголовный кодекс Швеции ... С.191.
[2] Уголовный кодекс Республики Болгария ... С.56-57.
[3] Уголовный кодекс Китайской народной Республики ... С.24-25.
[4] Уголовный кодекс Голландии ... С.175.

учетом степени осуществления намерения, а также причин, вследствие которых преступление не было завершено» предоставлено правоприменителю право уменьшать размер наказания, подразумеваемым пределом для которого является минимальный размер наказания за совершение оконченного преступления (УК Дании, Японии и т.д.).

Учитывая направленность нашего исследования, приведенные сведения следует конкретизировать применительно к составу покушения на убийство. Во-первых, запрет на лишение жизни другого лица не вызывает сомнений относительно своей преступной природы, а посему закреплен во всех проанализированных нами уголовных законах. Во всех же случаях, во-вторых, действует запрет и на покушение на лишение жизни человека. И когда в уголовном законе прямо предусмотрено наказание за совершение данной разновидности неоконченного преступления, и когда законодателями использован «точечный» подход путем криминализации покушения на убийство как самостоятельного состава (таковы ст.305 Закона об уголовном праве Израиля «Покушение на преднамеренное убийство», ст.203 УК Японии «Покушение на совершение убийства»).

В-третьих, по уголовным законам стран, подвергшихся анализу, покушение на убийство влечет назначение наказания (т.е. не входит в перечень ненаказуемых покушений, который предусмотрен УК Казахстана, Латвийской Республики, Дании).

За совершение оконченного «простого» убийства наказание в странах, ранее входивших в состав СССР, предусмотрено в виде лишения свободы, и срок его варьируется в пределах от 5 до 15 лет. В европейских странах и части стран Азии размеры наказания более дифференцированы: от отсутствия минимального срока лишения свободы (тюремного заключения) в УК Голландии, Израиля до пожизненных сроков назначения этих же наказаний в УК Дании, КНР, Республики Польша, Франции, Швеции. При этом предельные размеры наказания (в случае их наличия) увеличены для квалифицированных составов убийств, а также могут быть назначены

наравне с основным дополнительные виды наказания (контроль полиции в Латвийской Республике, обязанность проживания в определенной территории в Туркменистане, штраф в Голландии и т.д.). Учитывая, что покушавшемуся лицу не может быть назначено пожизненное лишение свободы, но могут назначаться все виды наказания, предусмотренные для соответствующего оконченного преступления, можно заключить, что виновное в покушении на убийство лицо в большинстве случаев может быть осуждено с назначением наказания в виде лишения свободы на определенный срок и возможным возложением дополнительного наказания.

Стоит также обратить внимание на особенные случаи криминализации покушения на убийство. В уголовных законах Республики Молдова и Украины наряду с нормами о покушении на преступление, оконченном убийстве в отдельных статьях предусмотрены нормы о покушениях на жизнь некоторых лиц. В УК Республики Молдова речь идет о покушении на жизнь Президента Республики, Председателя Парламента, премьер-министра (ст.342); в УК Украины – о покушении на убийство работников правоохранительных органов, их близких родственников в связи с исполнением служебных обязанностей, членов общественных формирований по охране общественного порядка и государственной границы или военнослужащего (ст.348), на жизнь судьи, народного заседателя либо присяжного в связи с их деятельностью (ст.379), на жизнь защитника либо представителя лица в связи с деятельностью, связанной с оказанием правовой помощи (ст.400), на жизнь представителя иностранного государства (ст.443). Такие нормы не «вписываются» в структуру обычного неоконченного посягательства (в том числе – и на жизнь), поскольку:

а) имеют самостоятельный объект преступления (публичную власть и безопасность государства в Республике Польша, авторитет органов государственной власти, местного самоуправления и объединений граждан, правосудие, международный правопорядок в Украине) в отличие от покушений на убийство иных лиц (где объектом выступает жизнь человека);

б) предусматривают иные, бóльшие размеры санкций по сравнению с покушением на «простое» убийство (минимальный размер наказания в виде лишения свободы в Польше повышен с 8 до 12 лет, а максимальный – с 15 до 20 лет; в Украине максимальный размер наказания в виде лишения свободы на срок в 15 лет трансформирован в пожизненное лишение свободы);

в) сообразно с объектом посягательства в состав субъективной стороны деяния включен дополнительный признак, характеризующий цели и мотивы действий (бездействия) виновного лица. В случае с УК Республики Молдова речь идет о цели прекращения государственной или иной политической деятельности жертвы, мести за такую деятельность. В УК Украины – о покушении в связи с исполнением служебных обязанностей перечисленными выше лицами.

По всей видимости, законодатели, включая подобные нормы в текст уголовного закона, руководствовались стремлением не восполнить возможные пробелы в регламентации покушения на убийство, а обозначить особую значимость объектов, которые, по их мнению, претерпевают неблагоприятные последствия в результате совершения покушения на лицо с конкретным статусом. Следуя этой логике, можно заключить, например, что в Республике Польша публичная власть и безопасность государства признается более ценным объектом уголовно-правовой охраны, нежели жизнь человека (хотя бы этим человеком и являлся особый субъект). Покушение же на жизнь такого субъекта рассматривается как способ совершения наказуемого посягательства (в то время как покушение на жизнь «обычного» человека в рамках других норм УК Польши выступает непосредственно преступным посягательством).

В целом, представленные выше сведения о криминализации покушения на убийство в уголовных законах различных стран могут свидетельствовать о следующем:

- у законодателей стран СНГ, европейских стран и части стран Азии имеется богатый опыт регламентации начавшегося преступного

посягательства. В большинстве случаев в теории уголовного права разработаны концепции неоконченного преступления. Положительным моментом стоит признать введение в тексты уголовных законов классификаций покушения, дефиниций его разновидностей;

- объективные и субъективные критерии оконченности покушения свидетельствуют о различном отношении законодателей к причинам, по которым лицо прекращает совершение преступления. Единственной значимой причиной при использовании объективного критерия является добровольность отказа от посягательства, поскольку она исключает уголовную ответственность;

- покушение на убийство криминализовано во всех без исключения странах, попавших в выборку. При этом ответственность за данное деяние может наступать по той же статье Особенной части УК, что и за оконченное убийство, со ссылкой на статью о покушении из Общей части либо по отдельной статье Особенной части, предусматривающей ответственность именно за покушение на убийство, с самостоятельной санкцией. Во втором случае встречаются также нормы, признающие наказуемыми покушения на жизнь закрытого перечня лиц. Особый интерес представляет то, что основным непосредственным объектом такого посягательства выступает не жизнь человека, а более важные с точки зрения законодателей ценности (публичная власть и безопасность государства, авторитет органов государственной власти, местного самоуправления и объединений граждан, правосудие, международный правопорядок);

- действие в составе объективной стороны, исходя из содержания норм, характеризуют те же признаки, что и в УК РФ. Однако признак реальной опасности причинения вреда в тех странах, где использована концепция с ориентацией на идею причинения вреда конкретному индивиду, приобретает немного иной оттенок. Покушение характеризуется не потенциальной опасностью, а конкретной опасностью, для определенного индивида и в связи с посягательством в его адрес;

- относительно субъективной стороны неоконченного посягательства сформировано единое мнение: оно совершается лишь с прямым умыслом. При этом субъективную сторону деяния в ряде стран могут также характеризовать определенные мотивы и цели субъекта;

- уровень общественной опасности покушения на убийство признается достаточным для назначения наказания лицу, его совершившему, в виде лишения свободы (тюремного заключения) на определенный срок (хотя бы даже и меньший, чем минимальный срок за оконченное убийство) с возможным возложением дополнительного наказания в некоторых странах.

Дополнить выводы в настоящей главе в отношении рассматриваемой пары преступлений хотелось бы некоторыми более общими замечаниями. В первую очередь стоит отметить фрагментарный характер подавляющего большинства подходов к сущности угрозы, криминализированной в статье 119 УК РФ: они охватывают определенный сектор общности наказуемых деяний, которым можно дать легальную оценку в соответствии с нормами данной статьи, и посредством обращения к которым тот или иной подход может быть верифицируем. Наиболее отчетливо это проявляется в попытках «привязать» различные проявления угрожающего воздействия к видовому объекту главы, в которой располагаются норма о преступлении.

Определенный интерес для разрешения этого парадокса представляет опыт криминализации аналогичных деяний некоторыми странами, ранее входившими в состав СССР и рядом европейских стран. Легально закрепленные позиции законодателей о видовом объекте исключают нормативное противоречие, поскольку никоим образом не связывают его ни с жизнью, ни со здоровьем человека, а более широкие границы наказуемости деяния формируют качественно иной облик преступления.

Иной оттенок в уголовных законах большинства зарубежных стран имеет и признак-«фильтр», отсекающий круг угроз о причинении вреда, которые не требуют реакции правоприменителя. Чаще он содержательно наполнен указанием на истинные цели виновного лица в виде принуждения к

каким-либо действиям либо воздержания от них потерпевшего. Реже – содержит объективные характеристики, которые могут служить подтверждением «серьезности» угрозы: например, ее письменное изложение, ориентированность на родных или близких адресата и т.п. Стоит сказать, что свидетельств смыслового смешения законодательно закрепленных признаков криминальной угрозы и покушения на убийство при анализе опыта криминализации деяний в зарубежных странах обнаружено не было (исключение составили разве что уголовные законы Англии и некоторых штатов США, в которых угроза наказуема в рамках нападения – посягательства, по сути состоящего в причинении физических повреждений потерпевшему).

Полагаем, что применение подобных законодательных решений (при положительном ответе на вопрос об их целесообразности) позволило бы не только удовлетворить давно звучащим пожеланиям об изменении местоположения нормы в структуре уголовного закона, но и сформировать иное системное представление о составе угрозы, более отвечающее истинной ее природе: это формальный состав, наказуемое действие как элемент которого отличают конкретность, действительность и реальность, а также направленность на ограничение волеизъявления человека.

С целью подтверждения полученных выводов далее следует обратиться к анализу реально совершаемых действий, получающих правовую оценку в соответствии с нормами об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушении на убийство. Поскольку обращение к той части объективной действительности, которую отражает норма права позволяет судить о ее истинности либо ложности на данном этапе времени[1]. И в соответствии с этим определить условия, при которых возможно достижение соответствия правовой нормы действительности.

[1] Голик Ю.В. Истина в уголовном праве: Аналитический доклад. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2013. С.37.

ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ УГРОЗ УБИЙСТВОМ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ И ПОКУШЕНИЙ НА УБИЙСТВО В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОРОНЕЖСКОЙ, ЛИПЕЦКОЙ, ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

2.1. Особенности правовой оценки элементов и признаков рассматриваемых преступных деяний в судебной практике

Для анализа нами были выбраны акты, вынесенные судебными органами в период с 2010 по 2013 годы на территории трех соседствующих регионов Центрального федерального округа России – Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей. Все акты взяты из открытого доступа, посредством поиска и отбора их на сайтах соответствующих судебных органов.

Существенным критерием отбора стало наличие информации о правовой оценке судами I инстанции деяний, квалифицированных органами, осуществляющими предварительное расследование, как угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и как покушение на убийство (хотя бы по одному из эпизодов). То есть каждое уголовное дело, попавшее в выборку, поступило в суд с обвинительным актом либо обвинительным заключением, содержащим указание на один из интересующих нас составов преступлений.

В выборку попали 1 037 судебных актов: 414 из Воронежской области, 371 из Липецкой области и 252 из Тамбовской области. Все они были разделены на 2 условные группы:

1) «угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» (см. Приложение № 1)[1];

2) «покушения на убийство» (см. Приложение № 2)[2].

[1] Акты по уголовным делам, в которых деяния подсудимых органами, осуществляющими предварительное расследование, квалифицированы хотя бы по одному из эпизодов по ч. 1 или ч. 2 ст. 119 УК РФ.

[2] Акты по уголовным делам, в которых деяния подсудимых органами, осуществляющими предварительное расследование, квалифицированы хотя бы по одному из эпизодов по ч. 3 ст. 30, ст. 105 УК РФ.

При этом данный массив оказался неравномерно распределен между группами: 979 актов отнесены к первой из них, оставшиеся 58 – ко второй[1]. Подобный диссонанс можно объяснить рядом объективных признаков: бóльшими сроками проведения предварительного следствия по уголовным делам о покушениях на убийство, бóльшим количеством судебных актов по таким уголовным делам, являющимся предметом пересмотра, иными.

Первичный анализ судебных актов проводился анкетным способом. При этом было разработано 2 формы анкет: для актов, объединенных в первой условной группе (Приложение № 3), и объединенных во второй (Приложение № 4). Показатели в анкетах были объединены в идентичные группы, характеризующие три элемента состава преступления (все, кроме объекта), обстановку совершения деяния и общие данные по уголовному делу. Прямое указание на объект преступления было исключено из анкетных показателей, поскольку такая попытка не позволила бы его раскрыть существенным образом: наказуемые поступки людей квалифицируются в соответствии с законодательно закрепленной иерархией объектов охраны, которая лишь отражается в судебных актах. Однако в процессе исследования мы постарались установить содержание данного элемента состава на основании иных, а также относящихся к нему косвенных замечаний. Показатели, характеризующие обстановку совершения преступления, были включены в анкету с целью определения того, насколько близки объективные условия совершения людьми деяний, понимаемых уголовным законом России как принципиально разные преступления. Общие данные по уголовному делу позволили нам, в свою очередь, составить более полную статистическую картину принятых процессуальных решений по уголовным делам.

Далее первичные данные были собраны в сводные анкеты, содержащие значения показателей по каждому из регионов и итоговые значения

[1] Необходимо учитывать, что правовая оценка содеянного судебными органами не всегда совпадала с оценкой, представленной в обвинительном акте (заключении). И в этой связи итоговая квалификация (судом I инстанции) могла находиться за рамками ст. 119 УК РФ, ч. 3 ст. 30, ст. 105 УК РФ.

(Приложения № 5 и № 6). Последние положены в основу графических материалов, представленных в главе, и сопровождены описанием обнаруженных связей и закономерностей.

Видовой состав попавших в выборку судебных актов представлен на диаграммах 1.1 и 1.2.

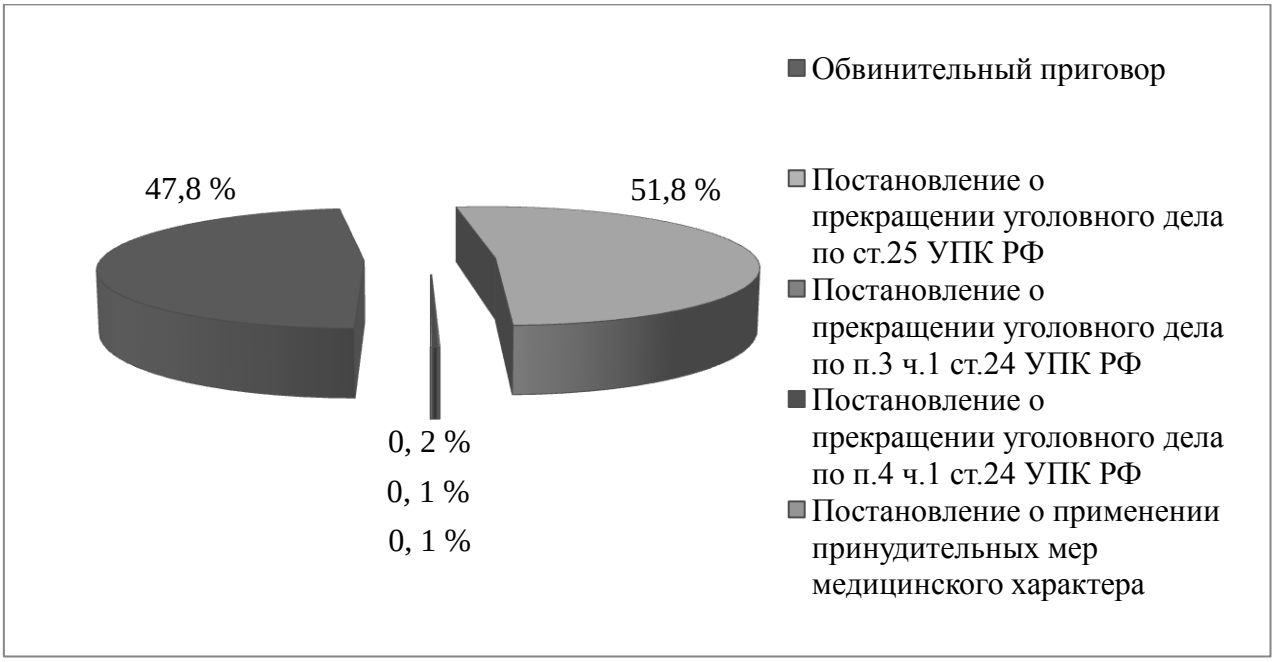

Диаграмма 1.1. Видовой состав судебных актов, объединенных в первой условной группе.

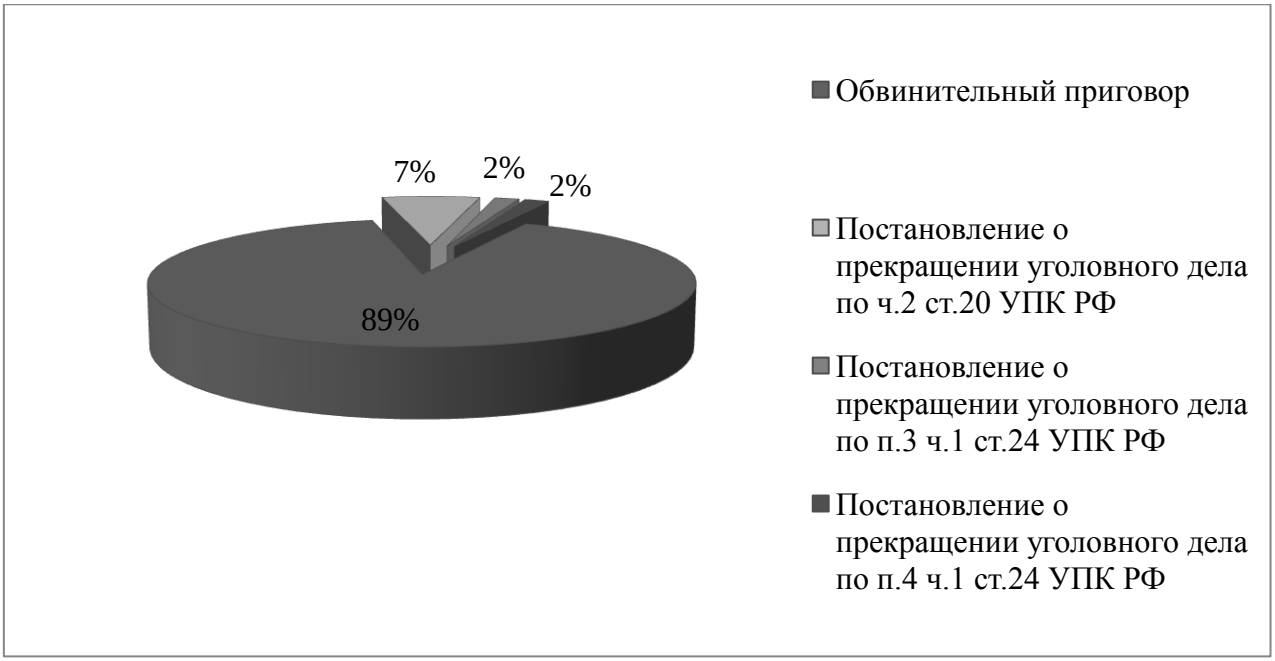

Диаграмма 1.2. Видовой состав судебных актов, объединенных во второй условной группе.

Как видим, в первом случае массив актов разделен примерно равно между обвинительными приговорами и постановлениями о прекращении

уголовных дел. При этом подавляющее большинство постановлений вынесено в связи с примирением сторон и заглаживанием причиненного потерпевшему вреда (51,8 % из 52,2 %). 0,1 % уголовных дел прекращено на основании истечения сроков давности уголовного преследования, 0,2 % – в связи со смертью обвиняемого. Оставшиеся 0,1 % судебных актов – постановления о применении к виновному лицу принудительных мер медицинского характера.

Принципиально иным образом выглядит соотношение судебных актов по уголовным делам о совершении «покушений на убийство». Рассмотрение в суде 89 % уголовных дел завершилось вынесением обвинительного приговора в отношении подсудимого. Лишь оставшиеся 11 % уголовных дел были прекращены: 7 % – в связи с примирением сторон и заглаживанием причиненного вреда (поскольку деяние в ходе судебного разбирательства было переквалифицировано с покушения на убийство на одно из предусмотренных в ч. 2 ст. 20 УПК РФ, а сторонами были заявлены соответствующие ходатайства), 2 % – на основании истечения сроков давности уголовного преследования, 2 % – в связи со смертью обвиняемого.

Отчасти объяснение преобладания обвинительных приговоров во второй условной группе актов кроется в содержании статей 15 и 76 УК РФ. Даже неоконченное посягательство на жизнь человека уголовный закон не относит к преступлениям небольшой или средней тяжести, что исключает возможность примирения сторон. В русле этой же логики «лежит» и объект данного преступления: жизнь человека настолько ценна и незаменима, что последствия посягательства на нее крайне трудно «загладить», крайне трудно найти основания для примирения сторон (если вообще возможно). Лицо, деятельно выразившее намерение лишить другого жизни, должно быть привлечено к уголовной ответственности и наказано. Пожалуй, эта идея так или иначе отражена в упомянутых правовых нормах.

Между тем, возможность примирения сторон и прекращения уголовного дела о неоконченном посягательстве на жизнь возможна в ряде

случаев: когда действия виновного лица, оцененные изначально органом, осуществляющим предварительное расследование по делу, как направленные против жизни потерпевшего, по результатам судебного разбирательства получают иную правовую оценку – в качестве преступлений против здоровья небольшой или средней тяжести. В таких случаях в процессе судебного разбирательства доказан умысел подсудимого на причинение телесных повреждений потерпевшему, но не намерение причинить смерть. Данное обстоятельство имеет ряд следствий, среди которых: изменение объекта преступления, изменение категории тяжести преступления, предоставление сторонам судопроизводства права на примирение и прекращение уголовного дела.

Из рассмотренных 58 судебных актов, в которых деяния виновных лиц первоначально были квалифицированы как «покушение на убийство», в 19 (33 %) квалификация была изменена судом (см. Диаграмму 2). В 6 актах из 19 (11 %) действия были оценены как преступления против здоровья потерпевшего небольшой тяжести (а именно – по ч. 1 ст. 115 УК РФ). В 4 актах из 6 (7 %) потерпевшие примирились с подсудимыми и заявили ходатайство о прекращении уголовного дела (на основании ч. 2 ст. 20 УПК РФ).

Таким образом, в 7 % случаев совершения уголовно наказуемых деяний, первоначально оцененных как «покушение на убийство», право на примирение оказалось востребованным сторонами уголовного судопроизводства. Оценка посягательства как опасного для жизни оказалась изменена в том числе и потерпевшими на не являющуюся таковой. Степень общественной опасности деяний подсудимых (и их опасности лично для потерпевших) также оказалась существенно снижена.

В случаях совершения «угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» возможность применения аналогичных оценок имелась у потерпевших изначально, уже в силу того, что деяние отнесено уголовным законом к категории преступлений небольшой тяжести.

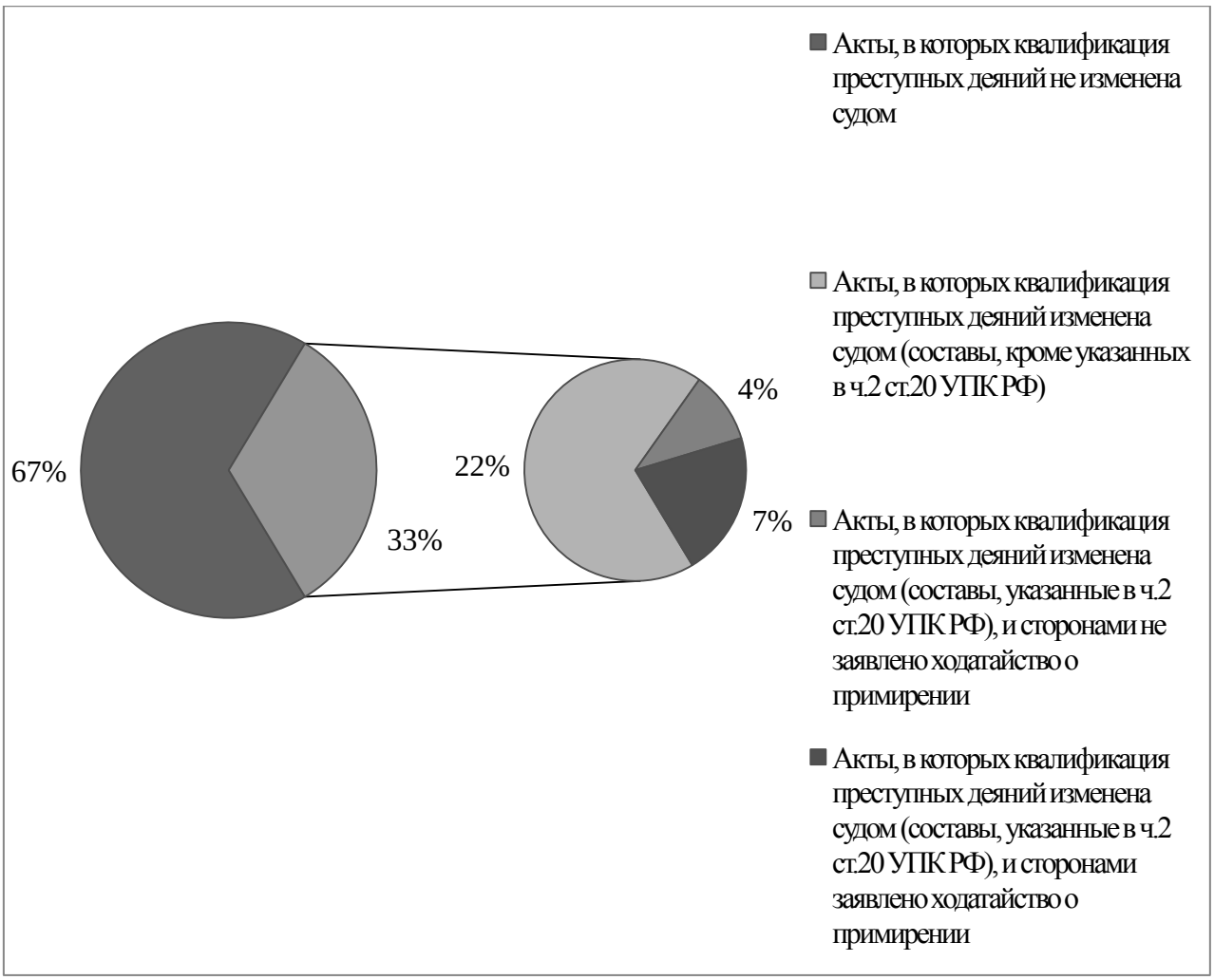

Диаграмма 2. Изменение квалификации преступных деяний во второй условной группе судебных актов.

Переквалификация деяния судом для этих целей не имела столь весомого значения[1]. Однако вредные последствия каждой второй «угрозы» (52 %) подсудимым удалось сгладить, а совершенные ими действия не показались потерпевшим настолько опасными, чтобы исключить возможность освобождения от уголовной ответственности.

Тесно связанный с уровнем общественной опасности вопрос об объекте посягательств вновь не располагает к предложению простого и ясного ответа. И речь вновь следует начать с объекта угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Как было отмечено, соответствующая позиция сознательно не была включена в анкету для анализа. Однако, замечания,

[1] В случаях, когда действия виновного лица были квалифицированы по совокупности преступлений, одно из которых относится к категории тяжких или особо тяжких, указанная возможность распространялась на угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

которые будут приведены ниже, имеют то же следствие, что и теоретическое исследование данного вопроса: ощущение неизгладимой противоречивости между формальным подходом к толкованию объекта и природой деяний, на которые распространяется уголовно-правовой запрет.

Во-первых, обращает на себя внимание отсутствие в обвинительных приговорах суждений, при которых бы обосновывалось создание реальной опасности причинения вреда жизни потерпевшего вследствие выраженных подсудимым угроз убийством. Редкие (в выборке) случаи выражения угроз причинения тяжкого вреда здоровью также отличает данная особенность. Квалифицируя те или иные действия по ч. 1 или ч. 2 ст. 119 УК РФ, суд, как правило, анализирует признаки, дающие потерпевшему основания опасаться угрозы как таковой. Иными словами, судья неизбежно сталкивается с вопросом: «Насколько обоснованно потерпевший испугался действий подсудимого?». Можно спросить иначе: «Насколько вероятно, что действия подсудимого могли бы причинить вред жизни или здоровью потерпевшего?». Но между этими вопросами об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью существует значительная дистанция: от наличной опасности, характеризующей деяние в текущий момент времени, до возможной опасности причинения вреда в будущем вследствие его совершения. Просмотреть ее можно на примере приговора по уголовному делу, вынесенного Мичуринским городским судом Тамбовской области[1].

Согласно фабуле, по одному из эпизодов уголовного дела А. обвинялся в том, что 28.10.11 г. он, находясь в квартире потерпевшего, и в ходе ссоры с ним «взял со стола кухонный нож, проявляя при этом агрессивность и злобу, стал высказывать в адрес Ш. словесные угрозы о лишении его жизни, которые Ш. воспринял как реальную угрозу. После чего А. с целью подтверждения серьезности своих намерений взял стеклянную пепельницу и нанес один удар по голове Ш., в результате чего у последнего появились

[1]Приговор по уголовному делу № 1/123-2012 // Сайт Мичуринского городского суда Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://michurinskygs.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=7679761&delo_id=1540006 (дата обращения 07.02.2013 г.).

объективные основания опасаться приведения данной угрозы в исполнение»[1]. Далее потерпевшему удалось покинуть место конфликта, и он по собственному обращению был госпитализирован в больницу. А. был задержан, и ему было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119 УК РФ, ч. 1 ст. 115 УК РФ. Ш. не смог принять участие в рассмотрении уголовного дела в суде по причинам, которые в ходе заседания озвучил его сын: «отец 30 октября 2011 года был помещен на излечение в Мичуринскую городскую больницу в неврологическое отделение, так как после данного происшествия у него произошел нервный стресс. В дальнейшем при лечении в больнице у отца наступило ухудшение, и 18 ноября 2011 года он скончался»[2].

Позже, давая оценку действиям подсудимого, суд подтвердит необходимость квалификации их по ч. 1 ст. 115 УК РФ, ч. 1 ст. 119 УК РФ, и в отношении последнего из составов укажет следующее: «У потерпевшего имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, учитывая его престарелый возраст, он находился в квартире наедине с подсудимым, у которого в момент высказывания угрозы в руках находился нож».

Из изложенного ясно, что подтверждением признака объективной стороны угрозы убийством (ее реальной опасности) послужили последние из указанных обстоятельств. Информация, доведенная до суда сыном Ш., при этом не принималась во внимание. Суд прояснил, почему угроза, выраженная в конкретных условиях и с участием конкретных лиц, показалась опасной одному из них. Но вопрос о том, создала ли угроза, выраженная за 18 дней до смерти потерпевшего, реальную опасность наступления такой смерти, остался без ответа. Как видим, один из теоретических взглядов на квалифицирующий признак преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, не воспринят судебной практикой.

---

[1] Там же.
[2] Там же.

Во-вторых, не согласуется с формальным определением объекта угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью обращение судебных органов к институту компенсации морального вреда. В исследованных нами актах можно нередко найти указание на то, что выражение угрозы подсудимым причинило моральный вред потерпевшему. Даже в тех случаях, когда угроза «не подкреплялась» физическим воздействием в отношении последнего. Примерами тому могут служить 2 приговора, вынесенные мировым судьей судебного участка № 1 Верхнемамонского района Воронежской области по уголовным делам, возбужденным по ч. 1 ст. 119 УК РФ:

а) в первом из них действия подсудимого заключались в том, что он запустил двигатель принесенной с собой бензопилы и, подойдя с ней к потерпевшему, начал размахивать работающей бензопилой на расстоянии нескольких сантиметров от тела последнего, при этом высказывал слова: « Я убью тебя!» Как отмечено судом, потерпевший, не имея возможности скрыться и видя в руках у подсудимого работающую бензопилу, угрозу убийством воспринимал реально[1];

б) во втором случае подсудимый ФИО 3 «достал из-за пазухи куртки принесенный с собою из автомобиля нож, и закричал в адрес потерпевшей ФИО 4: «Сейчас вас всех порежу! Клянусь матерью и отцом». После этих слов он начал размахивать ножом у ФИО 4 над головой, в области туловища и шеи. В этот момент ФИО 4, видя в руках ФИО 3 нож и зная его агрессивный и вспыльчивый характер, очень испугалась за свою жизнь, и жизнь своего ребенка, при этом реально воспринимала угрозу убийством»[2].

Приведенные выдержки из приговоров не являются исключительными. Как будет показано далее, модели совершения деяний, попавших в первую условную группу, различны: имеет место и демонстрация орудий (либо

---

[1] Приговор по уголовному делу № 1-11/2013 // Сайт мирового судьи судебного участка № 1 Верхнемамонского района Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: http://vmamon1.vrn.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=8458559&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

[2] Приговор по уголовному делу № 1-5/2013 // Сайт мирового судьи судебного участка № 1 Верхнемамонского района Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: http://vmamon1.vrn.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=8458553&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

различного оружия) потерпевшему, и причинение ему телесных повреждений, иные действия. Однако на примере данных двух актов видно следующее противоречие между формальным объектом преступления и основаниями компенсации морального вреда. С одной стороны: угроза (в представленном выше виде) не влечет причинение вреда ни одному из объектов (ни жизни, ни здоровью человека). С другой стороны: основаниями для компенсации морального вреда являются причинение лицу действиями нарушителя физических или нравственных страданий и вина причинителя вреда (ст.ст. 151, 1099-1101 Гражданского Кодекса РФ). Из сопоставления этих двух позиций следует вопрос: «Каким образом возможно причинение потерпевшему физических или нравственных страданий без причинения вреда его жизни либо здоровью?». Если человек испытывает страдания, значит, имеются проблемы с его доступом к одной из охраняемых правом ценностей. Значит, проблемы свидетельствуют о причинении вреда этой ценности, о повреждении объекта. Логика рассуждений, в которую вписываются эти и другие «значит», не позволяет провести четкую линию связи между формальным объектом угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и основаниями компенсации морального вреда по действующему законодательству РФ.

В судебных актах из условной группы «покушения на убийство» имели место иные трудности в отношении объекта преступления. Но связаны они были отнюдь не с его формальным определением.

Практически во всех судебных актах данной группы было указано, что органы, осуществляющие предварительное расследование, давали правовую оценку деяниям виновных лиц, состоящим в причинении вреда различной степени тяжести здоровью потерпевших[1]. Уже в связи с этим, все данные действия потенциально могли быть оценены как преступления против здоровья человека. Однако с этой потенциальной возможностью были тесно

[1] Лишь в одном случае из 58 покушение заключалось в демонстрации и применении подсудимым огнестрельного оружия в отношении автомобиля, без причинения находившемуся в нем потерпевшему телесных повреждений (подробнее см. Диаграмму 4.2).

связаны вопросы о том, создали ли действия одного лица реальную опасность причинения вреда жизни другого, и на что в действительности такие действия были направлены? Положительный ответ на первый из вопросов позволил судам в 67,2 % случаев сохранить в силе предложенную в обвинительных заключениях квалификацию содеянного как покушения на убийство[1]. Отрицательный ответ на первый вопрос и дифференТность ответов на второй из них – вкупе эти обстоятельства обусловили варианты переквалификации действий, лежащие в русле все тех же посягательств на здоровье потерпевшего.

Другой важной задачей при исследовании актов было понять, как выглядят деяния людей, попадающие в поле зрения судебных органов и оцениваемые соответственно как угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и как покушение на убийство. Для ее достижения мы решили составить описание моделей совершения преступных деяний для каждой из условных групп. Описание для первой группы было составлено из следующих информационных блоков:

1) сведения о том, какое содержание носила угроза, где была выражена, и с участием каких лиц;

2) сведения о содержании признаков угрозы (конкретность, действительность и реальная опасность угрозы);

3) сведения о причинении реального вреда жизни либо здоровью потерпевшего при выражении угроз.

Раскрытие первого из блоков целесообразно начать с содержания угрозы. Напомним, что равная общественная опасность законодателем в составе норм статьи 119 УК РФ признается за угрозами причинения вреда двум правовым ценностям. На практике же оказалось, что стороны конфликта демонстрируют явное «предпочтение» лишь одной из них. В подавляющем большинстве случаев предметом рассмотрения стала выраженная потерпевшему угроза его убийства (99,2 %). Доля

[1] См. подробнее сведения о переквалификации преступных деяний в Приложениях № 7, № 8.

рассмотренных угроз причинить тяжкий вред здоровью составила 0,2 %[1]. Если принять за основу толкование угрозы как формы психического насилия, можно предложить следующее объяснение этому факту: сообщенное намерение лишить жизни воздействует на потерпевшего с гораздо большей устрашающей силой, нежели намерение причинить тяжкий вред здоровью, и в этой связи способствует скорейшему и более эффективному достижению преступных целей угрожающего. Как следствие, воспринявшие всерьез угрозу ее адресаты передают гораздо чаще информацию о таких намерениях органам, осуществляющим предварительное расследование.

В оставшихся 0,6 % случаев виновные лица обещали потерпевшим лишить их жизни, а также уничтожить или повредить принадлежащее им имущество. Хотя и с утратой силы Уголовного кодекса РСФСР 1960 года угроза уничтожения имущества была декриминализована как самостоятельное преступление, данные действия все-таки попали в выборку судебных актов по двум причинам: во-первых, как уже было сказано, виновные лица сообщали об этом потерпевшим совместно с намерением лишить последних жизни, и, во-вторых, после такого сообщения приступали собственно к уничтожению или повреждению имущества (такие действия квалифицированы по ч. 1 ст. 119 УК РФ, ч. 1 ст. 167 УК РФ). Между тем, суды в силу конструкции действующих норм были избавлены от необходимости установления признака реальной опасности угрозы уничтожения или повреждения имущества. Сами же действия в отношении имущества потерпевших получали правовую оценку в рамках ст. 167 УК РФ, но «основаниями опасаться осуществления угрозы убийством» не выступали.

Место выражения угроз было определено посредством 8 критериев (см. строки 66-73 Приложения № 5), 3 из которых характеризовали открытые пространства («на улице/во дворе», «на автодороге/на ж/д путях», «на пруду/в парке/в лесу»), а 5 – закрытые пространства либо помещения («в квартире/в доме», «на работе потерпевшего», «в баре/кафе/магазине», «в

[1] См. подробнее о содержании угроз в судебных актах первой условной группы Приложение № 10.

транспортном средстве», «в зале суда»). Состав лиц, участвовавших в конфликте с выражением угрозы, охарактеризован с позиций наличия либо отсутствия свидетелей, непосредственно воспринимавших его, предшествующих знакомства и конфликтных отношений сторон (см. строки 75-83 Приложения № 5).

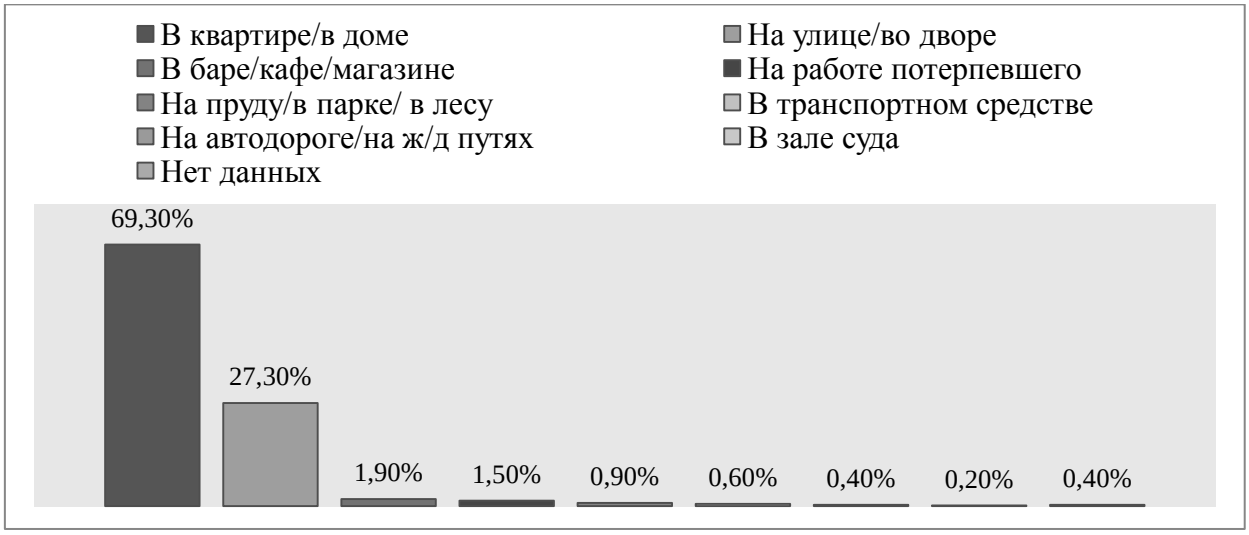

Диаграмма 3.1. Места совершения деяний, описанных в первой условной группе судебных актов.

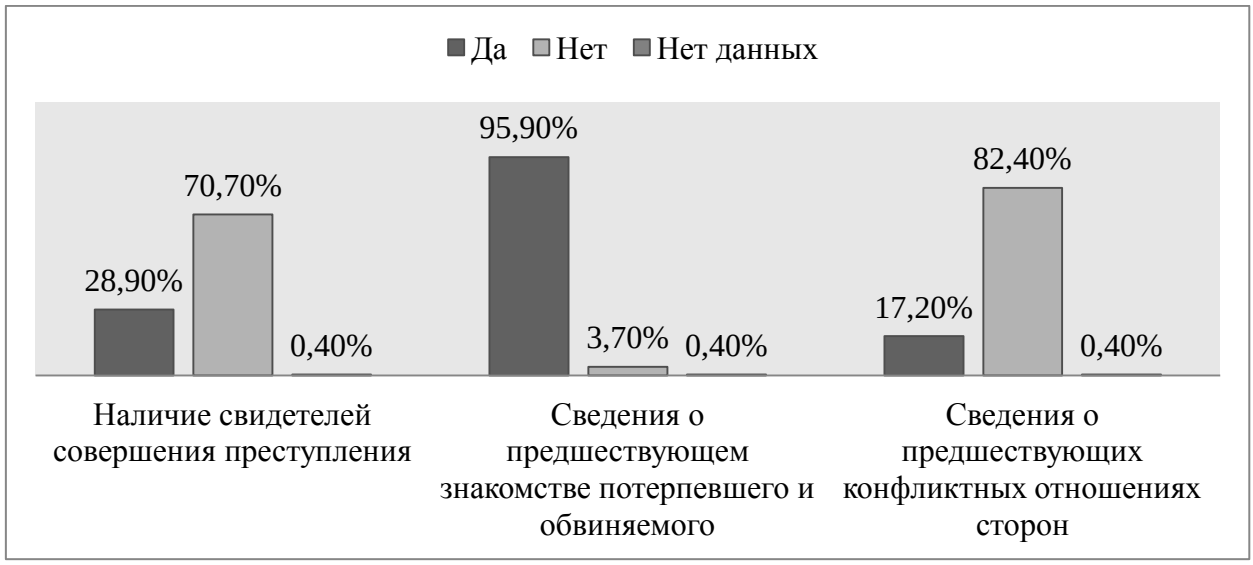

Диаграмма 3.2. Характеристика лиц, участвовавших в совершении деяний, описанных в первой условной группе судебных актов.

Полученные сведения о месте выражения и участниках угроз приведены выше в графическом виде. Как видно из Диаграммы 3.1, для совершения большинства действий, впоследствии получающих правовую оценку по нормам ст. 119 УК РФ, виновные лица выбирают закрытые

пространства с минимальной возможностью пребывания в них посторонних лиц. Как правило, ими являются квартиры, дома, их части (69,3 %), являющиеся местами жительства, пребывания одной из сторон конфликта. Этим же критериям отвечают и транспортные средства под управлением адресанта либо адресата угрозы (0,6 %). Соответственно, что в этих случаях в момент совершения преступления виновные лица находятся в знакомой для себя обстановке и действуют уверенно. Следующие далее «по популярности» закрытые пространства характеризуются высокой вероятностью наличия в них посторонних лиц во время совершения преступления (бары, кафе, магазины – 1,9 %; рабочее место потерпевшего – 1,5 %; зал суда – 0,2 %). Угрозы здесь, как правило, совершаются в результате ситуационной ссоры между ранее не знакомыми лицами, а также в результате длительного конфликта (одна из угроз, следующая за ранее выраженными между одними и теми же лицами).

Из открытых пространств наиболее часто встречаются улицы либо дворы (27,3 %), прилегающие к уже упомянутым местам жительства либо пребывания. Часто данные условия выполняют роль отправной точки развития конфликта либо роль точки его завершения: здесь высказывание угроз либо начинается (и в дальнейшем происходит в квартире либо в доме), либо завершается (когда потерпевшему удается скрыться от угрожающего). Реже конфликт происходит только в данных пространственных условиях: в этих случаях виновное лицо избирает их для ожидания своего визави, зная заранее о его появлении. В этой связи, данные условия также можно воспринимать как удобные для реализации преступного умысла[1]. Небольшая доля совершенных угроз приходится на пруды, парки, лесополосы (0,9 %) и автодороги, ж/д пути (0,4 %). Здесь так же велика вероятность перерастания в раздел криминальных случайных конфликтов (споры между участниками дорожного движения, между отдыхающими и т.п.).

[1] Об исследовании связей между определенными условиями пространства и устойчивыми моделями поведения преступников см. подробно: Дук Ю.И. Криминологическое значение места совершения корыстно-насильственных преступлений: дисс. … канд. юрид. наук. Елец, 2009.

Наконец, участники событий, в которых выражены уголовно наказуемые угрозы, в подавляющем большинстве судебных актов описаны следующим образом: ранее знакомы (95,9 %), предшествующих конфликтов, приведших к угрозе, между собой не имели (82,4 %), объективирование угрозы происходило без присутствия иных лиц (70,7 %). Такие признаки характерны для бытовых конфликтов, возникающих на почве личных неприязненных отношений. И, как показано выше, они часто становятся предметом рассмотрения в судебных органах.

Между тем, угрожающих не останавливает и отсутствие знакомства с потерпевшим (3,7 %), и наличие иных, знакомых или незнакомых им, лиц (28,9 %) при выражении угрозы. Уверенность в собственных силах, широкий выбор способов воздействия на потерпевшего, возможность использования оружия либо орудий для усиления устрашающего потенциала – эти и иные факторы способствуют тому, что угроза имеет место не только в семейных конфликтах или конфликтах между близкими лицами. К тому же выбор адресата угрозы далеко не всегда ограничивается одним лицом: в 5,7 % судебных актов первой условной группы потерпевшими от угроз были признаны 2 и более человек.

Раскрытие второго информационного блока о моделях совершения «угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью», следовало бы сопроводить небольшим замечанием: в судебной практике содержание признаков объективной стороны данного преступления почти всегда имеет иные границы, нежели чем в теории уголовного права.

Так, тезис о том, что уголовным законом запрещено выражение намерения причинить вред, соответствующий критериям смерти или тяжкого вреда здоровью, а завуалированная или неопределенная (двусмысленная) угроза не наказуема, «обрастает» рядом замечаний. Судебные органы сочли соответствующими признаку конкретности также:

а) угрозы причинения потерпевшему в будущем неопределенного вреда: «ФИО 3 … угрожал убийством своей дочери ФИО 5, а именно: взял в

руку нож и направлял в её сторону нож со словами «Отдай спиртное, или будет хуже»[1];

б) действия, угрожающие лишению жизни потерпевшего или причинению его здоровью тяжкого вреда, без какого-либо словесного сопровождения со стороны виновного: «подсудимый схватил потерпевшую руками за горло и стал душить. Потерпевшая видя, что подсудимый физически ее крепче, ведет себя агрессивно, действия подсудимого восприняла как угрозу убийством»[2].

Эти два случая категоричны по отношению к конкретности угрозы: адресант либо выражает неопределенное намерение, либо совершает действия вовсе без вербального обозначения цели. Однако в выборку попала и еще более сложная по структуре и содержанию модель совершения преступного деяния, отвечающая, по мнению правоприменителя, рассматриваемому признаку.

Сложность совершенного деяния опосредовали следующие объективные обстоятельства: у виновного лица отсутствовала возможность говорить вследствие онкологического заболевания горла, оно использовало имевшиеся в распоряжении интонационные и жестовые средства для выражения отношения к другой стороне конфликта, одновременно им были совершены действия по причинению легкого вреда здоровья своему визави. Само деяние в судебном акте было описано следующим образом: «ФИО 1, взяв в руки топор, приблизился с ним к последнему, где, реализуя свой преступный умысел, в результате ранее сложившихся неприязненных отношений, замахнулся имеющимся в руке топором в область головы ФИО 4, при этом демонстрируя жестами намерения угрозы убийством и причинением тяжкого вреда здоровью в отношении потерпевшего. Продолжая свои действия, неожиданно для потерпевшего, нанес один удар

[1] Постановление о прекращении уголовного дела № 1-53/2011 // Сайт мирового судьи Воловского судебного участка Липецкой области [Электронный ресурс]. URL: http://volovo.lpk.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=2203061&delo_id=1540006 (дата обращения 29.01.2013 г.).

[2] Приговор по уголовному делу // Сайт мирового судьи судебного участка № 1 Сосновского района Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://1sosnov.tmb.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=3209136 &delo_id=1540006 (дата обращения 07.02.2013 г.).

ему топором по голове, при этом выражая свои действия речевым в виде агрессивных звуков и фраз, издаваемых им вследствие имеющегося у него онкологического заболевания горла. Воспринимая угрозу для своей жизни и здоровья реально, ФИО 4 после полученного им удара топором по голове, смог убежать с места происшествия»[1].

В данном случае суд оказался в крайне необычной ситуации: с одной стороны, подсудимый до причинения вреда неким образом адресовал угрожающий потенциал потерпевшему (демонстрировал орудие в непосредственной близости, вел себя агрессивно); с другой стороны, конкретные сведения о направленности этого потенциала со стороны виновного лица объективно отсутствовали. Даже последствия деяния (причинение легкого вреда здоровью потерпевшего) не позволяют однозначно сказать, что совершившее его лицо хотело причинить смерть или вред здоровью. Предоставить объективно полную информацию о содержании угрозы не смогли и опрошенные в судебном заседании свидетели, поскольку все они находились достаточно далеко от места конфликта. Потерпевший оказался единственным, кто смог передать восприятие действий подсудимого судебному органу, и поскольку он расценил их «для себя как реальную угрозу убийством либо причинением тяжкого вреда здоровью»[2], содеянное было квалифицировано в том числе и по ч. 1 ст. 119 УК РФ[3].

Имели ли место в действительности деяния, квалифицированные органами, осуществляющими предварительное расследование, по ч. 1 либо ч. 2 ст. 119 УК РФ? На этот вопрос судом во всех случаях был дан положительный ответ. При этом в судебном заседании предъявленное обвинение поддержали 100 % потерпевших, согласились с ним – 94,1 %

---

[1] Приговор по уголовному делу // Сайт мирового судьи судебного участка № 2 Кирсановского района Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://2kirs.tmb.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=1440721&delo_id=1540006 (дата обращения 07.02.2013 г.).

[2] Там же.

[3] Подсудимый мировым судьей признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 115 УК РФ.

подсудимых[1]. Еще 5,7 % подсудимых излагали свои версии происшедшего, и виновными себя не считали, а 0,2 % лиц указывали на иной умысел в собственных действиях. В этих 5,9 % случаев процесс установления события преступления опирался на иные доказательства. И в этой связи все угрозы, которые описаны в исследованных судебных актах, отвечали признаку действительности, не были мнимыми.

Достаточным количеством замечаний следует сопроводить раскрытие признака реальности (реальной опасности) угрозы в исследованных судебных актах. Что не удивительно, принимая во внимание краткость и лаконичность его формулировки в ч. 1 ст. 119 УК РФ.

Как известно, для установления данного признака угрозы теорией уголовного права предложено правоприменителю руководствоваться одним из трех подходов: первые два основаны на исключительном учете либо объективных, либо субъективных обстоятельств совершения преступления, последний – на совокупном и совместном их учете. Ранее в настоящей работе нами были отмечены слабые стороны объективного и субъективного подходов, а также преимущества подхода, их объединяющего. Поэтому в рамках полученной выборки судебных актов появилась возможность обозначить тот выбор, который действительно сделан судебными органами.

По результатам анализа актов первой условной группы был получен перечень из 16 обстоятельств, принимаемых в качестве оснований опасаться осуществления угрозы, определено максимальное и минимальное их количество для установления реальной опасности одной отдельно взятой угрозы. Дополнительно рассмотрена частота встречаемости тех обстоятельств совершения преступления, которые определяются в прикладных исследованиях как свидетельствующие о повышенной степени общественной опасности угрозы, но не отраженные в тексте уголовного закона. Статистическая информация по данным вопросам наглядно

[1] См. сведения о субъективной стороне преступных деяний, оцененных в первой условной группе судебных актов, в Приложении № 17.

представлена в Приложении № 11, однако подробнее хотелось бы остановиться на следующих моментах.

Во-первых, все обстоятельства, свидетельствующие, по мнению судебных органов, о реальной опасности угрозы, имеют объективный характер и соотносятся так или иначе с самим угрожающим актом, обстановкой между сторонами конфликта до, во время и после выражения угрозы, личностью виновного лица. Субъективная составляющая подхода воспринята лишь в части, ограниченной установлением наличия у потерпевшего оснований опасаться осуществления адресованной ему угрозы. Говоря об отражении в судебных актах оценки потенциала угрозы свидетелями преступления и подсудимыми, следует заметить, что в отношении первых это ограничено буквально несколькими единичными актами из всей выборки (хотя присутствие свидетелей при совершении деяния отмечено в 28,9 % случаев). В отношении вторых же неизменным является указание лишь на намерение адресанта выразить угрозу, и не включает в себя оценку им достижения поставленной цели[1].

Во-вторых, даже наиболее часто встречающиеся объективные обстоятельства носят дифференцированный характер: частично относятся к самому угрожающему действию (намерение убить/причинить тяжкий вред здоровью в 99,7 %; демонстрация холодного оружия/ножа в 63,7 %), частично – к обстановке во время конфликта (непосредственная близость сторон в 46,2 %), а также – к личности подсудимого (агрессивное поведение в 44,2 % и состояние опьянения в 29,3 %).

В-третьих, в отношении ряда обстоятельств совершения преступления, не отраженных в тексте уголовного закона, сходные позиции занимают правоприменитель и исследователи, интересующиеся данным составом. С той разницей, что первый оценивает их как подтверждение реальной опасности угрозы, а вторые – как свидетельство повышенной степени

[1] См. сведения о субъективной стороне преступных деяний, оцененных в первой условной группе судебных актов, в Приложении № 17.

общественной опасности такого преступления, по сравнению с закрепленным в ч. 1 ст. 119 УК РФ[1].

При анализе судебных актов первой условной группы такие обстоятельства нами были учтены дважды: свидетельствующие о реальной опасности угрозы – в количестве, принятом судом; свидетельствующие о повышенной общественной опасности – в количестве, реально отраженном в судебных актах. Из сопоставления оценок нетрудно заметить следующую закономерность: подтверждением признака реальности угрозы данные обстоятельства становятся реже, чем они наличествуют в действительности. Наибольшую разницу в оценках демонстрирует причинение потерпевшему телесных повреждений при выражении угрозы (20 % против 30,6 %), меньшую – демонстрация им пневматического либо огнестрельного оружия при выражении угрозы (5,2 % против 5,7 %)[2]. Угрозы, выраженные одновременно в отношении двух и более лиц (5,7 %), а равно угрозы в адрес родных и близких потерпевшего (0,7 %) не отличает, по мнению правоприменителя, признак реальной опасности вовсе.

Наконец, весьма интересны способы установления признака реальной опасности каждой отдельной угрозы. «Стержнем» признака выступает озвученное подсудимым намерение лишить жизни потерпевшего либо причинить тяжкий вред его здоровью (установлено в 99,7 % случаев). Именно данное обстоятельство являлось основанием опасаться осуществления угрозы в довольно редких случаях, когда судебный орган принимал во внимание лишь одно из них (0,8 %). Далее, комплекс обстоятельств увеличивается, вплоть до 7 из числа перечисленных в Приложении № 11, в самых различных сочетаниях, в связи с чем совокупная частота оценки обстоятельств составила 346,2 %. Нетрудно предположить,

---

[1] См., напр.: Левин П.Н. Указ. соч. С.20-23, 25; Овчинников М.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический анализ: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. С.26; Данелян Л.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (по материалам Тюменской области): автореф. дисс. … канд. юрид. наук. С.8-9; Абсатаров Х.Х. Указ.соч. С.8; Хабарова М.В. Указ. соч. С.9; Коростылев О.И. Указ. соч. С.8.

[2] См. Приложение № 11 об обстоятельствах, свидетельствующих о повышенной общественной опасности либо реальной опасности угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью человека.

что позиция правоприменителя о реальной опасности угрозы выглядит более обоснованной в случае опоры на комплекс обстоятельств, сопровождавших преступный акт, поскольку ни одно из них в отдельности не имеет предустановленного значения.

Признание того, что потерпевшим следует опасаться даже «голого» выражения угрозы в их адрес, довольно большой количественный и содержательный разброс совместной оценки обстоятельств, в которых совершена угроза, выборочная оценка даже тех обстоятельств, которые выработаны судебной практикой – все это лишний раз свидетельствует о том, что рассматриваемый квалифицирующий признак преступления не имеет однозначного толкования. Споры, окружающие его в теории уголовного права, как под копирку отражаются и в сфере правоприменения.

Не меньшего внимания заслуживает и третий информационный блок о моделях совершения преступных деяний. Так, наряду с иными обстоятельствами, сопровождавшими выражение угрозы, причинение телесных повреждений потерпевшему было установлено судом в 30,6 % случаев, но оценено в качестве основания опасаться ее осуществления лишь в 20 % случаев. Как ни странно, все действия по причинению повреждений совершались подсудимыми во время выражения угроз. И стоило бы признать, что двойственность оценки в данных случаях также является следствием неопределенности признака реальной опасности угрозы. Но в результате анализа число оценок увеличилось: удалось обнаружить пять принципиально разных подходов к квалификации[1], о которых подробнее будет сказано далее в настоящей работе.

На настоящем этапе хотелось бы отметить, что помимо выражения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью с одновременным причинением потерпевшему телесных повреждений в первой условной группе актов были выявлены и иные модели совершения

[1] Варианты правовой оценки были установлены для действий по причинению телесных повреждений потерпевшему, совершенных подсудимыми в одной обстановке и во время выражения угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, а также описанных в судебных актах первой условной группы.

преступных деяний. Полная их совокупность выглядит следующим образом (см. Диаграмму 4.1):

1) выражение в адрес потерпевшего угрозы убийством или причинением тяжкого вреда его здоровью (0,8 % случаев);

2) выражение в адрес потерпевшего аналогичной угрозы, сопровождаемое демонстрацией различных видов оружия либо орудий, используемых в качестве такового (50,2 % случаев);

3) выражение в адрес потерпевшего угрозы, сопровождаемое непосредственным контактом сторон конфликта, с демонстрацией оружия/орудий либо без такового (приставление ножа к телу потерпевшего, удержание его помимо воли и т.п.) – 18,4 % случаев;

4) выражение в адрес потерпевшего угрозы, сопровождаемое причинением ему телесных повреждений (30,6 % случаев).

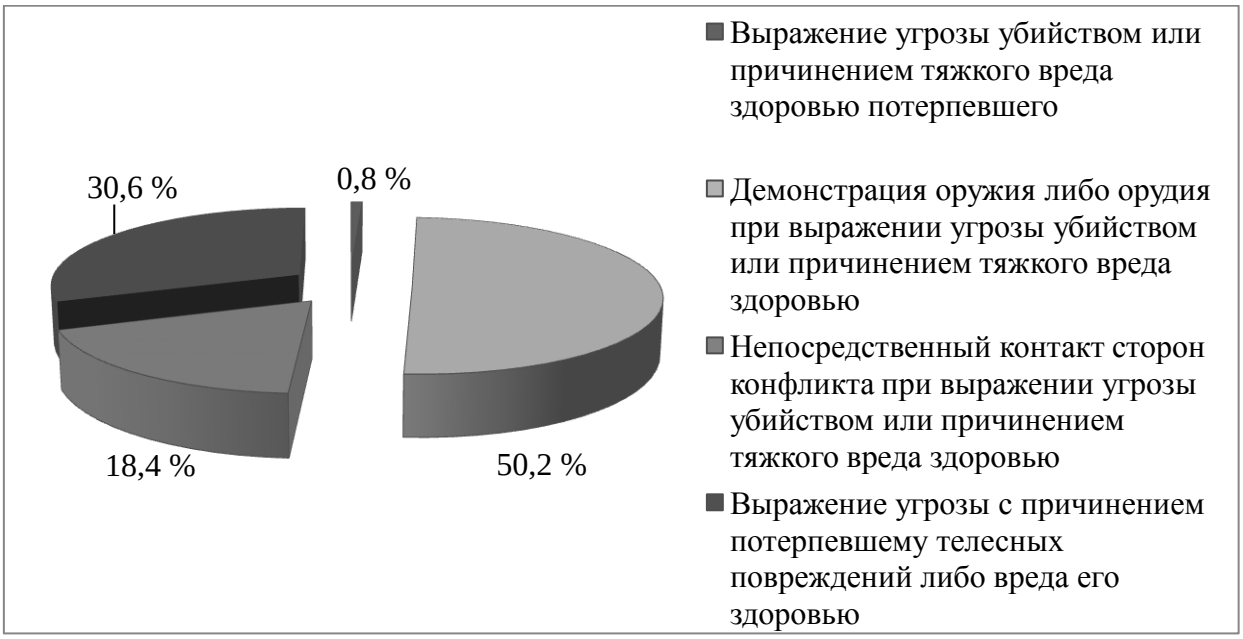

Диаграмма 4.1. Модели совершения преступных деяний, рассмотренных в первой условной группе судебных актов.

Единая правовая оценка всех моделей предопределила и назначение наказаний в рамках единой санкции, предусмотренной ч. 1 ст. 119 УК РФ[1]. Полагаем, однако, что о едином уровне их общественной опасности можно

[1] Исключение составил лишь один судебный акт, в котором действия лица были переквалифицированы судом I инстанции с ч. 2 ст. 119 УК РФ, п. а,в,г ч. 2 ст. 161УК РФ на п. а,в,г ч. 2 ст. 161 УК РФ.

говорить лишь в вопросительной интонации. Ввиду отсутствия достаточного количества легальных квалифицирующих признаков стоит в очередной раз констатировать разнородность и разнообразие моделей человеческой деятельности, которые могут подпадать под действие одного запрета.

Если характеристику преступных деяний, рассмотренных во второй условной группе судебных актов, начать с разделения на сопоставимые модели их совершения, то можно наблюдать явное отличие:

1) в большинстве случаев они состояли в причинении телесных повреждений различной степени тяжести, с выражением в адрес потерпевших угроз убийством (34,5 %) либо без таковых (63,8 %);

2) лишь в одном судебном акте (1,7 %) действия подсудимого заключались в демонстрации огнестрельного оружия и последовавшем повреждении имущества потерпевшего (автомобиля).

Как видно, в группе полностью отсутствуют модели совершения преступлений, состоящие в выражении в адрес потерпевшего намерения его убить, в непосредственном контакте сторон конфликта, не приведшем к причинению телесных повреждений. Тем не менее, однородность здесь имеет менее выраженный, но все же относительный характер.

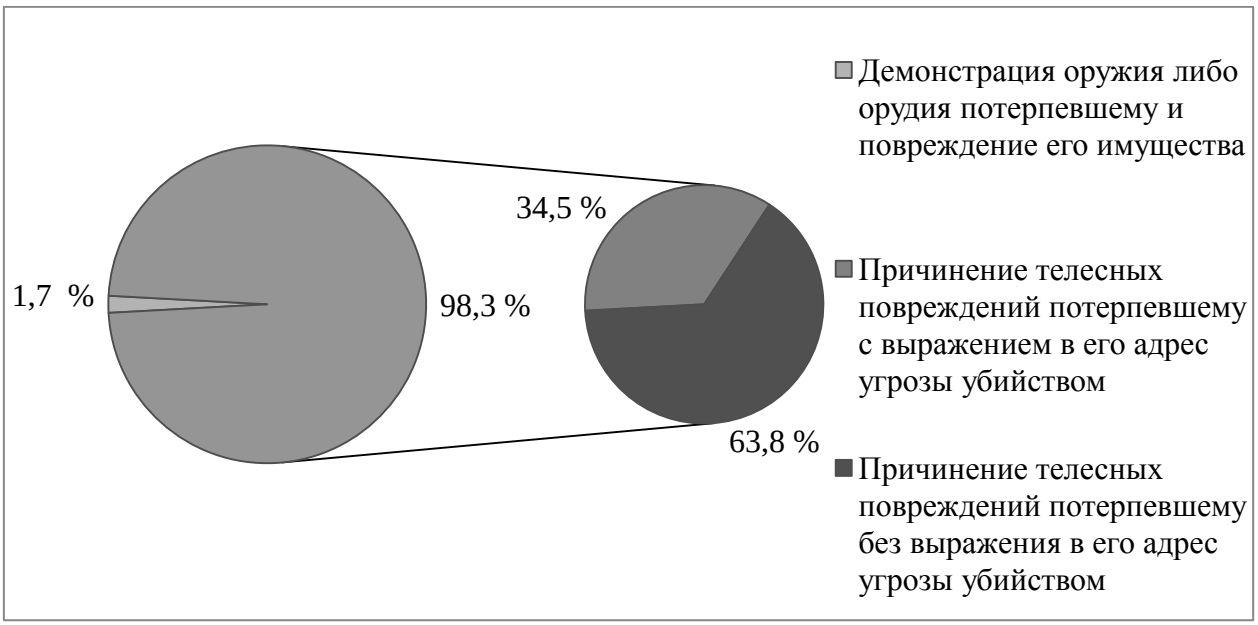

Диаграмма 4.2. Модели совершения преступных деяний, рассмотренных во второй условной группе судебных актов.

Если в первой условной группе судебных актов возникает вопрос в оценке телесных повреждений, причиненных потерпевшему вместе с выражением в его адрес угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, то для второй группы он звучит почти противоположным образом: как оценивать угрозы убийством, высказанные потерпевшему в одной обстановке с причинением ему телесных повреждений?

Как ни странно, такие модели совершения преступных деяний среди «покушений на убийство» представлены так же примерно в одной трети случаев (34,5 %). Однако временное соотношение действий имеет иные границы. Предметом рассмотрения наряду с телесными повреждениями стали угрозы убийством, высказанные до, во время и после их причинения, а также высказанные неоднократно.

Варианты правовой оценки высказанных угроз, предложенные судебными органами, будут представлены далее в настоящей работе. На настоящем этапе хотелось бы обратить внимание на установление правоприменителем признаков, характеризующих вменяемое противоправное посягательство: направленности на совершение оконченного убийства, его незавершенности в силу обстоятельств, не зависящих от воли виновного лица, создания реальной опасности причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны (жизни человека). Решению данной задачи в отношении каждого из них был подчинен анализ нескольких групп обстоятельств совершения преступления.

Так, с целью установления того, были ли действия подсудимого направлены на причинение смерти потерпевшему, судебными органами обозначены и исследованы две группы обстоятельств: подтверждающих направленность умысла на совершение убийства (Приложение № 12) и исключающих такой умысел (Приложение № 13).

Процедурная составляющая учета данных обстоятельств выглядит следующим образом: во всех судебных актах непременно рассматривались обстоятельства, относящиеся к первой из групп (совокупная частота их

оценки равна 269 %), и лишь избирательно и в дополнение к ним – обстоятельства второй группы (совокупная частота их оценки равна 79,3 %). При этом в каждом отдельном акте для установления наличия либо отсутствия признака оценивалась сразу несколько однородных обстоятельств: от 2 до 8 из первой группы и от 2 до 5 из второй.

Следует отметить, что наличие первой группы обстоятельств вполне ожидаемо, в силу того, что они являются индикаторами «профильного» умысла. Соответственно, что при их отсутствии он должен быть исключен. Однако такого отрицания недостаточно для квалификации деяния, поскольку в процессе судебного разбирательства должен быть установлен действительный умысел подсудимого. Инструментом для этого является вторая группа обстоятельств. Однако, ввиду того, что они учитываются судебными органами в большем количестве случаев, нежели имеет место переквалификация деяний[1], роль их двояка:

- для деяний, переквалифицированных судебными органами на преступления против здоровья человека, их установление является подтверждением принятия такого решения;

- для деяний, квалификация которых как покушений на убийство сохранена, их отсутствие является дополнительной гарантией правомерности принятого решения.

Примечательно также то, что обе группы включают в себя обстоятельства, рекомендованные Пленумом Верховного Суда в качестве свидетельствующих о действительной направленности умысла виновного лица при совершении им действий, причинивших смерть потерпевшему[2].

Важно обратить внимание и на содержательную составляющую: в состав каждой из групп входят обстоятельства объективного и субъективного характера. Среди первых можно назвать преследование потерпевшего

[1] Преступные деяния во второй условной группе актов переквалифицированы в 32,8 % случаев (Приложение № 7). Совокупная же частота оценки обстоятельств составляет 79,3 %.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве», пункт 3 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

подсудимым при совершении преступления, вызов последним скорой помощи; среди вторых же – мотивы совершения преступления, убежденность потерпевшего в отсутствии намерений у подсудимого причинить ему смерть.

Наблюдается также и частичное содержательное пересечение двух групп, связанное с различными оттенками толкования одних и тех же обстоятельств. Так, и первая, и вторая группы включают в себя причинение подсудимым телесных повреждений с локализацией их в жизненно важных органах потерпевшего. При этом, сочетаемое с иными из изложенных в Приложении № 12 обстоятельств оно может свидетельствовать о наличии у лица умысла на совершение убийства, но в комплексе с указанными в Приложении № 13 непременно свидетельствует об обратном. Различную оценку может получить и факт оказания потерпевшему медицинской помощи: если он охватывался волей виновного лица, то не может рассматриваться как доказательство намерения причинить потерпевшему смерть; в противном случае он свидетельствует о направленности посягательства именно на жизнь человека.

Для подтверждения наличия либо отсутствия второго из признаков покушения на убийство в рамках второй условной группы актов принимались во внимание обстоятельства, перечисленные в Приложении № 14. При учете того, что квалификация деяния, предложенная органами предварительного следствия, была сохранена в 67 % актов, совокупная частота оценки обстоятельств составила 150 %. В каждом отдельном случае в учет правоприменителем принималось от 1 (в 6,9 % случаев)[1] до 3 обстоятельств в различных сочетаниях, носящих объективный и субъективный характер.

Об оценке последнего из признаков покушения на убийство (создания реальной опасности причинения вреда жизни человека), следует заметить,

[1] В трех судебных актах в качестве такового было принято оказание своевременной медицинской помощи потерпевшему, и в одном – активное сопротивление потерпевшего подсудимому.

что даже столь немногочисленная выборка актов продемонстрировала оба варианта оснований для его установления:

1) причинение потерпевшему телесных повреждений, оцениваемых по критериям тяжести вреда для здоровья;

2) объективные условия совершения и характер преступного деяния, не приведшего к причинению вреда потерпевшему.

В 65,5 % из 67,2 % судебных актов, в которых квалификация преступных деяний как покушений на убийство была сохранена судебными органами I инстанции[1], подсудимым потерпевшему были причинены телесные повреждения, относящиеся к 4 категориям: тяжкому вреду здоровью, вреду здоровью средней степени тяжести, легкому вреду здоровью и телесным повреждениям, не причинившим вреда здоровью[2]. В оставшихся 1,7 % (1 судебный акт) действия подсудимого были описаны следующим образом: «Бабарицкий В.В., находясь у общежития ОАО «П.», расположенного по адресу: ***, увидел остановившийся напротив общежития на обочине дороги автомобиль *** государственный регистрационный знак ***, принадлежащий П.А.В., стекла которого были покрыты темной тонировочной пленкой, исключающей возможность визуального наблюдения лиц, находящихся в салоне автомобиля, за рулем которого находилась знакомая П.А.В. Б.Л.А. Желая причинить смерть другому человеку, … Бабарицкий В.В. произвел не менее двух прицельных выстрелов в водителя автомобиля, однако Б.Л.А., увидев Бабарицкого В.В., начала движение на автомобиле, в результате чего пули попали в заднюю левую дверь, левую стойку заднего левого стекла, и заднюю правую шину»[3].

О направленности его умысла указано следующее: «подсудимым было произведено умышленно не менее двух выстрелов … в автомобиль *** с целью лишения жизни водителя автомобиля. Указанный вывод суд делает

---

[1] См. подробнее сведения о переквалификации преступных деяний в Приложениях № 7 и № 8.

[2] Более подробные характеристики телесных повреждений, причиненных потерпевшим, представлены в Приложении № 16.

[3] Приговор по уголовному делу № 2-14/2012 // Сайт Тамбовского областного суда [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=7451961&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения 07.02.2013 г.).

исходя из количества произведенных выстрелов ... При этом один из результатов выстрела пришелся в район расположения головы водителя по высоте … О том, что автомобилем в момент производства выстрелов управляла Б.Л.А., а не его владелец П.А.В., Бабарицкий В.В. не видел по причине сильной тонировки стекол автомобиля … подсудимый не довел свой умысел до конца по независящим от него обстоятельствам – управляющая автомобилем Б.Л.А. своевременно заметила стреляющего Бабарицкого В.В. и быстро уехала на автомобиле»[1].

Несмотря на то, что подсудимым была допущена ошибка в личности лица, которого он желал убить, жизни либо здоровью фактически признанной потерпевшей Б.Л.А. вред также не был причинен. Для вывода о наличии реальной опасности причинения вреда оказалось достаточно объективных характеристик самого действия, ввиду которых оно могло повлечь наступление смерти при отсутствии активного противодействия со стороны потерпевшей.

Наконец, характеристику моделей совершения преступных деяний, описанных во второй условной группе судебных актов, стоит дополнить еще одним сопоставимым информационным блоком: сведениями о месте их совершения и участвовавших лицах[2].

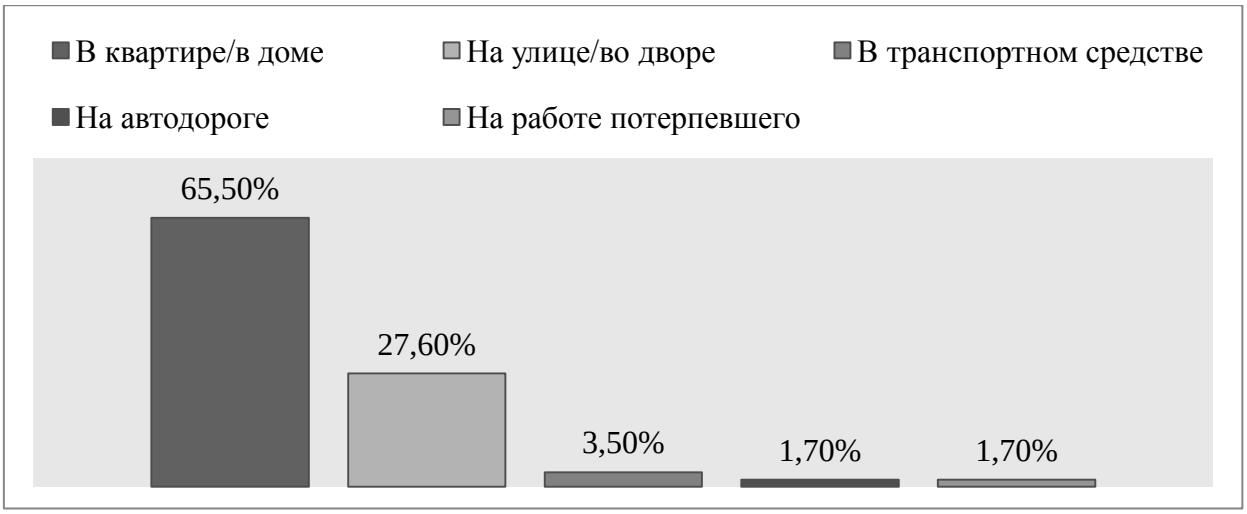

Диаграмма 5.1. Места совершения деяний, описанных в судебных актах второй условной группы.

[1] Там же.
[2] В графическом виде они представлены в диаграммах 5.1 и 5.2.

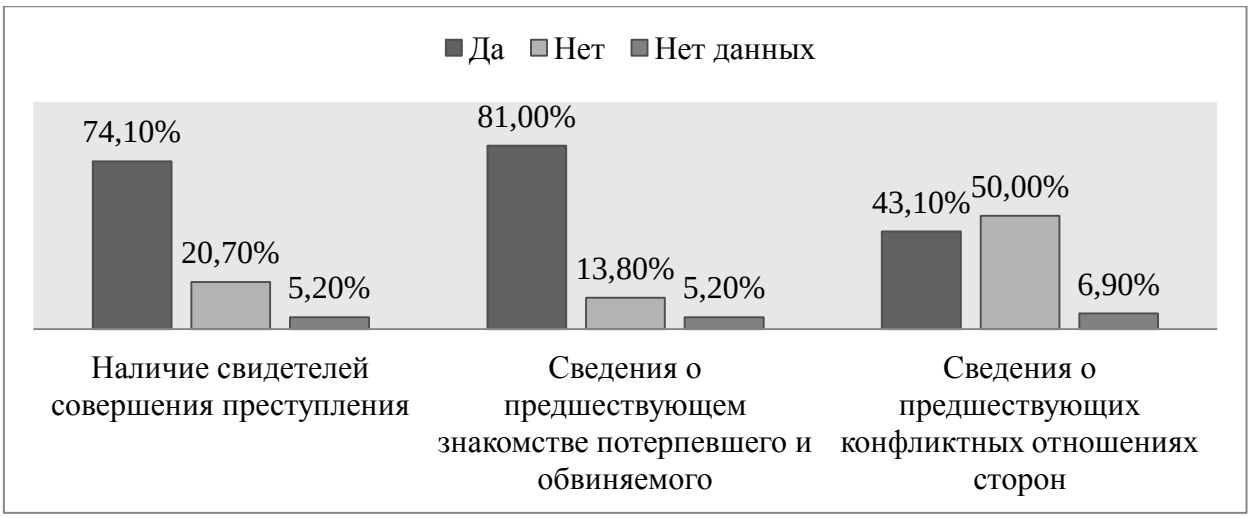

Диаграмма 5.2. Характеристика лиц, участвовавших в совершении деяний, описанных во второй условной группе судебных актов.

Как видно, место совершения деяний в данной группе отличает меньшее количество вариаций: 3 критерия характеризуют закрытые пространства либо помещения («в квартире/в доме», «на работе потерпевшего», «в транспортном средстве»), и 2 – открытые пространства («на улице/во дворе», «на автодороге»).

Подсудимыми отдано предпочтение открытым пространствам менее чем в трети случаев: подавляющее большинство посягательств совершено в привычной обстановке. Как правило, они часто бывали в данных помещениях (наносили визиты потерпевшему либо иным лицам, иногда – проживали в них), а также владели автомобилем, в котором решились совершить преступление. Улицы либо дворы избирались также с заранее известными характеристиками: практически всегда данные территории прилегают к уже упомянутым помещениям. В сравнении с местами совершения угроз убийством или причинения тяжкого вреда здоровью следует обратить внимание на тот факт, что для реализации умысла субъекты проявляли сравнительно меньший интерес к открытым пространствам с возможностью неограниченного доступа к ним посторонних лиц.

Относительно состава участников рассмотренных событий заметим следующее: довольно часто оно развивается на глазах свидетелей, знакомых либо не знакомых с потерпевшим и подсудимым (74,1 %), еще чаще – сами

стороны знакомы друг с другом (81 %). При этом количество случаев, в которых конфликтные отношения ранее имели место быть между данными лицами, и количество противоположных им примерно равно (43,1 % и 50 % соответственно). Таким образом, по сравнению с рассмотренными в первой условной группе судебных актов деяния, ставшие предметом рассмотрения во второй группе, отличают следующие особенности:

- между подсудимыми и потерпевшими в большем количестве случаев имелись предшествующие конфликты;

- способами их исчерпания вне зависимости от присутствия при этом иных лиц подсудимые чаще видели именно причинение физического вреда потерпевшему;

- совершить наказуемые уголовным законом действия против незнакомых им ранее лиц подсудимые выразили готовность чаще.

Данные признаки могут свидетельствовать о том, что в поле зрения правоприменителя в качестве направленных на лишение жизни человека попадает большее количество деяний, не связанных с бытовыми конфликтами (попытки причинить смерть с целью завладения имуществом, сокрытия иного преступления и устранения случайного свидетеля и т.п.), деяний, которым нередко предшествуют длительные и напряженные взаимоотношения сторон (связанные с имущественными спорами, вынашиваемыми замыслами мести и др.). Подтверждение тому можно обнаружить и в сравнительной характеристике субъективных сторон преступных деяний[1].

Яркая особенность отличает в сравнительной характеристике следование направленности умысла, установленной судом, целям совершения деяния, указанным подсудимыми.

В первой условной группе актов отмечено, что совершенные с умыслом на причинение телесных повреждений потерпевшему (0,1 %) и на облегчение совершения в отношении потерпевшего иного преступления (0,1

[1] Сведения о субъективных сторонах подробнее представлены в Приложениях № 17, № 18.

%) посягательства были направлены собственно на причинение телесных повреждений (0,1 %) и совершение грабежа (0,1 %). Оставшиеся умышленные действия по выражению угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (99,8 %) были совершены, по мнению судебных органов, с целями сокрытия иного преступления (0,2 %), оказания на потерпевшего психического воздействия (29,3 %), с неопределенной целью (70,3 %).

Иными словами, угроза выражалась либо для запугивания потерпевшего, либо вообще не ясно зачем. Если примерно в трети случаев правоприменитель установил, что угроза была необходима подсудимому для ограничения волеизъявления потерпевшего и обеспечения своих противоправных интересов, то обозначить аналогичную модель оценки либо предложить иную в оставшихся двух третях случаев судебные органы не смогли. Предположения о препятствиях для установления целей в который раз приведут нас к признаку реальной опасности угрозы и формальному объекту данного преступления.

Во второй условной группе актов отображены несколько иные связи между целями и умыслом подсудимого. Прямая зависимость наблюдается между умыслом на совершение убийства (67,3 %) и целью убить потерпевшего (67,3 %), умыслом на выражение угрозы убийством (1,7 %) и целью оказать психическое воздействие на потерпевшего (1,7 %). Действия, совершенные с умыслом на причинение тяжкого вреда (20,7 %) и легкого вреда здоровью (10,3 %), предприняты, по мнению судебных органов, с целями причинить тяжкий (8,6 %) и легкий (3,4 %) вред здоровью потерпевших, отомстить им (3,4 %), сокрыть совершенное ранее преступление (3,4 %) и прекратить начавшийся конфликт (12,2 %).

Как видим, деяния, рассмотренные во второй условной группе актов, отличает бóльшая дифференциация целей, а также их конкретность. Что, собственно, является и следствием неоднородности группы: попадания в поле зрения судебных органов «покушений на убийство» как отвечающих

такой квалификации, так и не являющихся таковыми. Все действия, для которых первоначальная правовая оценка сохранена, отличает четкое соотношение цели причинить смерть потерпевшему и умысла на совершение убийства. В отношении иных действий, определенных как преступления против здоровья или угрозы убийством, продемонстрирован разброс мнений о субъективной стороне состава.

Иные особенности отличает оценка посягательства его сторонами. В ходе судебного разбирательства адресанты и адресаты угроз демонстрировали исключительное единодушие в отношении содеянного: 100 % потерпевших и 94,1 % подсудимых согласились с предъявленным обвинением и поддержали его. Что не исключило заявления в дальнейшем ходатайств от потерпевших о примирении сторон и прекращении уголовного дела (51,8 % случаев), ходатайств от подсудимых о применении особого порядка судебного разбирательства (47,6 % случаев).

Ввиду данных обстоятельств можно предположить следующее:

- каждая вторая угроза убийством или причинением тяжкого вреда расценивается потерпевшими как противоправное действие, требующее вмешательства компетентных третьих лиц (правоприменителя), но предусмотренное уголовным законом наказание не является необходимым условием исчерпания конфликта, в ходе которого она выражена;

- отнесение криминальной угрозы к преступлениям небольшой тяжести (равно как и некоторых видов физического насилия, часто реализуемых в одной обстановке с ней), ограничительные рамки назначения наказания при применении особого порядка судебного разбирательства являются теми условиями, которые стимулируют подсудимых к признанию вины в совершении около половины угроз. Стоит предположить, что эти же условия опосредуют поверхностное исследование события преступления в ходе судебного разбирательства, и в частности – ранее отмеченный низкий интерес к целям совершения деяния подсудимым.

Отмеченное единодушие сторон в оценке случившегося ожидаемо не наблюдается во второй условной группе судебных актов. Лишь 86,3 % потерпевших и 17,2 % подсудимых согласны с тем, что посягательство было направлено на причинение смерти. Оставшиеся 13,7 % потерпевших и 72,5 % подсудимых указывают на то, что руководящий умысел последних имел иные векторы: причинение телесных повреждений, выражение угрозы убийством, со следующим за ней «подтверждением» в виде физического насилия либо без такового, применение насилия к потерпевшему в состоянии необходимой обороны. 10,3 % подсудимых озвучили версии, в соответствии с которыми вовсе не считали себя виновными в совершении преступления (в первой группе актов таких было 5,7 %). Такой разброс взаимных позиций повлиял не только на неоднородность группы, но и на множество вариантов переквалификации деяний по итогам судебного разбирательства[1].

Принципиально иная категория тяжести вменяемого преступления, соответствующее изменение размеров наказания, предусмотренных за его совершение, привели и к тому, что вместо согласия с предъявленным обвинением подсудимые довольно часто предпринимали в судебном заседании попытки запутать правоприменителя в оценке, меняя данные ранее показания и выдвигая новые версии происшедшего (в 44,8 % случаев). Попытки загладить причиненный потерпевшим вред были предприняты лишь в 3,5 % случаев.

Дополнительным моментом, который требует упоминания в связи с характеристикой субъективной стороны данного преступления, является позиция судебных органов о возможности совершения покушения на убийство с аффектированным умыслом. Из 58 судебных актов во второй условной группе оказался лишь 1, в котором действия лица получили оценку и по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 107 УК РФ.

[1] В 13,8 % актов второй условной группы отмечено, что государственные обвинители были вынуждены отказываться от поддержания обвинителя по нормам УК РФ, предусматривающим наступление уголовной ответственности за совершение покушения на убийство, и ходатайствовать о переквалификации действий.

Описание объективной стороны деяния включает в себя конфликт между участниками дорожного движения, в ходе которого один из них (потерпевший Селезнёв А.И.) причинил телесные повреждения супруге подсудимого (Кулешова А.Н.), по мнению последнего находившейся в состоянии беременности. В результате совместного действия обстоятельств, в которых протекал конфликт, у подсудимого возникло чувство сильного душевного волнения.

Далее «Кулешов А.Н., продолжая находится в состоянии … аффекта, вызванного указанными действиями Фетисова С.Г., Щербакова А.В. и Селезнёва А.И., и предполагая, что они могут продолжить свои противоправные и аморальные действия в отношении близких лиц, … умышленно нанес указанным ножом, в быстрой последовательности друг за другом, сначала Фетисову С.Г., а затем Селезнёву А.И., каждому, по одному удару в жизненно важную область - грудь. Убедившись, что Фетисов С.Г., Щербаков А.В. и Селезнёв А.И. не подают признаков жизни, Кулешов А.Н. выбросил нож поблизости с местом происшествия, а сам скрылся»[1].

Селезнёв А.И. – единственный из потерпевших, оставшийся живым. Действиями подсудимого ему был причинен легкий вред здоровью. Обоснование судом квалификации действий в отношении Селезнева (а также в отношении всех потерпевших) строится на отрицании возможности причинения вреда при превышении пределов необходимой обороны (на наличии этой возможности строилась позиция самого подсудимого и его защитника). Четкое же обоснование формирования и развития прямого умысла на убийство, постановки цели при нахождении лица в состоянии аффекта в судебном акте, к сожалению, отсутствует. И в этой связи указанный акт не может позволить нам критически оценить подход судебных органов к возможности совершения покушения на убийство с аффектированным умыслом.

---

[1] Приговор по уголовному делу № 1-1/2012 // Сайт Грибановского районного суда Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: http://gribanovsky.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=319054 87&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения 01.02.2013 г.).

Наконец, субъекты совершенных деяний, исследованных в выборке судебных актов, охарактеризованы посредством 5 критериев: наличия судимости, отношения к занятости, нахождения в момент совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения, семейного положения и уровня образования[1].

Различия в лицах, чьи действия рассмотрены раздельно в первой и второй условных группах актов, выглядят следующим образом:

1) инициаторами угроз чаще являются лица, ранее не судимые за совершение преступлений (75,8 %), в то время как среди покушающихся доли ранее судимых и ранее не судимых примерно равны (43,1 % и 50 % соответственно). Среди угрожающих наблюдается небольшое число лиц, ранее осужденных за выражение аналогичных угроз (0,4 %) и за совершение покушений на убийство (2,3 %);

2) с точки зрения занятости субъекты совершенных деяний в большей степени представлены лицами, не имеющими постоянного источника дохода (47 % и 53,4 % соответственно). На втором месте – лица работающие (14,7 % и 10,3 %), на третьем – незначительные равные группы пенсионеров (3,8 % и 3,4 %). В 0,9 % случаев угрозы выражены лицами, получающими высшее или среднее специальное образование;

3) угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью адресуются лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, в 52,5 % случаев. Что контрастирует с 81 % лиц, отвечающих этому же критерию и предпринявших попытки применения насилия, оцененного как покушение на убийство;

4) с позиции семейного положения можно отметить меньшее количество лиц, не состоящих в браке и выражающих криминальные угрозы (42,7 %), по сравнению с покушающимися на жизнь другого человека (51,7 %). Лиц, состоящих в зарегистрированном браке, соответственно больше в первой условной группе (23,3 % против 13,8 % во второй группе);

[1] См. подробнее сведения о субъектах преступных деяний в Приложениях № 19, № 20.

5) об уровне образования обоих групп лиц можно отметить следующее: преобладание среди них завершивших подготовку по программам среднего образования (37,8 % и 15,5 %), а также крайне незначительные доли лиц, имеющих высшее образование (1,8 % и 1,7 %). Однако выборка по данному критерию в целом не репрезентативна ввиду отсутствия соответствующей информации в 43,6 % судебных актов первой условной группы и в 70,7 % актов второй условной группы.

Итак, в настоящей части работы были обозначены особенности отражения элементов и установления признаков интересующих нас составов преступлений в материалах судебной практики, перечислены модели совершения уголовно наказуемых деяний, на которые правоприменителем распространено действие норм об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и о покушении на убийство. В связи с изложенной информацией полагаем необходимым сделать ряд промежуточных выводов и обобщений.

В первую очередь, следует отметить, что сфера действия норм об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью шире, нежели чем таковая обозначена в теории уголовного права. В частности, это является следствием придания правоприменителем иного содержания признакам, характеризующим объективную сторону преступления. Строгое соответствие наблюдается разве что в отношении действительности угрозы: предметом рассмотрения становятся лишь те из них, факт выражения которых установлен. Рамки же конкретности увеличены за счет угроз причинения неопределенного вреда, угроз, из которых невозможно установить их содержание (нечленораздельных угроз), невербальных (молчаливых) угроз. Признак реальной опасности устанавливается в отношении целого ряда деяний, начиная от «простого» выражения угрозы потерпевшему до сопровождающегося непосредственным контактом сторон и причинением ему телесных повреждений. В целом же, такое толкование признаков ведет к иному взгляду на природу и объект преступления: в соответствии с нормами

статьи 119 УК РФ преследуются преступные деяния, связанные с запугиванием иных лиц, причиняющие в связи с этим моральный вред потерпевшим, но отнюдь не создающие для их жизни или здоровья реальную опасность причинения вреда. Между тем, даже границы данных деяний не являются четкими. Поскольку содержательно однозначно не определен признак реальной опасности, адресуемый им законодателем.

Одним из следствий неопределенности является то, что границы криминализации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью вплотную подходят, а также частично пересекаются со сферой действия норм о покушении на убийство. В каждой из условных групп судебных актов были отмечены модели совершения преступных деяний, заключающиеся в выражении в адрес потерпевших угроз убийством и причинении им телесных повреждений. При этом, в некоторых судебных актах второй условной группы (3,4 %) их правовая оценка была изменена судебными органами с «покушений на убийство» на «угрозы убийством».

Признак реальной опасности причинения вреда, характеризующий действие при покушении на убийство, остается одновременно и одним из существенных для данного состава неоконченного преступления, и «ориентиром» для определения реальной опасности угрозы. Между тем, собственно и его установление на практике далеко не однозначно: судебные органы, как было показано, руководствуются перечнем субъективных и объективных обстоятельств совершения деяния в разных количественных и качественных сочетаниях. Действующий запрет даже в рамках небольшой выборки позволил считать наказуемыми деяния, как связанные с причинением телесных повреждений потерпевшим, так и не связанные с ним; как сопровождаемые выражением угроз в адрес потерпевших, так и действие при отсутствии таковых. В этой связи, вопросам разграничения деяний, на которых распространяются данные уголовно-правовые запреты, считаем необходимым посвятить следующую часть настоящей работы.

2.2. Особенности разграничения угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушений на убийство с иными уголовно наказуемыми деяниями

Судебные акты были отобраны нами и сформированы в 2 условные группы по формальному признаку: наличию квалификации преступных деяний в соответствии с одним из интересующих составов преступлений. Однако сами деяния, попавшие в группы, оказались далеко не однородными. В первой из групп – прежде всего потому, что довольно часто угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью сопровождалась иными уголовно наказуемыми действиями. Во второй из групп – в связи с тем, что посягательства были предприняты подсудимыми с разным умыслом, по-разному же в них был отражен признак реальной опасности причинения вреда (жизни потерпевшего). В дополнение к этому, в обоих условных группах были обнаружены численно сопоставимые модели совершения преступных деяний, состоящие в выражении в адрес потерпевших угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и причинении им телесных повреждений. В этой связи возникла необходимость обособления не только наказуемых угроз от покушений на убийство, но и отграничения их от иных преступных деяний.

Внутри первой условной группы судебных актов следует рассмотреть случаи отграничения деяний, составляющих угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, от:

а) деяний, составляющих иные наказуемые угрозы.

б) иных наказуемых в соответствии с уголовным законом деяний;

в) деяний, состоящих в причинении телесных повреждений.

Теоретическая сторона разграничения угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и специальных видов угроз, предусмотренных в уголовном законе, была рассмотрена ранее в настоящей работе. И, как было отмечено, основаниями для этого являются

самостоятельные объекты охраны, цели и мотивы выражения угроз, а также закрытый перечень потерпевших, действующий в отношении специальных видов угроз. Среди судебных актов первой условной группы можно отметить один, на примере которого указанные основания продемонстрированы достаточно четко.

Приговором Тамбовского областного суда подсудимый Шапкин Д.С. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119 УК РФ, ч. 1 ст. 296 УК РФ, при следующих обстоятельствах: «в приёмной кабинета *** здания *** суда … Шапкин Д.С. в целях беспрепятственного прохода в кабинет судьи К.Д.В., Ж.А.Н. и К.Е.А. для того, чтобы они реально восприняли угрозу для их жизни и здоровья от взрыва, под видом взрывного устройства гранаты Ф-1 продемонстрировал корпус гранаты Ф-1 без взрывчатого вещества с фрагментом штатного взрывателя УЗРГМ и, имитируя приведение гранаты в боевое состояние, демонстративно вырвал предохранительное кольцо. Ж.А.Н. и К.Е.А., восприняли данную угрозу как реально опасную для их жизни и здоровья.

После этого Шапкин Д.С. вошел в кабинет *** судьи *** суда К.Д.В. …, в производстве которого находилось уголовное дело по обвинению Шапкина Д.С. по ***. Для того, чтобы судья К.Д.В. реально воспринял угрозу для своей жизни и здоровья от взрыва, под видом взрывного устройства гранаты Ф-1 Шапкин Д.С. продемонстрировал ему корпус гранаты Ф-1 без взрывчатого вещества с фрагментом штатного взрывателя УЗРГМ с извлеченным предохранительным кольцом. … После совершения угрозы убийством …, Шапкин потребовал от судьи при вынесении ему приговора в виде лишения свободы, назначить условное осуждение»[1].

Обосновывая квалификацию, суд указал, что подсудимый желал создать у всех потерпевших опасения за свою жизнь. И с этой целью «демонстрировал предмет, визуально не отличающийся от боевой гранаты,

[1] Приговор по уголовному делу № 2-10/2011 // Сайт Тамбовского областного суда [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=7032339&delo_id=1540006 (дата обращения 07.02.2013 г.).

приведенной в боевое положение». Действия в отношении Ж.А.Н. и К.Е.А. были необходимы подсудимому для обеспечения доступа к судье, рассматривающему его дело. В отношении же самого судьи К.Д.В. предпринятые действия имели целью обеспечение принятия благоприятного для себя решения по делу. Противоправное воздействие на Ж.А.Н. и К.Е.А., не являющихся субъектами, участвующими в отправлении правосудия, не наказуемо в рамках нормы ст. 296 УК РФ. В этой связи, совершенные в отношении них действия правоприменитель счел возможным квалифицировать по общей норме, содержащей запрет на выражение угроз убийством. Таким образом, угрозы, имевшие единое содержание, совершенные субъектом одним способом и последовательно, получили различную правовую оценку, поскольку каждая из них охватывалась самостоятельной целью и мотивами, а также была направлена на различные объекты охраны.

К теме разграничения угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и иных преступлений, в объективную сторону которых они могут входить, мы обращались при рассмотрении вопроса о поглощении угроз. Для его решения исследователи предлагают руководствоваться, в частности, следующими правилами:

- менее опасные преступные действия поглощаются более опасными, если они являлись элементами одного и того же преступления, совершены в отношении одного потерпевшего и охватывались единством намерения[1];

- угроза убийством вне временного промежутка, в течение которого совершается преступление, включающее в себя угрозу, или преступление, которое может исполняться с помощью угрозы, должна квалифицироваться как самостоятельное преступление[2];

- чем меньше временной промежуток между окончанием угрозы и началом причинения вреда, тем больше оснований у правоприменителя

[1] Малков В.П. Совокупность преступлений. Вопросы квалификации и назначения наказания. – Казань: Изд-во Казан.ун-та, 1974. С.135.

[2] Овчинников М.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический анализ: дисс. … канд. юрид. наук. С.181-188.

сделать вывод об изначально сформировавшемся у субъекта умысле на совершение более тяжкого преступления и применить квалификацию «по факту»[1].

Применить указанные правила в рамках выборки возможно к целому ряду уголовно наказуемых деяний, первым из которых выступает хулиганство.

Так, подсудимый В.И.Н., находясь на пляже, действуя из хулиганских побуждений, подошел к потерпевшему К.А.А., при этом держа в руках деревянную доску, затем намахнулся ей на К.А.А., высказал в его адрес угрозы убийством, которые тот воспринял реально. Далее подсудимый нанес один удар деревянной доской по спине потерпевшему и два удара кулаком по лицу, причинив своими действиями телесные повреждения, квалифицированные как вред здоровью средней степени тяжести[2].

При исследовании структуры деяния суд выделил признаки и элементы составов нескольких преступлений: предусмотренных п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ, ч. 1 ст. 119 УК РФ, п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Нюанс состоит в том, что большинство из этих элементов оказались содержательно идентичными. Преступления совершил один и тот же человек, действовал он при этом умышленно, из хулиганских побуждений, в одно время и в одном месте, совершил именно то, что описано выше. Сталкиваясь с необходимостью описания в приговоре объективной стороны каждого преступления, судебный орган фактически дублировал ее. С той лишь разницей, что при «умышленном причинении средней тяжести вреда здоровью» подсудимый наносил потерпевшему удары, при «совершении угроз» – собственно адресовал их последнему, а в процессе «хулиганства» – причинял телесные повреждения и угрожал потерпевшему.

По всей видимости, правоприменитель в данном случае счел, что содеянное В.И.Н. явно более того, что может быть квалифицировано как

---

[1] Мазуков С.Х. Указ. соч. С.70.

[2] Приговор по уголовному делу № 1-58/2010 // Сайт Кирсановского районного суда Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://kirsanovsky.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=sf&delo_id=1540005# (дата обращения 07.02.2013 г.).

преступление против здоровья. Но и «оставшаяся» угроза, выраженная из хулиганских побуждений, так же не может быть адекватно отражена нормами ст. 119 УК РФ. В дополнение к этому, действия совершались подсудимым с единым умыслом на нарушение общественного порядка, без перерыва во времени, в отношении одного ранее не знакомого ему потерпевшего. В этой связи, квалификация была дополнена и п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Из полученного варианта правовой оценки трудно установить позицию судебного органа о том, было ли совершено единое сложное преступление, либо были совершены два преступления, образующие совокупность. Поскольку как таковые действия получили «двойную» квалификацию. Но помимо проблемы выбора одной из моделей квалификации, данный случай демонстрирует и частичное пересечение действия норм об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и хулиганстве.

Предполагая иную степень общественной опасности угроз, совершенных из хулиганских побуждений, и не имея инструмента для их адекватной оценки (квалифицирующего признака), судебные органы обращаются к нормам ст. 213 УК РФ. Соответственно, что даже при отсутствии физического насилия над потерпевшим угроза, выраженная с целью нарушения общественного порядка, имеет высокий риск быть оцененной дважды. Как, например, в следующем случае: «Здоренко Д.А., находясь в состоянии алкогольного опьянения в маршрутном автобусе …, действуя умышленно, грубо нарушая общественный порядок, общепризнанные нормы и правила поведения, желая противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним, выражая тем самым явное неуважение к обществу, надел на голову черную вязаную шапку-маску с прорезями для глаз, достал из внутреннего кармана куртки нож, и, используя его в качестве оружия, начал им размахивать в разные стороны, высказывая угрозы жизни и здоровью окружающим

гражданам и выражая намерение применить к ним насилие посредством этого ножа.

Кроме этого, … Здоренко Д.А., находясь в состоянии алкогольного опьянения в маршрутном автобусе …, действуя умышленно, надел на голову черную вязаную шапку-маску с прорезями для глаз, достал из кармана куртки нож, … подошёл к ранее ему незнакомой ФИО 1 и высказал в её адрес угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, произнеся фразу «Я сейчас всех порежу». Угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью ФИО 1 восприняла реально.

Кроме того, … Здоренко Д.А., находясь в состоянии алкогольного опьянения в маршрутном автобусе …, действуя умышленно, надел на голову черную вязаную шапку-маску с прорезями для глаз, достал из кармана куртки нож, после чего, удерживая нож в руке, подошёл к ранее ему незнакомой ФИО 2 и высказал в её адрес угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, произнеся фразу «Я сейчас всех порежу». Угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью ФИО 2 восприняла реально»[1].

Говоря об умышленных действиях подсудимого, суд не установил, что в отношении двух отдельных потерпевших он действовал из каких-либо самостоятельных побуждений. Нет сведений и о том, что из всех пассажиров автобуса они были выбраны по самостоятельным причинам для преступных посягательств. Очевидно скорее обратно. Равно как и все иные присутствовавшие лица, ФИО 1 и ФИО 2 были ранее не знакомы подсудимому, и воспринимались как часть общества, которой он желал себя противопоставить. Подсудимый вошел в автобус, и следующие за этим противоправные действия адресовал всем пассажирам. Выпады в отношении двух конкретных потерпевших являлись скорее подтверждениями пренебрежительного отношения ко всем окружающим. Тем не менее,

[1] Приговор по уголовному делу № 1-111/2012 // Сайт Рамонского районного суда Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: http://ramonsky.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=33056037&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения 01.02.2013 г.).

квалификация действий подсудимого вновь оказалась «двойной»: по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, ч. 1 ст. 119 УК РФ, ч. 1 ст. 119 УК РФ (последние два эпизода – соответственно в отношении потерпевших ФИО 1 и ФИО 2).

В приведенных судебных актах ни одно из правил поглощения не было применено. Хотя, на наш взгляд, основания для этого были. Действия, совершенные в течение одного промежутка времени, в отношении одного потерпевшего, получили столько вариантов квалификации, сколько правоприменитель смог усмотреть. Между тем, неисследованными остались цель, которую преследовал подсудимый, роль каждого из его действий по отношению к ней (являлись ли они отдельными этапами, операциями, либо были направлены непосредственно на цель). Без ответа правоприменитель оставил и следующие частные вопросы:

а) почему при совершении в одной обстановке угроз по хулиганским мотивам и хулиганства их объективные стороны составляют одни и те же действия?

б) как соотносится двойная квалификация действий, совершенных из хулиганских побуждений, с указанием Пленума Верховного Суда РФ: «Судам следует отграничивать хулиганство, ответственность за которое предусмотрена статьей 213 УК РФ, от других преступлений, в том числе совершенных лицом из хулиганских побуждений, в зависимости от содержания и направленности его умысла, мотива, цели и обстоятельств совершенных им действий»[1]?

Стоит, однако, отметить, что за рамками выборки актов имеет место и иная позиция судебных органов по вопросу поглощения угроз, совершенных из хулиганских побуждений, собственно хулиганством: «суды при рассмотрении уголовных дел в отношении лиц, совершивших хулиганские действия, сопряженные с угрозой убийством потерпевшим, неправильно применяют уголовный закон и, как правило, квалифицируют действия

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», пункт 12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

осужденных по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 213 и 119 УК РФ.

При этом суды не принимают во внимание, что преступление по ст. 119 УК РФ предусматривает иной мотив - личные неприязненные отношения, а высказывание угрозы убийством при совершении хулиганских действий охватывается составом преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ»[1].

Двойная квалификация действий и пересечение уголовно-правовых запретов в рамках выборки наблюдались в отношении еще одного деяния – неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ). Соответствующее уголовное дело было рассмотрено мировым судьей Тербунского судебного участка Липецкой области: подсудимый ФИО 3 «примерно в 22 часа 30 минут, находясь в состоянии алкогольного опьянения, на улице возле своего дома, … на почве личных неприязненных отношений со своей женой ФИО 5 угрожал ей убийством, замахиваясь на неё косой со словами «Я тебя сейчас зарежу, зарублю». Данную угрозу в свой адрес ФИО 5 восприняла как реальную, так как у нее имелись все основания опасаться осуществления данной угрозы, учитывая агрессивный настрой ФИО 3 в отношении нее, нахождение в руке последнего хозяйственной косы, которая им могла быть применена в качестве орудия убийства, а так же то обстоятельство, что ранее ФИО 3 неоднократно угрожал ФИО 5 словесно физической расправой»[2]. Далее потерпевшая забежала в дом и заперла входную дверь изнутри, а подсудимый начал при помощи топора выламывать дверь, выкрикивая при этом в её адрес угрозы убийством. Затем подсудимый, продолжая угрожать потерпевшей, бросил подобранный лом в оконный проем дома, попав при этом в потерпевшую.

Характеристика объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, была составлена из описания ряда

[1] Обобщение судебной практики по уголовным делам о хулиганстве, рассмотренным районными судами г. Астрахани и Астраханской области в 2007 году. Текст официально опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

[2] Приговор по уголовному делу № 1-54/2011 // Сайт мирового судьи Тербунского судебного участка Липецкой области [Электронный ресурс]. URL: http://terbun.lpk.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=1529295&delo_id =1540006 (дата обращения 29.01.2013 г.).

преступных действий подсудимого, совершавшихся им в разное время в отношении своих малолетних детей, поименованных в судебном акте как ФИО 8, ФИО 9 и ФИО 4. Одно из действий в ряду длящегося преступления было следующим: «примерно в 22 часа 30 минут, находясь в состоянии алкогольного опьянения, на улице возле своего дома, … угрожал убийством своей жене и своим малолетним детям: ФИО 8 … и ФИО 9 …, замахиваясь на них косой со словами «Я тебя сейчас зарежу, зарублю». Данную угрозу в свой адрес малолетние ФИО 8 и ФИО 9 восприняли как реальную, так как у них имелись все основания опасаться осуществления данной угрозы, учитывая агрессивный настрой ФИО 3, нахождения у него в руках хозяйственной косы, которая последним могла быть применена в качестве орудия убийства, а так же то обстоятельство, что ранее ФИО 3 неоднократно угрожал своей семье словесно физической расправой. После чего ФИО 3 взял в руки топор, начал острием топора наносить удары по входной двери своего дома …, где в это время находились малолетние дети, выкрикивая в их адрес угрозы убийством «Зарублю, посмотрю на вашу кровь». Данную угрозу малолетние восприняли как реальную … Затем ФИО 3 взял в руки лом, начал им взламывать входную дверь своего дома …, где в это время находились малолетние дети, выкрикивая при этом в их адрес угрозы убийством «убью». Данную угрозу малолетние восприняли как реальную»[1].

Очевидно, что оба описания объективных сторон преступлений соответствуют одним и тем же действиям подсудимого, совершавшимся в одном месте и в одно время. Очевидно, что выражаемые подсудимым угрозы убийством все потерпевшие воспринимали вместе и одномоментно. Между тем, единое по сути деяние было «разделено» правоприменителем на две уголовно наказуемые угрозы: одна из них (в отношении жены) была квалифицирована по ч. 1 ст. 119 УК РФ, вторая (в отношении малолетних детей) – по ст. 156 УК РФ. К сожалению, в полной мере к таким действиям применить понятие единого преступления не представляется возможным,

[1] Там же.

поскольку существенный связующий их элемент (цель действий подсудимого) судом не исследовался. Однако, «двойная» оценка угрозы убийством и в рамках самостоятельного простого преступления, и в рамках иного длящегося представляется нам не вполне верной.

В некоторых случаях деяния, состоящие в выражении нескольких угроз убийством, получали вполне обоснованно разную правовую оценку, поскольку каждая из угроз носила самостоятельный характер и была подчинена подсудимыми достижению самостоятельных целей. Примером может являться описание следующих деяний, квалифицированных по ч. 2 ст. 162 УК РФ, ч. 1 ст. 119 УК РФ: «Микляев В.П., находясь в состоянии алкогольного опьянения, имея умысел на совершение разбоя, … около входной двери в магазин «Степашка» совершил нападение на Ж., при этом угрожал ей пневматическим многозарядным газобаллонным пистолетом «Макаров МР-654 К», который использовал в качестве оружия … Находясь в помещении магазина, Микляев В.П. … снова направил пистолет в сторону Ж. и потребовал передать ему деньги. Получив отказ Ж., Микляев В.П. продолжил угрожать Ж. имевшимся у него пистолетом, демонстрируя его перед ее лицом, и перезарядил пистолет, приведя его в боевую готовность. После этого Микляев В.П. вышел из помещения магазина и скрылся с места совершения преступления.

Умышленные действия Микляева В.П., связанные с угрозами пистолетом в виде его демонстрации, направления в ее сторону и приведения в боевую готовность Ж. восприняла для себя как реальную угрозу для своей жизни и имела основания опасаться их осуществления»[1].

Далее, покинув помещение магазина и скрываясь с места, Микляев высказал угрозу убийством в отношении водителя попавшего в его поле зрения автомобиля: «… находясь в состоянии алкогольного опьянения в автомобиле … под управлением З. …, имея при себе пневматический

[1] Приговор по уголовному делу № 1-197/2012 // Сайт Мичуринского городского суда Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://michurinskygs.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=sf&delo_id=1540005# (дата обращения 07.02.2013 г.).

многозарядный газобаллонный пистолет …, потребовал ехать прямо, а после начала движения автомобиля перезарядил пистолет, приведя его в боевую готовность и приставил пистолет к телу З. Двигаясь на автомобиле, … Микляев В.П. высказал угрозу убийством, сказав, обращаясь к водителю такси З.: «Вези меня, куда я скажу, а то вышибу тебе все мозги».

Умышленные действия Микляева В.П., связанные с угрозами пистолетом в виде его демонстрации, направления в его сторону и приведения в боевую готовность, З. воспринял для себя как реальную для своей жизни и имел основания опасаться их осуществления»[1].

Как видим, квалифицирующий признак реальности был установлен для угроз в отношении обоих потерпевших. И для формальной констатации наличия в действиях подсудимого в отношении потерпевшей Ж. признаков разбоя и угрозы убийством препятствий не было. Между тем, данные угрозы были подчинены цели хищения имущества, а угрозы в отношении З. – цели ограничения волеизъявления потерпевшего. Судебным органом совершенно верно установлен самостоятельный характер данных преступных деяний, и действия в отношении Ж. в этом случае не получили двойной правовой оценки.

Достаточно редко встречается в выборке позиция правоприменителя, согласно которой выражение угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью оценивается как способ совершения иных преступных деяний и целиком охватывается объективной стороной соответствующего состава преступления. В следующем ниже акте такая позиция продемонстрирована в отношении грабежа.

Левобережным районным судом г. Воронежа было рассмотрено уголовное дело в отношении Терехова О.В. и Филатова Ю.М. Последнему из них вменялось в вину совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 119 УК РФ, п.п. «а,в,г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Действия Филатова Ю.М., ставшие предметом рассмотрения в судебном заседании, заключались в

[1] Там же.

следующем: после совместного употребления спиртных напитков и будучи одетыми в форму частных охранников, он и Терехов О.В. находились на одной из улиц г. Воронежа. Заметив проходивших мимо ранее не знакомых им граждан Узбекистана Р.Г. и П., остановили последних. Затем, с целью хищения имущества, Филатов осмотрел карманы Р.Г. и П., а обнаруженное в них имущество изъял и передал П. Желая также продемонстрировать потерпевшим свое превосходство и подавить волю к сопротивлению, Филатов, угрожая применением насилия, потребовал от Р.Г., чтобы он встал на колени и читал молитву. После того, как потерпевший исполнил это, Филатов и Терехов продолжили свои действия по завладению имуществом потерпевших, отправившись в место проживания последних, и уже там открыто изъяв некоторые принадлежащие им вещи. После всех этих действий подсудимые скрылись[1].

Описанные действия Филатова в отношении Р.Г. органом, осуществлявшим предварительное расследование по делу, были квалифицированы по ч. 2 ст. 119 УК РФ. Однако суд пришел к выводу о том, что психическое воздействие на потерпевшего и подавление его сопротивления были необходимы подсудимым для осуществления дальнейших действий по завладению имуществом. Угроза была выражена во временных рамках совершения иного, более тяжкого преступления, была охвачена единым умыслом с иными действиями в цепочке, составляющей сложное посягательство. Филатов Ю.М. был признан виновным только в совершении преступления, предусмотренного п.п. «а, в, г» ч. 2 ст.161 УК РФ.

Наконец, еще один вариант правовой оценки деяний, состоящих в выражении угроз, сводится к поглощению угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью иных преступлений. Так, в одном из актов изложено следующее описание события преступления: подсудимый ФИО 11 пришел к дому, в котором находились потерпевшая ФИО 5, ее сын,

[1] Приговор по уголовному делу № 1-293/2012 // Сайт Левобережного районного суда г. Воронежа [Электронный ресурс]. URL: http://levoberezhny.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=23534491&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения 01.02.2013 г.).

мать и сестра и, будучи в состоянии алкогольного опьянения, выразил необходимость выяснения отношений. Не желая общаться, потерпевшая заперла изнутри входную дверь дома, отказавшись впустить подсудимого. Далее ФИО 11, высказывая в адрес ФИО 5 угрозы убийством, разбил стекло оконного проема и против воли владелицы (потерпевшей) проник в дом.

«Испугавшись бурных проявлений злобы со стороны ФИО 11, видя его агрессивное состояние, опасаясь за свою жизнь и здоровье, зная, что последний судим за покушение на убийство, ФИО 5, воспринимая угрозы реально, скрылась в одной из комнат, заперев изнутри входную дверь. Имея намерения запугать, действуя активно и целенаправленно, ФИО 11, продолжая высказывать в адрес ФИО 5 и членов ее семьи угрозы убийством, выбил плечом входную дверь комнаты, после чего нанес ФИО 5 один удар кулаком в область правого плеча, от которого та упала. В подтверждение высказываемых угроз, ФИО 11 присел на ФИО 5 сверху, лишив ее таким образом возможности двигаться и оказывать сопротивление, стал наносить удары кулаком в область головы, и в течение некоторого времени сдавливал руками шею. В этот момент мать потерпевшей с целью пресечения преступных действий ФИО 11 нанесла последнему удар по голове, а ФИО 5, воспользовавшись тем, что ФИО 3 отвлекся, выбежала из дома»[1].

Констатируя факты проникновения подсудимого в жилище против воли его владелицы (потерпевшей), причинения ей телесных повреждений и сопровождения всего этого угрозами убийством, правоприменитель дает в данном случае несколько парадоксальную оценку всему происшедшему. В действиях подсудимого он усматривает лишь наличие состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ. Угроза убийством в данном случае представляется правоприменителем как сложное преступное деяние, цель которого (ограничить волеизъявление человека) может быть достигнута лишь посредством совершения разнородных посягательств в его адрес,

[1] Приговор по уголовному делу // Сайт мирового судьи судебного участка № 2 Левобережного района г. Воронежа [Электронный ресурс]. URL: http://levober2.vrn.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=2446431&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

каждое из которых криминализовано в соответствии с уголовным законом. Такой случай в выборке судебных актов единичен. И, пожалуй, это одно из лучших доказательств того, что понимание состава угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в нем было неверным.

Необходимость разграничения угроз и телесных повреждений в первой условной группе имеет под собой «основу» из 30,6 % судебных актов, в которых деяния, составляющие такую модель совершения преступлений, получали одну из пяти принципиально разных правовых оценок. Их раздельный анализ связан с пониманием того, какие варианты толкования признака реальной опасности угрозы имеются у судебных органов (ограничен ли он только обстоятельствами выражения угрозы, не связанными с причинением повреждений, должен ли «подкрепляться» ими и т.д.). Совокупное же рассмотрение оценок обладает большей степенью информативности, поскольку позволяет определить природу самого преступного деяния, запрещенного нормами ст. 119 УК РФ, с точки зрения правоприменителя: является ли оно формой психического насилия над личностью либо одной из форм физического насилия.

Содержание правовых оценок, предложенных для таких моделей совершения преступлений, позволяют раскрыть ответы на следующие из вопросов:

1) вопрос № 1: возможно ли причинение потерпевшему телесных повреждений квалифицировать как основание опасаться осуществления угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью?

2) вопрос № 2: охватываются ли действия по выражению угрозы и причинению телесных повреждений умыслом подсудимого на применение к потерпевшему физического насилия?

3) вопрос № 3: охватываются ли действия по выражению угрозы и причинению телесных повреждений умыслом подсудимого на применение к потерпевшему психического насилия?

№ п/п	Вопрос № 1	Вопрос № 2	Вопрос № 3	Краткая характеристика правовой оценки деяний	Категории телесных повреждений, на которые распространяется оценка в выборке актов
1	Нет	Да	Да	Действия по выражению угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, по причинению телесных повреждений квалифицируются только по самостоятельным нормам УК РФ.	Причинение вреда здоровью средней и легкой степени тяжести (ст.ст. 112, 115 УК РФ), повреждений, не причинивших вреда здоровью (ст. 116 УК РФ).
2	Да	Да	Да	Действия по причинению телесных повреждений получают двойную правовую оценку: и по самостоятельным нормам УК РФ, и как основание опасаться осуществления угрозы. Выражение угрозы квалифицируется в рамках ст. 119 УК РФ.	Причинение вреда здоровью различной степени тяжести (ст.ст. 111, 112, 115 УК РФ), повреждений, не причинивших вреда здоровью (ст. 116 УК РФ).
3	Да	Нет	Да	Действия по выражению угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, по причинению телесных повреждений квалифицируются только в рамках ст. 119 УК РФ (последние – как основание опасаться осуществления угрозы).	Причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), повреждений, не причинивших вреда здоровью (ст. 116 УК РФ).
4	Нет	Да	Нет	Действия по выражению угрозы не получают правовой оценки. Квалифицируются лишь действия по причинению телесных повреждений.	Причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ).
5	Нет	Нет	Да	Действия по причинению телесных повреждений не получают правовой оценки. Квалифицируется лишь акт выражения угрозы.	Повреждения, не причинившие вреда здоровью (ст. 116 УК РФ).

Таблица I. Краткая характеристика правовых оценок деяний, состоящих в выражении угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и причинении телесных повреждений в одной обстановке и с участием одних и тех же лиц.

Первые три правовые оценки можно назвать, пожалуй, основными. Поскольку они распространены в выборке примерно в равной степени и встречаются в актах судебных органов всех трех регионов. На них следует остановиться более подробно.

Названная первой правовая оценка основана на узком толковании признака реальной опасности угрозы: правоприменитель указывает на необходимость установления его на основе любых обстоятельств совершения деяния (из числа перечисленных в Приложении № 11), за исключением причинения потерпевшему телесных повреждений. Выражение угрозы объективно должно казаться опасным потерпевшему. Но только выражение, а не ее реализация. С началом противоправного физического воздействия на потерпевшего заканчивается угроза. И поэтому такое воздействие должно получать оценку лишь в рамках норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершение преступлений против здоровья человека.

Сообразно с таким подходом, судебные органы при оценке модели совершения преступления «вычленяют» из нее действия, соответствующие отдельным составам, одним из которых в обязательном порядке выступает состав угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. В обоснование наличия каждого из составов преступлений правоприменитель отмечает в актах установленный умысел подсудимого на применение в отношении потерпевшего форм физического и психического насилия[1]. При этом, в ряде случаев описание умысла может представляться довольно парадоксальным: «подсудимый добровольно отказался от умысла на угрозу убийством, и у него возник умысел на нанесение побоев и совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль потерпевшей»[2].

---

[1] См., например: Постановление о прекращении уголовного дела № 1-31/2011 // Сайт мирового судьи Грязинского судебного участка № 1 Липецкой области[Электронный ресурс]. URL: http://gryazi1.lpk.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=5200114&delo_id=1540006 (дата обращения 29.01.2013 г.).

[2] Приговор по уголовному делу № 1-38/2011 // Сайт мирового судьи судебного участка № 6 Октябрьского округа г. Липецка [Электронный ресурс]. URL: http://oktyabr6.lpk.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=3254350&delo_id=1540006 (дата обращения 29.01.2013 г.).

Вторая правовая оценка демонстрирует более широкое толкование признака реальной опасности угрозы, а также иное понимание природы данного преступления. Наличие оснований опасаться осуществления угрозы судебные органы полагают необходимым устанавливать в равной степени как на основе обстоятельств, связанных с причинением потерпевшему телесных повреждений (в случае, если таковые имеются), так и на основе иных, не связанных с ними. При таком подходе правоприменителя наказуемое в рамках ст. 119 УК РФ деяние носит комбинированный характер: является одновременно и физическим, и психическим насилием над потерпевшим. Отсутствие же телесных повреждений при выражении угрозы говорит одновременно о недостаточности иных обстоятельств для установления ее реальной опасности (следовательно – и о ненаказуемости действия). Отсутствие же акта выражения угрозы не позволяет установить наличие интересующего состава, поскольку само по себе физическое воздействие должно квалифицироваться как преступление против здоровья. Подобная «комбинированность», между тем, довольно шатка.

Действия по причинению потерпевшему телесных повреждений получают при применении оценки двойную квалификацию: сначала – в рамках норм ст. 119 УК РФ, а затем – в рамках норм иных статей уголовного закона, как самостоятельное преступление против здоровья личности. Но принцип, изложенный в ст. 5 УК РФ, допускает привлечение к уголовной ответственности лица только за те действия, в отношении которых установлена его вина. Совместить эти два положения крайне трудно. Как и трудно признать, что посредством физического воздействия на потерпевшего подсудимый хотел совершить и совершил несколько преступлений.

В актах, демонстрирующих настоящую оценку, субъективная сторона деяний характеризуется образом, аналогичным следующему[1]: «ножевое ранение Ситниковой О.А. было причинено умышленными целенаправленными действиями подсудимого, ножом нанесшего один удар

[1] Действия подсудимого были квалифицированы по ч. 1 ст. 111, ч. 1 ст. 119 УК РФ.

потерпевшей в брюшную полость, что свидетельствует о наличии у подсудимого прямого умысла на причинение тяжкого вреда здоровью … Высказав Ситниковой О.А. угрозу, что добьет ее, Ситников А.М. совершил угрозу убийством … Однако, принимая во внимание, что Ситников А.М. угрожал убийством потерпевшей ... непосредственно после причинения ножом ранения самой Ситниковой О.А., проникающего ранения брюшной полости, у потерпевшей имелись веские основания опасаться реального ее осуществления»[1].

Характеристику данной оценки стоит дополнить лишь ремаркой о том, что следование ей со стороны судебных органов даже в рамках одного акта не является строгим и категоричным. Например, при оценке действий по причинению телесных повреждений и выражению угроз убийством, совершенных подсудимым в одной обстановке последовательно в отношении двух разных потерпевших, действия в отношении первого из них могут быть квалифицированы по ч. 1 ст. 116 УК РФ, ч. 1 ст. 119 УК РФ, а в отношении второго – только по ч. 1 ст. 119 УК РФ[2].

Суть третьей оценки следует, во-первых, из категорично широкого толкования признака реальной опасности угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (его наличие должно устанавливаться совместно на основе причинения потерпевшему телесных повреждений при выражении угрозы и на основе иных, принимаемых во внимание, обстоятельств), и, во-вторых, из указания на то, что руководящим для всех оцениваемых действий подсудимого является умысел на применение психического насилия к потерпевшему.

Таким образом, указание на причинение потерпевшему телесных повреждений присутствует лишь в описании события преступления (телесные повреждения в акте могут быть охарактеризованы и по критерию

---

[1] Приговор по уголовному делу № 1-144/2012 // Сайт Правобережного районного суда г. Липецка [Электронный ресурс]. URL: http://pravsud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=22610183&delo_id=1540006 (дата обращения 29.01.2013 г.).

[2] Постановление о прекращении уголовного дела // Сайт мирового судьи Грязинского судебного участка № 1 Липецкой области [Электронный ресурс]. URL: http://gryazi1.lpk.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=5200114&delo_id=1540006 (дата обращения 29.01.2013 г.).

тяжести вреда для здоровья потерпевшего), но итоговая квалификация деяния дается только в рамках норм ст. 119 УК РФ. Вывод, который напрашивается из этого: криминализована только такая угроза, которая соединена с физическим насилием.

В одном из постановлений о прекращении уголовного дела пример правовой оценки изложен следующим образом: «Часов В.Ф. органами предварительного расследования обвиняется в том, что он …, имея умысел на угрозу убийством в адрес ФИО 1, вырвал из рук ФИО 1 деревянную палку и, высказывая в адрес потерпевшей слова угроз «Я тебя убью!», подверг ее избиению, нанеся не менее <ОБЕЗЛИЧИНО> ударов палкой по голове и рукам потерпевшей. В результате преступных действий потерпевшей были причинены телесные повреждении …, которые согласно заключению эксперта … расцениваются как легкий вред здоровью … Тем самым Часов В.Ф. угрожал убийством в адрес ФИО 1, выражая реальность своей угрозы путем причинения телесных повреждений потерпевшей, которую она восприняла в свой адрес реально, т.е. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ - угрозы убийством, если имелись основания опасаться данной угрозы»[1].

Следующие две (и последние) правовые оценки можно охарактеризовать скорее как отражения радикальных и единичных точек зрения в отношении преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ. Они сходны лишь в том, что полагают верным не включать в число оснований опасаться осуществления угрозы факт применения к потерпевшему физического насилия.

При этом, руководствуясь четвертой из оценок, судебные органы не находят в действиях подсудимых состава угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. По их мнению, психическое насилие не имеет самостоятельного характера и охватывается соответствующим

[1] Постановление о прекращении уголовного дела № 1-68/2012 // Сайт мирового судьи Данковского судебного участка № 1 Липецкой области [Электронный ресурс]. URL: http://dankov1.lpk.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=4439193&delo_id=1540006 (дата обращения 29.01.2013 г.).

составом преступления против здоровья человека: «Суд соглашается с позицией государственного обвинителя о … переквалификации действий Скуратова Э.Д. в отношении потерпевшей ФИО 10 … со ст. 115 ч. 1 УК РФ и ст. 119 ч. 1 УК РФ на ст. 115 ч. 1 УК РФ, и о квалификации всех действий Скуратова Э.Д. в её отношении - по одной ст.115 ч.1 УК РФ, так как все его действия по делу в отношении ФИО 10, описанные в обвинении … охватываются умыслом на умышленное причинение им ФИО 10 легкого вреда здоровью, в ходе которого Скуратов Э.Д. в процессе причинения ей телесных повреждений … одномоментно высказал в адрес ФИО 10 угрозу убийством, и дополнительной квалификации его действий по ст. 119 ч. 1 УК РФ не требуют, последняя – излишняя, охватывается ст. 115 ч. 1 УК РФ»[1].

Пятая оценка является зеркальным отображением предыдущей. В том смысле, в котором один из видов насилия при квалификации поглощает другой. Однако в этом случае «поглощающим» выступает преступление, предусмотренное ст. 119 УК РФ. Примером тому может являться следующая выдержка из судебного акта: «ФИО 3 взял в руки молоток и направился в сторону заявительницы. Продолжая высказывать в ее адрес угрозы убийством, он подошел к ФИО 5 на расстояние меньше одного метра, и, подняв вверх молоток, со словами «Я тебя сейчас убью» намахнулся в ее сторону. В результате данного скандала ФИО 5 были причинены телесные повреждения, которые, согласно заключения эксперта расцениваются как повреждения, не причинившие вреда здоровью человека.

Данные угрозы ФИО 5 воспринимала для себя реально, так как ФИО 3 был агрессивно настроен, на просьбы и уговоры успокоиться и оставить ее в покое не реагировал, в руках он держал молоток, поэтому у ФИО 5 имелись все основания для опасения за свою жизнь»[2].

---

[1] Приговор по уголовному делу № 1-84/2012 // Сайт Левобережного районного суда г. Липецка [Электронный ресурс]. URL: http://levsud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number= 22250410&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения 29.01.2013 г.).

[2] Приговор по уголовному делу № 1-57/2012 // Сайт мирового судьи судебного участка № 1 Каширского района Воронежской области [Электронный ресурс].URL: http://kashira1.vrn.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=7227444&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

Как нетрудно заметить, все описанные выше оценки отличаются друг от друга существенным образом. До такой степени, что в отношении одного отдельного случая выражения угрозы убийством и причинения телесных повреждений одному потерпевшему и в одной обстановке крайне трудно предугадать итоговую квалификацию, которую согласится принять судебный орган для действий подсудимого. Существование такой неопределенности имеет корни в тексте уголовного закона (имея в виду противоречия, отличающие непосредственный объект посягательства и признак реальной опасности угрозы), которые далее ведут и к вариантам ответа на вопрос о природе интересующего нас противоправного посягательства. Признание ошибочности существования такой «многоликой» практики квалификации определяет и пути ее изменения, адаптации в соответствии с реально наблюдаемыми моделями совершения преступления.

Перечень уголовно наказуемых деяний, с которыми во второй условной группе актов возникла необходимость разграничить составляющие покушение на убийство, предопределен решением несколько иных вопросов (об установлении направленности умысла подсудимого, об оценке признака реальной опасности причинения вреда) и включает он в себя следующие:

а) деяния, состоящие в выражении угрозы убийством;

б) деяния, состоящие в причинении телесных повреждений различной степени тяжести;

в) деяния, состоящие в причинении телесных повреждений при превышении пределов необходимой обороны.

Как было отмечено в Диаграмме 4.2, модели совершения преступлений, состоящие из действий по причинению телесных повреждений потерпевшему и выражению в его адрес угроз убийством, описаны в 34,5 % (20 актах) второй условной группы. При этом угрозы имели разное временное отношение к действиям по причинению повреждений: были выражены до, во время, после них, а также неоднократно. Варианты

правовой оценки таких деяний судебными органами представлены наглядно в Таблице II.

	Варианты правовых оценок деяний				
	ч.3 ст.30, ч.1 ст.105 УК РФ	ч.1 ст.111 УК РФ	ч.1 ст.115 УК РФ	ч.1 ст.119 УК РФ	ч.1 ст.115 УК РФ, ч.1 ст.119 УК РФ
Количество судебных актов, в которых встречается вариант	*Угрозы убийством выражены до причинения телесных повреждений потерпевшему*				
	6 (из них 1 – ч.3 ст.30 п.в ч.2 ст.105 УК РФ)	2	-	-	-
	Угрозы убийством выражены до и во время причинения телесных повреждений потерпевшему				
	2	-	-	-	-
	Угрозы убийством выражены во время причинения телесных повреждений потерпевшему				
	3	2	2	1	1
	Угрозы убийством выражены после причинения телесных повреждений потерпевшему				
	-	1	-	-	-
Итого:	11	5	2	1	1

Таблица II. Варианты правовых оценок деяний, состоящих в выражении угроз убийством и причинении телесных повреждений в одной обстановке и с участием одних и тех же лиц.

В отношении более чем половины угроз убийством (в 11 актах из 20) квалификация не изменена: они оценены судом в рамках состава покушения на убийство. При этом, большая часть действий, состоящих в выражении угроз (в 8 актах из 11, в которых они выражены до и во время причинения телесных повреждений потерпевшему), оценена как свидетельство направленности умысла подсудимого на совершение убийства[1]. Как, например, в следующем судебном акте: «При определении направленности умысла Светличного суд учитывает то, что он использовал в качестве орудия

[1] См. подробнее об обстоятельствах, принимаемых судебными органами в качестве доказательств направленности умысла подсудимого на совершение убийства, Приложение № 12.

преступления топор, нанес удар в жизненно важный орган человека (голову), характер и локализацию телесных повреждений, а также высказанные угрозы об убийстве перед нанесением ФИО 3 удара»[1]. В оставшихся 3 актах из 11 угрозы выражены подсудимыми во время причинения телесных повреждений потерпевшим и лишь упомянуты при описании объективной стороны деяния. По всей видимости, судебные органы пришли к выводу о том, что выраженная во временных рамках совершения иного преступления угроза является одним из способов его совершения, охватывается умыслом на причинение смерти потерпевшему, и таким образом поглощается составом покушения на убийство.

Аналогичную позицию занял правоприменитель еще в 7 актах из 20, в которых деяния подсудимых были квалифицированы как преступления против здоровья человека: в 5 – как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, и в 2 – как умышленное причинение легкого вреда здоровью. Временное отношение выражения угроз к причинению телесных повреждений в данных случаях имело более широкие временные рамки: они имели место как до, во время, так и после причинения повреждений. В одном из актов, в частности, потерпевшим сообщено следующее: «На следующий день … когда он находился в больнице, то спустившись со второго этажа, чтобы пройти флюорографию, увидел ФИО 7 и Сергеева Виктора, который ему сказал: «Ой, ты «блин», еще живой? Забирай заявление, а не то я тебя задушу. Выведу на улицу, добью до конца». После этого случая он с больницы сбежал, так как испугался»[2]. Несмотря на это, все действия подсудимого получили единую квалификацию: как преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 111 УК РФ.

Грубо говоря, во всех 7 актах выраженная угроза убийством получала лишь ту правовую оценку, которая сопровождала действия подсудимого по

---

[1] Приговор по уголовному делу № 1-А73/2011 // Сайт Липецкого районного суда Липецкой области [Электронный ресурс]. URL: http://lipraisud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=doc&number=3249337&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения 29.01.2013 г.).

[2] Приговор по уголовному делу № 1-30/2011 // Сайт Мордовского районного суда Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://mordovsky.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=sf&delo_id=1540005# (дата обращения 07.02.2013 г.).

причинению телесных повреждений потерпевшему. Исключениями из данного правила стали два судебных акта, в которых действия по выражению угроз были квалифицированы самостоятельно. О каждом из них следует упомянуть отдельно.

В первом акте описан конфликт между подсудимой и потерпевшим, в ходе которого она «несколько раз высказала ему угрозу убийством, взяла нож в руку и провела ножом ему по шее, при этом причинив порез»[1] (согласно заключению судебно-медицинской экспертизы порез оценен как не причинивший вреда здоровью потерпевшего). Дальнейших противоправных действий подсудимая не предпринимала, и чуть позже была изолирована от него свидетелями происшедшего. При этом обе стороны конфликта как в процессе производства предварительного расследования по делу, так и в судебном заседании утверждали о том, что подсудимая совершила «угрозу убийством и причинила телесное повреждение». Потерпевший, в свою очередь, испугался угрозы убийством, опасался за свою жизнь, восприняв ее реально, но «простил подсудимую и просил ее строго не наказывать»[2]. Государственный обвинитель изменил обвинение в сторону смягчения, заявив ходатайство о переквалификации действий подсудимой по ч. 1 ст. 119 УК РФ, суд так же воспринял данную правовую оценку.

Во втором акте указано, что подсудимый «подошел к ФИО 7 … и, замахиваясь на неё ножом, стал высказывать угрозу лишения потерпевшей жизни … В ходе высказывания угрозы убийством Токарев В.П. … замахнулся на потерпевшую ФИО 7 ножом, а она с целью предупреждения преступных действий Токарева В.П. и нанесения ударов ножом, схватилась рукой за лезвие ножа и подставила плечо, в результате чего ей были причинены телесные повреждения»[3]. Далее, как и в первом случае,

---

[1]Приговор по уголовному делу № 1-189/2012 // Сайт Правобережного районного суда г. Липецка [Электронный ресурс]. URL: http://pravsud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=22768412&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения 29.01.2013 г.).

[2] Там же.

[3] Приговор по уголовному делу № 1-37/2011 // Сайт Котовского городского суда Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://kotovsky.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=&name_op=sf&delo_id=1540005# (дата обращения 07.02.2013 г.).

подсудимого вывели из помещения свидетели происшедшего, и более никаких действий в отношении потерпевшей он не совершал. Ввиду отсутствия возможности «скрыться от подсудимого и в сложившейся ситуации потерпевшая восприняла данную угрозу реально и опасалась ее осуществления». Подсудимый же заявил, что «хотел напугать, образумить. А если бы хотел убить, то сделал бы это, поскольку как мужчина является физически сильнее, и сделал бы это сразу как подошел к потерпевшей» [1]. В итоге, суд счел, что обвинение в покушении на убийство не нашло своего подтверждения в судебном заседании и переквалифицировал действия подсудимого по ч. 1 ст. 115 УК РФ, ч. 1 ст. 119 УК РФ.

Немаловажную роль в изменении правовой оценки в обоих случаях сыграла позиция сторон о конфликте (и прежде всего – позиция потерпевших, изначально не воспринявших действия подсудимых как направленные на причинение им смерти). Не вдаваясь в суждения об обоснованности правовых оценок, данных судебными органами I инстанции, хотелось бы отметить, что приведенные акты являются примерами тому, как широкий подход к толкованию признака реальной опасности угрозы может привести к смешению двух составов преступлений: угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушения на убийство, к пересечению сфер действия соответствующих им правовых норм.

Всего же, модели совершения преступлений, состоящие в причинении телесных повреждений потерпевшему, сопровождавшихся выражением в его адрес угроз убийством либо не сопровождавшихся таковыми, были описаны в 98,3 % (или 57 актах) второй условной группы. Но при этом лишь в 17 актах правоприменителем была изменена предложенная квалификация деяний в пользу признания их преступлениями против здоровья человека[2]. В качестве таковых в 11 актах было названо умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, в 5 актах – умышленное причинение легкого вреда

[1] Там же.
[2] См. подробнее Приложение № 2.

здоровью, и в 1 – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное при превышении пределов необходимой обороны. Последнему из случаев далее следует уделить особенное внимание. В отношении же первых двух обозначим следующие моменты.

Во-первых, характер и обстоятельства совершения действий позволили установить правоприменителю в лице судебного органа отсутствие признака, характеризующего посягательство – реальной опасности причинения вреда для жизни потерпевшего, а также иную направленность умысла подсудимых – на совершение преступления против здоровья.

Во-вторых, восприятие действий потерпевшими в каждом из 11 актов не совпадало с предложенной судебным органом правовой оценкой, поскольку они были убеждены в намерении подсудимых лишить их жизни. В оставшихся же 6 актах потерпевшими было озвучено мнение о том, что подсудимый желал причинить вред их здоровью. Однако во всех случаях судебные органы дополнительно «подкрепляли» переквалификацию действий ссылкой и на иные обстоятельства совершения преступления из числа перечисленных в Приложении № 13 (хотя бы на одно из них).

Случаи разграничения деяний, направленных на причинение смерти и на причинение телесных повреждений при превышении пределов необходимой обороны, требуют отдельного внимания по следующим причинам:

- действия лица в состоянии необходимой обороны предполагают возможность причинения посягающему и большего вреда, нежели чем он причинит обороняющемуся;

- действия обороняющегося так же, как и действия при покушении на убийство, может отличать признак реальной опасности (причинения вреда) для жизни другого лица;

- действия лица в состоянии необходимой обороны могут являться и правомерными (следовательно – и не наказуемыми) в случае, если им не были превышены пределы необходимой обороны, а также если вследствие

неожиданности посягательства оно не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения.

Изменение судебными органами оценки деяний, принятых изначально органами предварительного следствия за покушение на убийство, как и в предыдущем случае, предполагает установление иного умысла подсудимого, связанного с причинением вреда здоровью лица, получившего статус потерпевшего. Однако для рассматриваемой группы предметом анализа продолжает оставаться признак реальной опасности причинения вреда. С той лишь разницей, что будучи установленным и в действиях оставшегося в живых потерпевшего, он позволяет либо существенно снизить уровень общественной опасности действий подсудимого (до предусмотренной ч. 1 ст. 114 УК РФ), либо вовсе исключить ее вкупе с противоправностью (как это указано в п.п. 2, 2.1 ст. 37 УК РФ).

Необходимость работы со столь непростым признаком объективной стороны деяния не только в отношении подсудимого, но и в отношении потерпевшего делает задачу суда при анализе события преступления усложненной вдвое. Во второй условной группе актов удалось обнаружить лишь один, в котором судебный орган I инстанции разрешил указанную дилемму. Еще в одном акте действиям подсудимого была дана «новая» оценка по ч. 1 ст. 114 УК РФ лишь Верховным Судом Российской Федерации. При этом о причинении вреда в состоянии необходимой обороны было заявлено подсудимыми в 12,2 % случаев (см. Приложение № 18). Вполне ожидаемо, никто из потерпевших не подтвердил наличие посягательства или угрозы его применения со своей стороны.

При наличии доказанности и убежденности в том, что каждая из сторон конфликта предприняла противоправное посягательство в адрес другой, правоприменитель оказывается перед проблемой выбора: был ли кто-то из двух оставшихся в живых лиц более опасным, и следует ли в этой связи применить к нему наказание, предусмотренное уголовным законом?

Помимо обстоятельств, предлагаемых органами предварительного следствия в качестве подтверждающих направленность умысла подсудимого на совершение убийства, а также не зависящих от его воли и не позволивших довести преступление до конца (см. Приложения № 12, № 14), суду надлежит в таких случаях исследовать следующие их группы:

а) обстоятельства, свидетельствующие о наличии посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни, либо создававшего реальную опасность для жизни обороняющегося или другого лица (причинение вреда здоровью, применение реально опасного способа посягательства, угроза причинения смерти или вреда здоровью, опасного для жизни и т.п.)[1];

б) обстоятельства, при которых действия посягавшего могли быть неожиданными для оборонявшегося (время, место, обстановка и способ посягательства, предшествовавшие посягательству события, а также эмоциональное состояние оборонявшегося лица и т.п.)[2];

в) обстоятельства, подтверждающие наличие или отсутствие признаков превышения пределов необходимой обороны (объект посягательства, способ достижения результата, место и время посягательства, предшествовавшие посягательству события, наличие оружия или иных предметов, использованных в качестве оружия, возможность оборонявшегося лица отразить посягательство и т.п.)[3].

Нетрудно заметить, что перечень обстоятельств, отличающих действия посягающего лица как опасные либо создающие реальную опасность для жизни обороняющегося, содержательно повторяет тот, что свидетельствует о направленности умысла покушающегося лица на убийство (и, соответственно, о реальной опасности причинения вреда жизни

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», пункт 2[Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».
[2] Там же, пункт 4.
[3] Там же, пункт 13.

потерпевшего)[1]. Информация об иных обстоятельствах в упомянутых выше актах представлена следующим образом.

Приговором Елецкого городского суда Липецкой области Агафонов признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 114 УК РФ, поскольку в судебном заседании подтвердился факт посягательства со стороны потерпевшего ФИО 1, опасного для здоровья подсудимого, выразившегося в ударе ногой в живот с силой, достаточной, чтобы повалить последнего на пол. Однако, «учитывая предыдущие события, опьянение ФИО 1, разницу сил (потерпевший гораздо крупнее и тяжелее подсудимого, они оба признают бесспорное физическое превосходство потерпевшего), произнесенные слова, у Агафонова имелись достаточные основания полагать, что во дворе подвергнется насилию, которому противостоять не сможет. Таким образом, суд считает доказанным, что к моменту инкриминируемых действий Агафонов находился в состоянии необходимой обороны и имел целью защититься от общественно опасного посягательства, грозящего его здоровью.

Вместе с тем, очевидно, что подсудимый умышленно совершил действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства. Нанеся сильный удар деревянной ножкой от стола по голове потерпевшего, Агафонов сбил ФИО 1 с ног, ограничив его возможности активно действовать … Однако, подсудимый умышленно продолжил нанесение ударов ножкой стола по голове потерпевшего …, тем самым превысив пределы необходимой обороны»[2].

В приговоре же Тамбовского областного суда предметом рассмотрения стали действия Околелова, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. и ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 3 ст. 30, п. а,и ч. 2 ст. 105 УК РФ, заключающиеся в следующем: «Околелов С.В., М.М.В. и М.В.В. вышли на улицу, где М.В.В. обнял Околелова за шею. Эти действия не понравились

[1] См. Приложение № 12.

[2] Приговор по уголовному делу № 1-16/2011 // Сайт Елецкого городского суда Липецкой области [Электронный ресурс]. URL: http://eletsgorsud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=17946864&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения 29.01.2013 г.).

Околелову и он оттолкнул от себя М.В.В. После этого Околелов получил удар *** причинивший ***. Околелов закрыл лицо руками и нагнулся. В этот момент Околелову был нанесен удар *** чем причинены ***. При этом на голову Околелова был наброшен капюшон, а также наносились другие удары, куда именно, Околелов не запомнил. В ответ на эти действия Околелов, желая, что бы ему больше не наносили ударов, достал нож и нанес им несколько ударов в туловище М.М.В., а так же по руке и в туловище М.В.В., после чего убежал.

В результате умышленных действий Околелова наступила смерть М.М.В., а М.В.В. был причинен тяжкий вред здоровью … Околелов наносил удары ножом в туловище М.М.В. и М.В.В. «желая, что бы ему не наносили ударов». Данное обстоятельство смягчает ответственность Околелова, но не свидетельствует о необходимой обороне или превышении её пределов. Совершение указанных действий Околеловым не вызывалось необходимостью. Околелов первым применил к М.В.В. насилие, толкнув его. Потерпевшие не применяли к Околелову насилие, опасное для его жизни и здоровья и не высказывали угрозы применения такого насилия … Околелову были причинены только *** не влекущие вред здоровью, а большинство ударов вообще не причинили телесных повреждений. Данные обстоятельства объективно свидетельствует об отсутствии угрозы для жизни и здоровья Околелова. Объективных оснований предполагать такую угрозу у Околелова не имелось»[1].

В обоих случаях принятие решения о действии подсудимых в состоянии необходимой обороны далось судебным органам нелегко. «Промежуточной» квалификацией между «покушением на убийство» и «причинением тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны» в двух актах явилось «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» потерпевшего. С той лишь разницей, что в

[1] Приговор по уголовному делу № 2-8/2011 // Сайт Тамбовского областного суда [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=7032307&delo_id=1540006 (дата обращения 07.02.2013 г.).

приговоре Елецкого городского суда она, будучи предложенной государственным обвинителем, была отвергнута сразу как несостоятельная, а данная в приговоре Тамбовского областного суда была изменена лишь кассационным определением Верховного Суда РФ (для действий Околелова С.В. в отношении М.В.В.).

Все сказанное выше о разграничении деяний, составляющих угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушение на убийство, было необходимо для определения границ, в которых могут применяться соответствующие нормы уголовного закона, для определения областей, в которых сфера их применения может пересекаться с иными уголовно-правовыми запретами.

Проведенный анализ позволил сделать выводы о том, что нормы статьи 119 УК РФ распространяются на модели совершения преступлений, состоящие в выражении угроз соответствующего содержания, выражении угроз и сопровождении их демонстрацией различных видов оружия либо орудий, выражении угроз и непосредственном контакте сторон конфликта, с причинением телесных повреждений потерпевшему либо без такового. Подобные действия в процессе правовой оценки могут испытывать на себе влияние норм, криминализующих совершение специальных видов угроз, хулиганства, грабежа и разбоя, преступлений против здоровья, а также иных преступлений.

Нормы же о покушении на убийство в рамках полученной выборки были применены к моделям противоправного посягательства, состоящим в причинении телесных повреждений, сопровождаемых либо не сопровождаемых выражением угроз убийством в адрес потерпевших, состоящим в демонстрации оружия потерпевшему и последующем его применении. При этом данные нормы имеют пересекающиеся сферы действия с запретами на угрозу убийством, совершение преступлений против здоровья человека, включая умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны.

Дальнейшее рассмотрение действий, подпадающих под влияние норм об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, о покушении на убийство, будет посвящено уточнению видовой принадлежности данных преступлений, а также некоторых иных их особенностей.

2.3. Иные особенности правовой оценки рассматриваемых преступных деяний в судебной практике

Для понимания того, какие действия людей наказуемы в рамках запретов на совершение угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушений на убийство, нами были подробно исследованы элементы каждого преступления, основания разграничения их со смежными, опыт криминализации аналогичных деяний в уголовном праве зарубежных стран. Однако и полученных выводов недостаточно для снятия всех вопросов о правовой оценке действий, описанных в выборке судебных актов.

Существует еще ряд весьма специфических моделей совершения преступлений, которые требуют четкой позиции в отношении их квалификации. Анализ таких моделей, обнаруженных в первой условной группе судебных актов, стоит начать со следующего вопроса: кто может являться потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ?

Если учесть два обстоятельства (видовой объект для преступлений, перечисленных в Главе 16 УК РФ, и охрану от угроз убийством закрытого перечня лиц нормами статей 296, 318, 321 УК РФ), то ответ будет таким: потерпевшим является любой человек, непосредственно воспринявший угрозу в свой адрес, за исключением специально охраняемых субъектов. И в этом определении есть ряд не вполне очевидных акцентов, на которых следует остановиться:

1) потерпевший – только тот, кто в силу своих качеств (возрастных, психофизиологических, иных) способен адекватно воспринять направленную угрозу.

Так, Графским А.Ф. было совершено преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 119 УК РФ, в отношении своей сожительницы ФИО 1. С целью запугать ее подсудимый, держа в руке боевую гранату Ф-1 в снаряженном состоянии, в словесной форме высказал угрозу убийством, сказав, что взорвет ее, детей и себя[1]. При этом статус потерпевшей приобрела лишь собственно ФИО 1. Угрозы, адресованные иным лицам (детям), не были оценены как самостоятельные эпизоды совершения преступления. По-видимому, потому, что в силу возраста они не способны были воспринять потенциал криминальной угрозы.

В другом случае подсудимый Черненков Р.Ю. решил запугать знакомую ФИО 3, заведомо для него находящуюся в состоянии беременности. С этой целью он направил в ее сторону металлическую вилку и со словами о том, что проколет ей живот, пошел в ее сторону. ФИО 3 восприняла угрозу причинения тяжкого вреда здоровью как реальную и, опасаясь ее осуществления, убежала[2]. Квалификация деяния в судебном акте от начала и до конца была построена на восприятии потерпевшей возможных последствий для собственного здоровья. О том, что действия подсудимого были оценены как угроза жизни еще не родившемуся ребенку, в приговоре мы не найдем ни слова;

2) потерпевший – только тот, кто воспринимает угрозу непосредственно от ее адресанта.

Мировым судьей судебного участка № 1 г. Нововоронежа Воронежской области установлено, что Карих А.Ю. совершил угрозу убийством в отношении ранее знакомого ему ФИО 1, «неоднократно демонстрируя газовый пистолет модели «ME 8 POLICE», калибра 8 мм., и направляя его в целях устрашения в сторону ФИО 1, стал высказывать последнему угрозы убить его и членов его семьи. Высказанные Карих А.Ю.

---

[1] Постановление о прекращении уголовного дела № 1-24/2011 // Сайт мирового судьи судебного участка Знаменского района Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://znam.tmb.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=1672713&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

[2] Приговор по уголовному делу № 1-31/2012 // Сайт мирового судьи судебного участка Мучкапского района Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://muchk.tmb.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=3810844&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

угрозы убийством ему и членам его семьи ФИО 1 воспринимал как явную угрозу для жизни и здоровья и имел основания опасаться её осуществления»[1].

В аналогичной ситуации подсудимая Полужанова Е.В., «руководствуясь умыслом на оказание психического воздействия на ФИО 1 и порождения у той страха за свою жизнь и здоровье, а также жизнь и здоровье ее малолетнего сына, прошла в комнату своей дочери, подошла вплотную к лежавшей на диване ФИО 1, наклонилась над той, лишив потерпевшую возможности встать с дивана и покинуть комнату, и, держа перед собой в руке кухонный нож, стала высказывать ФИО 1 угрозы убийством и угрозы лишить жизни ее малолетнего сына. В сложившихся обстоятельствах ФИО 1 воспринимала угрозы убийством, высказываемые Полужановой Е.В., реально»[2].

В указанных и иных подобных случаях, представленных в выборке, угрозы в адрес родных и близких потерпевшего являются, по мнению судебных органов, лишь способом психологического воздействия на него. При этом судом не исследуются вопросы о том, доводилась ли в последующем высказанная подсудимым угроза до сведения таких лиц, испытывали ли они в связи с этим опасения в ее осуществимости и т.д. То есть событие угрозы, как правило, ограничено временными рамками ее объективирования, и дальнейшие последствия не рассматриваются с позиции причинно-следственных связей с этим событием. Подобный подход говорит явно не в пользу причисления состава угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью к составам опасности. Стоит заметить и то, что в рамках действующих правовых норм такой способ воздействия на потерпевшего нельзя оценить как более или менее опасный. Ввиду

---

[1] Постановление о прекращении уголовного дела // Сайт мирового судьи судебного участка № 1 г. Нововоронежа Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: http://nvoronezh1.vrn.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=3332714&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

[2] Приговор по уголовному делу № 1-24/2012 // Сайт мирового судьи судебного участка № 2 Тамбовского района Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://2tambrn.tmb.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=3642308&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

отсутствия соответствующих квалифицирующих признаков все способы запугивания потерпевшего одинаковы;

3) потерпевший – только тот, кто воспринимает угрозу в свой адрес. Как следует из судебного акта, Марчуков А.С. в присутствии М. и ее несовершеннолетних детей спровоцировал ссору с М. В ходе ссоры он совершил2 преступления, каждое квалифицировано по ч. 1 ст. 119 УК РФ.

Потерпевшим от первого преступления признан сын М. – Ш., которому Марчуков А.С. в присутствии матери высказал угрозу убийством, а далее замахнулся кухонным ножом, желая создать представления о реальной возможности осуществления своей угрозы. Своей цели в отношении Ш. подсудимый достиг. Затем Марчуков угрожал убийством М., заступившейся за Ш.: взяв в руки другой нож, с криками «Я тебя убью, прирежу» погнался за ней на улицу, где, повалив на снег, неоднократно замахивался на нее ножом[1]. Цели он достиг и в этом случае. Потерпевшей от второго преступления признана М.

Приговором же Нововоронежского городского суда Воронежской области Бачурин Р.И. признан виновным в числе прочего в совершении угрозы убийством в отношении Л.В.И. при следующих обстоятельствах: «будучи в состоянии алкогольного опьянения, находился … совместно с бывшей сожительницей Г.А.В. и её матерью Л.В.И.. В это время Бачурин Р.И. стал предъявлять Г.А.В. требования возобновить отношения, одновременно высказывая угрозы применить к ней насилие и демонстрируя складную металлическую линейку.

После того, как Л.В.И. попыталась заступиться за свою дочь Г.А.В. и вышла на лестничную площадку четвертого этажа чтобы вызвать сотрудников милиции, у Бачурина Р.И. возник преступный умысел, направленный на угрозу убийством в отношении Л.В.И. Реализуя свой преступный умысел, действуя из личных неприязненных отношений,

---

[1] Постановление о прекращении уголовного дела № 1-31/2011 // Сайт мирового судьи Грязинского судебного участка № 1 Липецкой области [Электронный ресурс]. URL: http://gryazi1.lpk.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=5200418&delo_id=1540006 (дата обращения 29.01.2013 г.).

Бачурин Р.И. вышел из квартиры на лестничную площадку четвертого этажа, где стал высказывать Л.В.И. угрозу, что вечером вернется с топором и убьет её и дочь Г.А.В. Л.В.И. понимая, что Бачурин Р.И. находится в состоянии алкогольного опьянения, и зная, что он неоднократно судим, восприняла высказанную угрозу как реальную»[1].

В обоих случаях вместе с потерпевшими находились их родственники, непосредственно воспринимавшие конфликтную ситуацию. В сознании данных лиц также, несомненно, отразился переданный подсудимыми потерпевшим угрожающий потенциал. Но в силу, во-первых, того, что лица, приобретшие статус потерпевших, были в состоянии сами его оценить, а, во-вторых, угроза была передана именно им, родственники могли сообщить ценную информацию лишь как свидетели совершения преступления. При этом, то обстоятельство, что воспринятая ими угроза в отношении близких лиц могла оказать психическое воздействие и на них, не исследовалась в судебных заседаниях. Правоприменителем была выдвинута презумпция того, что каждое действие было адресовано конкретному человеку, и намерение запугать нескольких лиц сразу у подсудимых отсутствовало.

Суммируя, таким образом, все замечания относительно лица, потерпевшего от совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ, можно охарактеризовать его так: это любой человек (за исключением специально охраняемых субъектов), способный в силу своих качеств адекватно и непосредственно от адресанта воспринять направленную против него лично угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, высказанные в адрес родных и близких потерпевшего (0,7 % актов первой условной группы), таким образом, не получили правовой оценки.

Анализ полученной выборки актов не позволяет обойти вниманием и еще один вопрос: является ли угроза убийством или причинением тяжкого

[1] Приговор по уголовному делу № 1-69/2011 // Сайт Нововоронежского городского суда Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: http://novovoronezhsky.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=26124573&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения 01.02.2013 г.).

вреда здоровью единым простым преступлением либо одной из разновидностей единого сложного преступления? Этот вопрос может показаться необычным. Или предполагающим простой ответ. Или и тем, и другим одновременно. Давайте попробуем на него ответить.

Как известно, признаки единого простого преступления характеризуются в законе одномерно: оно совершается одним преступным деянием, посягает на один объект, имеет одну форму вины, образует один состав и квалифицируется по одной статье УК РФ[1]. Единое же сложное преступление характеризуется усложнением одного или нескольких элементов состава преступления, тесной связью его объективных и субъективных признаков, а также подразделяется на виды, из которых интерес для нас представляют длящееся, продолжаемое и составное преступления.

Как длящееся преступление характеризуется «действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования»[2]. Составы данных преступлений сконструированы таким образом, что начинаются они с момента совершения первоначального акта и оканчиваются либо вследствие действий самого виновного, направленных к прекращению посягательства, либо вследствие наступления событий, препятствующих его продолжению[3]. Важно и то, что длящееся преступление совершается единым способом, совокупностью множества действий (бездействий), являющихся звеньями одной цепи и не разделенных промежутками во времени.

Весьма сходны с ними продолжаемые преступления, началом которых является совершение первого противоправного действия из нескольких тождественных (либо однородных), а окончанием – момент совершения

---

[1] См., напр.: Уголовное право России. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. С.243.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

[3] См., напр.: Уголовное право России. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. С.243-244.

последнего действия. Как и длящиеся преступления, продолжаемые разрознены во времени, но могут быть и разделены промежутками. Существенным отличием от предыдущей группы является внутренняя взаимосвязь преступных актов, поскольку каждый из них – лишь часть единого посягательства, направленного против одного и того же объекта, совершаемого единым способом, с единым намерением, предполагающим наступление единых последствий. Совершение продолжаемого преступления, как правило, свидетельствует об определенной линии устойчивого поведения, направленного на реализацию единого плана[1]. Действия виновного лица, образующие единое продолжаемое посягательство, не являются поэтому самостоятельными преступлениями.

Чего нельзя сказать о преступных действиях в едином составном преступлении. Оно состоит из двух или нескольких разнородных общественно опасных деяний, каждое из которых отдельно криминализовано. Из таких деяний формируется один состав на основе внутреннего единства и взаимосвязи. Поскольку будучи объединенными, они позволяют более точно учесть совокупную степень общественной опасности преступления и отразить ее в санкции уголовно-правовой нормы. Связь между преступными действиями в едином составном преступлении выражается следующими способами: 1) как форма преступления и его содержание; 2) как цель и средство преступного посягательства; 3) как наказуемое действие и его результат[2].

Если вновь вернуться к норме ч. 1 ст. 119 УК РФ, в которой уголовно наказуемой признается «угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы», то легко назвать данное преступление простым. В силу того, что преступным может считаться хотя бы один акт выражения угрозы лицу-адресату, совершенный умышленно, хотя бы одним способом. Угроза всегда

---

[1] См., напр.: Уголовное право России. Общая часть. Учебник для вузов. В 2-х т. Т.1. / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. С.42.

[2] Там же.

предполагает действие субъекта, совершенное в любой форме. Ведь само по себе существование одной из сторон конфликта не может нести угрожающего потенциала для второй стороны. Нет необходимости и в том, чтобы наличие состава преступления было признано только за рядом угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, высказываемых адресату сколь-либо длительное время. В правовой норме нет упоминания о наказуемости лишь систематического психического насилия в отношении потерпевшего. Наконец, включает ли угроза в свой состав деяния, которые самостоятельно криминализованы в уголовном законе? Пожалуй, что нет. Норма предполагает наказуемость простого акта выражения угрозы между субъектом преступления и потерпевшим, разбить который на обособленные структурные части не представляется возможным.

Попробуем сопоставить данные признаки с оценками, которые были даны судебными органами угрозам, выраженным неоднократно в отношении одного потерпевшего, а также угрозам в отношении нескольких потерпевших (последние были зафиксированы в 5,7 % судебных актов первой условной группы).

Довольно яркими примерами для первого случая могут послужить описания моделей совершения преступлений, данные в следующих двух судебных актах. Мировым судьей Судебного участка № 2 Левобережного района г. Воронежа рассмотрены материалы уголовного дела в отношении ФИО 3, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.119 УК РФ, при следующих обстоятельствах: «примерно в 18 час. 00 мин. во дворе … между ФИО 7 и ФИО 8 на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений произошел конфликт, в ходе которого ФИО 5 и ФИО 3 стали обоюдно наносить друг другу удары. Присутствовавшие при происходящем ФИО 9, ФИО 10 и ФИО 11 развели ФИО 3 и ФИО 5 в разные стороны, после чего ФИО 3 ушел. Примерно в 18 часов 20 минут ФИО 3, желая напугать ФИО 5, возвратился во двор … и, подойдя к ФИО 5 сзади, взял последнего одной рукой за голову, после чего, высказывая в адрес ФИО

5 угрозы убийством, приставил к шее лезвие ножа. ФИО 5 воспринял угрозы ФИО 3 реально и, пытаясь защититься от ранения, взялся рукой за лезвие ножа … ФИО 9 и ФИО 10 развели ФИО 3 и ФИО 5 в разные стороны, после чего ФИО 3 ушел. В продолжение своих преступных действий … примерно в 19 часов ФИО 3 снова возвратился во двор …, где на тот момент находился ФИО 5. ФИО 3 резко подошел к ФИО 5 сзади и, высказывая угрозы убийством в адрес последнего, приставил к шее ФИО 5 лезвие ножа. Присутствовавший при этом ФИО 9 отвел ФИО 3 от ФИО 5 и потребовал выбросить нож. Не выпуская из руки нож, ФИО 3 попытался вырваться от удерживающего его ФИО 9, продолжая высказывать свои намерения привести угрозу жизни и здоровью ФИО 5 в исполнение. После того, как ФИО 9 удалось выбить из руки ФИО 3 нож, последний ушел»[1].

Совершение преступления, предусмотренного так же ч.1 ст.119 УК РФ, было усмотрено мировым судьей Судебного участка № 2 Новохоперского района Воронежской области в следующих действиях подсудимого: «около 20 часов 30 минут … Яньшин С.И. … стал высказывать в адрес ФИО 1 угрозы убийством, которые выражались в словах «Я тебя убью и задушу». При этом для подтверждения реальности своих намерений … Яньшин С.И. своими руками начал сдавливать горло ФИО 1, от действий которого последняя упала на пол, потеряв сознание … После вышеуказанных действий Яньшин С.И. прекратил свои преступные действия и ушел из домовладения … В продолжение своего преступного умысла, без значительного разрыва во времени, Яньшин С.И. в этот же день около 21 часа 15 минут возвратился в свое домовладение … В это же самое время между Яньшиным С.И. и ФИО 1 на фоне возникших личных неприязненных отношений произошел конфликт, в ходе которого Яньшин С.И. в отношении ФИО 1 … стал высказывать в адрес ФИО 1 угрозы убийством, которые выражались в словах «Я тебя убью». При этом для подтверждения реальности своих намерений …

[1] Постановление о прекращении уголовного дела // Сайт мирового судьи Судебного участка № 2 Левобережного района г. Воронежа [Электронный ресурс]. URL: http://levober2.vrn.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=1110689&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

осколком разбитой кружки нанес 1 удар в область нижнего века правого глаза ФИО 1 … После совершенных действий Яньшин С.И. бросил осколок разбитой кружки, прекратил свои преступные действия и ушел из домовладения»[1].

В обоих случаях речь идет об угрозе убийством, в отношении которой установлены признаки наличности, действительности, реальной опасности, а также цель ее выражения – желание запугать потерпевших. Но и во всех же случаях понятие «угроза» применяется к совокупности действий, разрозненных во времени. Между каждыми из двух соседствующих актов обозначены промежутки во времени, в течение которых подсудимые покидали место совершения преступления (и соответственно прекращали выражение угроз). Следуя этой логике, преступление было начато в момент выражения первой из угроз в адрес потерпевшего и окончено в момент выражения последней из них. Стоит ли говорить о том, что при таком подходе в каждом из случаев было установлено совершение продолжаемого преступления?

Пожалуй, более ценно отметить следующее:

1) коль скоро каждый из описанных актов выражения угрозы отличали существенные признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ, то и каждый из них является самостоятельным преступным деянием;

2) если запугивание потерпевшего имеет статус цели для одного действия, то оно не обязательно может являться целью и для всех действий, образующих «продолжаемое преступление». Именно для такой оценки моделей совершения преступлений судебным органам следовало бы установить и явно недостающий элемент: единую цель для всей цепочки деяний.

Однако в исследованной выборке судебных актов достаточно и примеров иного подхода к угрозе убийством или причинением тяжкого вреда

---

[1] Постановление о прекращении уголовного дела // Сайт мирового судьи Судебного участка № 2 Новохоперского района Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: http://nhopersk2.vrn.msudrf.ru/modules.php?name=sud_ delo&op=sd&number=5821983&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

здоровью, в соответствии с которым каждый из следующих друг за другом угрожающих актов признается самостоятельным преступлением, вне зависимости от длительности временного промежутка, их разделяющего, и поведения подсудимого в это время[1].

Аналогичные варианты понимания видовой принадлежности преступления (как простого либо продолжаемого) имеют место быть и при оценке моделей совершения преступления, включающих в себя угрозы, направленные одновременно в отношении нескольких лиц-адресатов (двух и более). Как правило, при описании объективной стороны преступления судебные органы в подобных случаях указывают на совершение одних и тех же действий в отношении каждого потерпевшего, и как следствие – на наличие эпизодов совершения угроз, количественно равных числу потерпевших.

Так, предметом исследования для мирового судьи Чаплыгинского судебного участка № 2 Липецкой области стали следующие действия подсудимого: «около 00 часов 30 минут, находясь в доме …, где на почве внезапно возникших между ним и гражданином ФИО 3 личных неприязненных отношений произошла ссора, в ходе которой Ловырев А.И. взял в левую руку пневматический пистолет, и, направив его в сторону ФИО 3, при этом высказал словесную угрозу убийством: «Я вас сейчас всех уложу!» в адрес ФИО 3, в результате чего у ФИО 3 имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, которую он воспринял реально»[2]. Это же действие, по мнению правоприменителя, Ловырев А.И. совершил и в отношении потерпевших ФИО 1, ФИО 2, присутствовавших здесь же.

---

[1] См., например: Постановление о прекращении уголовного дела № 1-21/2011 // Сайт мирового судьи Усманского судебного участка № 3 Липецкой области [Электронный ресурс]. URL: http://usman3.lpk.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=4503442&delo_id=1540006 (дата обращения 29.01.2013 г.); Постановление о прекращении уголовного дела // Сайт мирового судьи судебного участка № 1 Семилукского района Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: http://semiluk1.vrn.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=4836136&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

[2] Постановление о прекращении уголовного дела № 1-32/2012 // Сайт мирового судьи Чаплыгинского судебного участка № 2 Липецкой области [Электронный ресурс]. URL: http://chaplygin2.lpk.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=4251927&delo_id=1540006 (дата обращения 29.01.2013 г.).

Квалифицированы были действия подсудимого и органом, осуществлявшим предварительное расследование по делу, и мировым судьей по ч. 1 ст. 119 УК РФ (как 3 эпизода). Таким образом, единым актом он совершил 3 простых преступления, каждое из которых воздействовало на психику каждого из 3 потерпевших.

В другом случае, который был рассмотрен мировым судьей Судебного участка № 5 Октябрьского района г. Тамбова, количество лиц и количество выраженных угроз полностью совпадало с первым: «около 01 час. 00 мин. Афанасьев, будучи в состоянии алкогольного опьянения, находился у подъезда …, где в это же время находились ФИО 2, ФИО 3, ФИО 4.Афанасьев …, имея умысел на угрозу убийством, направленную в адрес ФИО 2, ФИО 3, ФИО 4, удерживая в руке нож хозяйственно-бытового назначения, с целью осуществления своего преступного умысла, выражаясь грубой нецензурной бранью, со словами «убью, зарежу», приставил нож в область живота ФИО 2, удерживая его на расстоянии примерно 10 см. После чего, продолжая свои преступные действия, стал намахиваться ножом на ФИО 2, ФИО 3, ФИО 4, высказывая угрозы убийством в их адрес, сопровождающиеся словами «убью, зарежу» и грубой нецензурной бранью. Учитывая наличие у Афанасьева в руке ножа, его алкогольное опьянение и агрессивное состояние, данные угрозы убийством ФИО 2, ФИО 3, ФИО 4 восприняли как реальные и опасные для своей жизни»[1].

Постановлением мирового судьи в отношении Афанасьева было прекращено уголовное дело по обвинению его в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ (1 эпизод). Поэтому, если принимать во внимание последовательность действий в отношении каждого потерпевшего, то Афанасьев рассматривался как субъект единого продолжаемого преступления. Однако, вновь возвращаясь к конструкции данного вида

[1] Постановление о прекращении уголовного дела № 1-71/2011 // Сайт мирового судьи Судебного участка № 5 Октябрьского округа г. Тамбова [Электронный ресурс]. URL: http://5okt.tmb.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=2158127&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

сложного преступления, резонно задать вопрос: было ли оно направлено против свободы волеизъявления группы лиц?

Ответ «да» будет констатацией того факта, что правоприменитель на примере данного случая сталкивается с необходимостью квалификации деяний, не предусмотренных уголовным законом России. С одной стороны, в его тексте отсутствуют квалифицирующие признаки, которые бы позволили дать надлежащую оценку уровню общественной опасности таких посягательств. С другой стороны, и конструкция, содержащаяся в ч. 1 ст. 119 УК РФ, не позволяет определить угрозу, направленную против группы лиц, как сложное и продолжаемое преступление, в котором бы каждый акт приближал виновного к цели запугивания всех потерпевших, которым адресована угроза. Не вписывается в эту структуру и еще один признак продолжаемого преступления: действия, его образующие, не могут быть криминализованы самостоятельными уголовно-правовыми нормами.

Таким образом, нынешний вариант легального запрета на совершение угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью указывает правоприменителю лишь на один способ их квалификации: каждый конкретный акт угрозы, создавший опасения его осуществления у отдельного потерпевшего, должен оцениваться как оконченное простое преступление. Неоднократно же выраженные угрозы, а также угрозы в отношении двух и более лиц позволяют говорить о совершении виновным лицом нескольких эпизодов данного преступления.

О сложных составных преступлениях стоит отметить, что угроза может являться одним из деяний, входящих в его состав. Соответствующие примеры были приведены ранее в настоящей работе[1], находят свое отражение и в иных материалах обобщения судебной практики. Например, Ставропольским краевым судом приведена следующая позиция по квалификации преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 163 УК РФ: «В ч. 1

[1] См. раздел 2.2 настоящей работы о разграничении угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и иных преступлений, в объективную сторону которых она может входить.

ст. 163 УК угроза выступает способом совершения преступления, и содержание ее представлено значительно шире. При вымогательстве требование передачи чужого имущества сопровождается угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества. Характер насилия, которым угрожает вымогатель, в законе не конкретизирован, следовательно, оно может быть любым. Угроза убийством охватывается составом вымогательства и не нуждается в дополнительной квалификации по ст. 119 УК»[1].

Роль способа или средства преступного посягательства угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью может выполнять и в рамках иных составных преступлений, направленных на достижение цели, отличной от запугивания потерпевшего: в рамках хулиганства[2], неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения[3] и т.д. В подобных случаях угроза не теряет статуса самостоятельного преступного деяния, но в силу сложносоставной модели деятельности виновного лица становится в ней лишь одной из операций, отдельная правовая оценка которой представляется излишней и негативно сказывается на учете совокупной степени общественной опасности всего преступления.

Установлением принадлежности к простым преступлениям либо к одному из разновидностей единого сложного преступления стоило бы сопроводить и характеристику покушения на убийство.

Как уже было сказано ранее в настоящей работе, объективную сторону покушения на убийство составляет общественно опасное деяние,

---

[1] Справка по результатам изучения судебной практики рассмотрения уголовных дел о преступлениях, связанных с применением насилия или угрозой его применения // Официальный сайт Ставропольского краевого суда [Электронный ресурс]. URL: http://www.stavsud.ru/dokumenty-suda/obzory-sudebnoj-praktiki/sudebnaja-praktika/sudebnaja-praktika-po-ugolovnym-delam/za-2012-god/spravka-po-rezultatam-izuchenija-sudebnoj-praktiki-rassmotrenija-ugolovnyh-del-o-prestuplenijah-svjazannyh-s-primeneniem-nasilija-ili-ugrozoj-ego- (дата обращения 29.04.2013 г.).

[2] Обобщение судебной практики по уголовным делам о хулиганстве, рассмотренным районными судами г. Астрахани и Астраханской области в 2007 году. Текст официально опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

[3] Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 2007 года (утв. постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2008 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

направленное на совершение оконченного преступления, незавершенное в силу обстоятельств, не зависящих от виновного. Также мы оговорились о том, что действие при покушении может либо причинять вред здоровью потерпевшего (вред, лежащий в русле посягательства на объект), либо не привести вообще к сколь-либо реально фиксируемым повреждениям у потерпевшего (создавая при этом реальную опасность причинения вреда, исходя из предпринятых мер, избранных орудий и способов совершения преступления, иных обстоятельств происшедшего). Но укладывается ли весь спектр наказуемых как покушение на убийство действий в одномерные параметры объекта, умысла, деяния и состава. Иными словами, является ли покушение на убийство единым простым преступлением?

Покушение на убийство есть несколько обобщенное понятие. Поскольку в уголовном законе изложены запреты на причинение смерти другому лицу более чем в одной статье УК РФ, постольку и покушения могут быть совершены на разные виды убийства. Квалификация данного преступления предполагает обращение не к одной правовой норме еще и по другой причине: наказуемость неоконченного преступления предусмотрена нормами Общей части УК РФ.

Объект посягательства и формы умысла при покушении на убийство довольно четко определены и в теории, и в практике. Непосредственный объект посягательства един: это жизнь человека и правоотношения, направленные на охрану безопасного доступа к жизни человека. Отражение вредных последствий в разной степени на здоровье потерпевшего, полное отсутствие телесных повреждений у потерпевшего – все возможные варианты последствий совершения покушения на убийство не меняют данной позиции об объекте. Любое покушение может быть совершено только с прямым умыслом, которым охватываются все элементы оконченного состава, независимо от объема реально выполненной объективной стороны. Таким образом, для ответа на вопрос остается определиться лишь с действиями, составляющими объективную сторону преступления.

В первую очередь, невозможно представить себе способ посягательства, «соединенный с длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного». Покушения (равно как и сами убийства) совершаются активными действиями субъекта преступления. Иначе и преступная цель не может быть достигнута. Ведь жизнь не является чьей-либо посторонней обязанностью, а человека, пассивно дожидающегося смерти другого, вряд ли можно признать совершающим убийство. В этой связи, ни при каких условиях покушение на убийство нельзя назвать длящимся преступлением.

Далее, покушение на убийство предполагает принятие лицом тех мер, которые он сочтет необходимыми для причинения смерти. Равно как и использование нескольких попыток в том случае, если запланированная им изначально не принесет ожидаемого результата. Действия покушающегося отличают целенаправленность и целеполагание. Что на практике может привести к совершению преступления посредством нескольких однородных действий[1]. Например, когда виновное лицо при активном сопротивлении со стороны потерпевшего последовательно реализует те способы причинения смерти, которые ему доступны в конкретной ситуации.

Как покушение на убийство были, в частности оценены действия подсудимого Кузнецова С.В., который «находясь в … квартире, вооружившись обрезом охотничьего ружья и зарядив его патронами 12 калибра, реализуя задуманное, с целью умышленного убийства Н.С.А., зашел в ее комнату и напал на нее, произведя из обреза с близкого расстояния в ее голову и иные жизненно важные органы не менее двух выстрелов. Однако, находясь в состоянии алкогольного опьянения и не обладая достаточными навыками стрельбы, промахнулся. Н.С.А., спасая свою жизнь, стала убегать, но Кузнецов С.В., продолжая реализовывать свой преступный умысел, зная, что в обрезе уже нет патронов, догнал ее у выхода из квартиры и умышленно

[1] Во второй условной группе судебных актов в 19 % случаев был установлен признак последовательного использования подсудимым нескольких орудий либо несколько попыток использование одного орудия для посягательства на потерпевшего (см. Приложение № 14).

со значительной силой нанес ей обрезом ружья не менее 3-х ударов в жизненно важную часть тела – голову»[1].

Также квалификация по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ была предложена следующим действиям ФИО 17: «реализуя свой преступный умысел, направленный на причинение смерти ФИО 19, возникший на почве личных неприязненных отношений, схватил её руками за волосы и повалил на землю. Затем, достав заранее приготовленный кухонный нож, ФИО 17 стал наносить им удар в область шеи потерпевшей. Однако ФИО 19 стала оказывать ему активное сопротивление, схватившись рукой за нож, чем воспрепятствовала нанесению удара в шею и смогла отвести удар в сторону, в результате чего, удар ножом пришелся в область плеча.

Продолжая оказывать сопротивление, в ходе борьбы ФИО 19 оттолкнула от себя ФИО 17 и стала убегать от него. Однако ФИО 19, продолжая доведение умысла на убийство до конца, стал преследовать её и нанес еще два удара ножом в спину. Однако ФИО 17 удалось вырваться и добежать до соседнего дома, где смогла укрыться от преступного посягательства»[2].

В этих и подобных им случаях действия покушающихся действительно могут быть протяженными во времени. Но между ними отсутствуют перерывы, которые охватывались бы сознанием и волей субъекта преступления. Началом покушения является начало первого из действий (например, производство первого из выстрелов), оканчивается оно с совершением последнего (например, крайний удар в голову обрезом). Но все вместе они составляют единое деяние, протекающее во времени без остановки. В противном случае имело место бы «заигрывание» с жертвой, из которого невозможно было бы установить действительную направленность

---

[1] Приговор по уголовному делу № 2-18/2010 // Сайт Воронежского областного суда [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=228814&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения 01.02.2013 г.).

[2] Приговор по уголовному делу № 1-75/2011 // Сайт Жердевского районного суда Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://zherdevsky.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=sf&delo_id=1540005# (дата обращения 01.02.2013 г.).

умысла подсудимого. В противном случае имело место бы продолжаемое преступление, которым явно не является покушение на убийство.

В свою очередь, природу и связь между действиями при покушении на убийство нельзя назвать разнородными. Поскольку во всех случаях это именно действия по причинению телесных повреждений потерпевшему. Незавершенное посягательство на жизнь человека выливается в посягательство на его здоровье. Именно таким специфическим образом увязаны два данных объекта уголовно-правовой охраны. Даже в тех редких случаях, когда направленное против жизни посягательство не оставило следов на потерпевшем (оказалось неисправным оружие, при производстве выстрела был допущен промах и т.д.), оно также будет являться однородным по отношению к уже названным. Иной характер посягательств неприемлем для покушений на убийство.

Даже в тех случаях, когда при выполнении объективной стороны виновные лица выражают угрозы убийством в адрес потерпевших, такие действия нельзя назвать разнородными. Связь между угрозами и действиями по причинению повреждений не характеризуется при этом ни одним из способов: ни как форма преступления и его содержание, ни как цель и средство преступного посягательства, ни как наказуемое действие и его результат. Поскольку сама по себе выраженная угроза не приближает покушающегося к преступной цели ни на шаг. Высказывая угрозу убийством, субъект лишь обозначает для потерпевшего (и возможно – иных лиц) свои намерения, прекрасно понимая, что для наступления смерти их, пусть даже выраженных неоднократно, недостаточно[1]. Соответственно, что угрозы, имеющиеся в объективной стороне, не могут «разрывать» ее, свидетельствовать о приостановлении и возобновлении единого деяния, направленного на причинение смерти другому лицу.

[1] Во второй условной группе судебных актов в 13,8 % случаев признак высказывания угроз убийством перед причинением телесных повреждений был воспринят судебными органами в числе прочих как подтверждение умысла подсудимого на совершение убийства (см. Приложение № 14).

В этой связи парадоксальным выглядит следующее описание объективной стороны покушения на убийство: «И.А.И., находящийся в состоянии алкогольного опьянения, стал высказывать в адрес И.Н.П. слова угрозы убийством. После чего И.А.И. умышленно, на почве личных неприязненных отношений, нанес И.Н.П. несколько ударов кулаками по голове и телу, после чего затащил её в спальню, где схватил руками за шею и стал душить. И.Н.П. …, испугавшись за свою жизнь, стала оказывать ему сопротивление и, вырвавшись, попыталась убежать из дома. Однако И.А.И. догнав её, схватил и, применив физическую силу, затащил обратно в дом, где в зале продолжил наносить ей удары кулаками по лицу и телу, при этом, продолжая высказывать в её адрес угрозы убийством. От полученных телесных повреждений И.Н.П. упала на пол, после чего у И.А.И. возник умысел на убийство И.Н.П. Реализуя свой преступный умысел, направленный на лишение жизни И.Н.П., И.А.И. взял деревянный брусок с гвоздями, и стал наносить им удары по жизненно важному органу И.Н.П. – голове, сопровождая свои действия угрозой убийством. После того, как И.Н.П. потеряла сознание и перестала подавать признаки жизни, И.А.И. прекратил свои противоправные действия и скрылся с места происшествия. При этом И.А.И., свой умысел на убийство супруги И.Н.П. не довел до конца по независящим от него обстоятельствам, поскольку был убежден, что от причиненных им И.Н.П. телесных повреждений, И.Н.П. скончалась»[1].

Следуя мыслям, изложенным в цитируемом судебном акте, намерение убить потерпевшую у подсудимого возникло в процессе ее избиения и выражения угроз убийством. То есть началом осуществления преступного деяния, квалифицированного впоследствии по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ, стало нанесения потерпевшей ударов по голове бруском с гвоздями. А действия, предварявшие эти удары, не получили вообще правовой оценки. Они и не были включены в состав покушения, и не явились частью иного

[1] Приговор по уголовному делу № 1-74/2011 // Сайт Моршанского районного суда Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://morshansky.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=sf&delo_id=1540005# (дата обращения 01.02.2013 г.).

состава преступления. Вопрос о том, в каком качестве их рассматривал судебный орган, остается загадкой.

В завершение сказанного о покушении на убийство следует констатировать, что данное преступление является единым и простым, совершающимся с прямым умыслом, однородным деянием, посягающим на жизнь человека и правоотношения, направленные на охрану безопасного доступа к жизни человека. Даже то формальное обстоятельство, что оно криминализировано нормами более чем одной статьи УК РФ, не позволяет нам считать иначе. Такова структура норм уголовного закона, в силу которой запрет на совершение в целом неоконченных преступлений содержится в Общей части УК РФ.

Хотелось бы также отметить, что в результате проведенного анализа вывод о принадлежности к единым простым преступлениям был получен в отношении обоих рассматриваемых преступлений. И приведенные выше примеры иной их квалификации, содержащие внутренние противоречия, лишь подтверждают этот вывод. Такую структуру преступных деяний стоит, наравне с прочими, назвать одним из оснований существования феномена смешения угроз убийством и покушений на убийство, наблюдаемого в судебной практике. Причем следствия такого феномена неодинаковы для каждого из двух составов.

Так, в рамках исследованной выборки судебных актов к ним можно отнести:

- количественно сопоставимые модели совершения преступлений, состоящие в применении к потерпевшему в одной обстановке психического (выражение угроз) и физического (причинение телесных повреждений) насилия, ставшие предметами рассмотрения в каждой из условных групп судебных актов (30,6 % и 34,5 % соответственно);

- наличие пяти разных подходов к квалификации угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, совершенных в одной обстановке с

причинением телесных повреждений потерпевшему (в первой условной группе судебных актов);

- наличие разных вариантов квалификации угроз убийством, выраженных до, во время и после причинения телесных повреждений потерпевшему (во второй условной группе судебных актов);

- наблюдаемые случаи изменения судебными органами первоначальной квалификации преступного деяния с покушения на убийство на угрозы убийством (причем примеры изменения квалификации в обратном направлении в ходе исследования получены не были).

Предложения, направленные на минимизацию негативных последствий данного феномена, будут представлены вашему вниманию в заключении настоящей работы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе исследования сравниваемых составов в отношении угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью были обнаружены два принципиально разных подхода: отталкивающийся от содержания и расположения правовой нормы в Особенной части УК РФ (формальный) и базирующийся на комплексном подходе к угрозе как к общественно опасному социально-правовому явлению. Несмотря на распространенность первого подхода в теории уголовного права и в судебной практике, он противоречив, и вследствие этого – несостоятелен.

Часть элементов и признаков состава при формальном подходе по сути замещаются содержанием аналогичных элементов и признаков состава покушения на убийство. Речь идет об объекте состава, о признаке реальной опасности, отличающем деяние в составе объективной стороны состава и о цели в составе субъективной стороны состава преступления. При названных условиях они определяются следующим образом:

1) как правоотношения, направленные на охрану безопасности жизни человека – непосредственные объекты угрозы убийством и покушения на убийство;

2) как создающие реальную опасность причинения вреда непосредственному объекту охраны характеризуются деяния, включенные в объективные стороны анализируемых составов преступлений;

3) в качестве действительной преподносится цель лишить жизни потерпевшего, которой руководствуется виновное лицо при совершении угрозы убийством или при совершении покушения на убийство.

Данное обстоятельство ведет к смешению представления о самостоятельности каждого из двух преступлений, рассматриваемых в настоящей работе, в том числе – и к определению единой видовой принадлежности составов к составам опасности. Феномен смешения угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушения на

убийство лежит не только в теоретической плоскости, но и в правоприменительной практике, поскольку формальный подход к угрозе воспринят судебными органами (именно он основан на действующем уголовном законе).

Между тем, в рамках полученной выборки обнаружены и акты, демонстрирующие желание судов установить некий компромисс между формальной квалификацией деяний, предписанной нормами статьи 119 УК РФ, и реальной их природой. Об этом, в числе прочего, свидетельствуют выводы о выражении угроз подсудимыми с целью оказать психическое воздействие на потерпевших (29,3 % первой условной группы), о наличии оснований для компенсации морального вреда адресантом угрозы вследствие причинения страданий ее адресату, отсутствие суждений об установлении реальной опасности причинения вреда жизни либо здоровью потерпевшего вследствие выражения угрозы, а также отсутствие указаний на цель действий подсудимого, не нашедшей отражения более чем в 70 % судебных актов первой условной группы.

Следует обратить внимание на то, что в процессе применения запрета на совершение угрозы судебные органы столкнулись с необходимостью правовой оценки достаточно специфичных (в отношении норм статьи 119 УК РФ) деяний: угроз, сопровождаемых демонстрацией оружия либо орудий, используемых в качестве оружия, причинением телесных повреждений потерпевшему, угроз в отношении двух и более лиц, в отношении родных и близких адресата, угроз, совершенных из хулиганских побуждений. Ввиду отсутствия соответствующих квалифицирующих признаков в тексте уголовного закона, все данные угрозы получали правовую оценку по ч. 1 ст. 119 УК РФ. Правоприменитель не имел возможности отразить данные существенные, на наш взгляд, признаки угрозы столь привычным способом. Однако, некоторые из них были зафиксированы иначе – в качестве обстоятельств, свидетельствующих о реальной опасности угрозы (не во всех случаях, в которых они фактически имели место быть).

Для описанной ситуации уместно привести замечание Ю.В. Голика о том, что «смысл закона конкретизируется благодаря всем случаям его использования»[1]: путем анализа случаев использования норм статьи 119 УК РФ уяснить их смысл весьма нелегко, поскольку сейчас в равной степени неудачно они обеспечивают охрану формального и действительного объекта.

Нет сомнений в том, что озвученная выше проблема нуждается в адекватном решении, которое должно быть подчинено цели обособления составов угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушения на убийство друг от друга, более четкой прорисовке их самостоятельных структур. И, на наш взгляд, начало решения проблемы – в уточнении содержания элементов и признаков состава преступления, предусмотренного статьей 119 УК РФ, согласно с действительной природой таких деяний.

Непосредственным объектом состава угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровья следует считать правоотношения, направленные на охрану свободы волеизъявления человека, поскольку данная угроза (как и любая иная) представляет собой воздействие страхом, направленное на формирование такого впечатления, в силу которого адресант угрозы связывает возможность наступления для себя неблагоприятных последствий с волеизъявлением угрожающего, и в этом плане ощущает себя зависимым от него.

Деяние, включенное в объективную сторону состава названной угрозы, не отличает способность создавать реальную опасность причинения вреда объекту охраны, оно криминализовано в связи с причинением непосредственного вреда свободе волеизъявления человека. Соответственно, состав преступления является формальным, а не составом опасности. Формирование такого представления о признаке реальной опасности, в настоящее время легально отличающем криминальную угрозу, возможно

[1] Полный курс уголовного права: в 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. С.243 (автор главы – Ю.В. Голик).

лишь после четкого уяснения выполняемой им функции. Как показывает полученная выборка судебных актов, в категорию преступлений попадают только те угрозы, в которых, по мнению конкретного правоприменителя, имеются в наличии «основания опасаться их осуществления». При этом констатируется наличие признака в отношении широкого круга моделей совершения преступления: от собственно выражений угроз в адрес потерпевшего до угроз, сопровождающихся причинением последнему телесных повреждений. Вместе с тем, объективно отсутствуют признаки, которые бы позволили составить представление о степени общественной опасности угрозы, криминализованной в соответствии со статьей 119 УК РФ (за исключением ее действительности и конкретности).

Такая ситуация во многом парадоксальна. А.И. Марцев справедливо отмечал, что общественная опасность первична по отношению к признаку формальной запрещенности преступления, а обратные ситуации содержат методологическую ошибку и представляют собой попытки «спрятать» общественную опасность преступления[1].

По его мнению, любое преступление, во-первых, производит определенные изменения в социальной действительности (причиняет вред конкретному объекту или создает угрозу его причинения), а во-вторых, таит в себе угрозу качественного изменения условий существования общества. Что соотносится с первичными и вторичными последствиями преступного поведения[2]. Причинение же (либо угроза причинения) вреда объекту правовой охраны есть лишь предпосылка общественной опасности, а именно – общественная вредность преступления. В то время как общественная опасность может оцениваться и восприниматься лишь в весьма обобщенном виде, оценка тяжести совершенного преступления основывается на ценности объекта, на который направлено деяние, и на том, какой ущерб причинен этому объекту. Таким образом, суд при назначении наказания оценивает не

[1] Марцев А.И. Общественная опасность и общественная вредность преступления … С. 150.
[2] Там же. С.148.

общественную опасность как таковую, а общественную вредность деяния, поддающуюся любым измерениям[1].

Замечания, сделанные А.И. Марцевым, говорят в пользу того, что признак реальной опасности деяния, закрепленный в тексте ч. 1 ст. 119 УК РФ, в настоящее время подменяет признак общественной опасности. Но такая подмена не позволяет определить место данного преступления по отношению к иным, запрещенным уголовным законом, деяниям (что ярко показано при освещении вопроса о применении правил поглощения преступлений), не позволяет учесть должным образом различные проявления криминальных угроз (часто встречающиеся в практике, но не учтенные в тексте уголовного закона). Устранить последний из пробелов возможно путем расширения перечня квалифицирующих признаков (наличие единственного из них в ч. 2 ст. 119 УК РФ уже давно не удовлетворяет потребностям квалификации) за счет, например, следующих, не получивших должной оценки в рамках выборки судебных актов: сопровождения выражения угроз демонстрацией оружия либо предметов, используемых в качестве оружия, совершения угроз в отношении двух и более лиц, в отношении родных и близких потерпевшего, из хулиганских побуждений.

Помимо этого, следует скорректировать положение норм о криминальной угрозе в структуре уголовного закона и исключить тот принцип, в силу которого объект посягательства устанавливается на основе ее содержания. В противном случае распространять его возможно до бесконечности. Это возможно путем расширения содержания криминальной угрозы за счет угроз совершения в отношении лица любого преступного деяния и перемещения норм о криминальной угрозе в Главу 17 УК РФ о преступлениях против свободы, чести и достоинства личности сообразно с действительным объектом посягательства. Дополнительно в составе нормы следует обратить внимание на действительную цель совершения угроз – ограничение волеизъявления человека. Акцент на этом помог бы обособить

[1] Там же. С.153.

криминальные угрозы-деяния от угроз-способов совершения преступлений, включая психические формы воздействия при убийстве.

Такие изменения сообразуются с зарубежным опытом криминализации угроз: аналогичные нормы расположены в главах о преступлениях против свободы, чести и достоинства личности (глава 17 УК Республики Армения, глава 22 УК Республики Беларусь), о преступлениях против личной свободы (раздел XVIII УК Голландии, глава 26 УК Дании и т.д.), а большинство запретов распространяются на выражение угроз иному лицу совершением любого преступления, которое может быть направлено против него лично, против его имущества либо против личности или имущества его близких (ч. 1 ст. 144 УК Республики Болгария, ст. 222 УК Японии и т.д.). Неизбежно они ведут к корректировке правовых норм, криминализующих совершение угроз.

Для цели обособления каждого из сравниваемых составов преступлений состав покушения на убийство может являться лишь «индикатором» того, что наивысшая ценность – жизнь человека – и связанные с ней правоотношения, направленные на обеспечение безопасного доступа к ней, уже поставлены под охрану. В структуре состава покушения на убийство довольно ясно определена роль признака реальной опасности, который собственно характеризует деяние в составе объективной стороны преступления как способное создать реальную опасность причинения вреда непосредственному объекту охраны (именно поэтому состав покушения на убийство является составом опасности), и содержание субъективной стороны состава (она отличается прямым умыслом и целью лишить жизни потерпевшего).

Проблемой для данного состава, однако, остается установление критериев наличия признака реальной опасности в действиях субъекта преступления. По своей природе признак является оценочным, и, несмотря на некоторые легальные ориентиры[1], не отличается конкретностью. Его

[1] Имеется в виду Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

идентификация на практике привязана к анализу ряда обстоятельств совершения преступного деяния, носящих объективный и субъективный характер. Причем критерии наличия реальной опасности причинения вреда могут меняться с течением времени, а равно корректироваться правоприменителем. Несомненно, за рамками исследованной выборки судебных актов перечень таких обстоятельств[1] выглядит иначе.

К тому же, создание опасности причинения вреда жизни человека может характеризовать не только покушение на убийство, но и действие лица в состоянии необходимой обороны. В случае установления признака в действиях обоих сторон конфликта (включая действия потерпевшего, оставшегося в живых), он позволяет либо существенно снизить уровень общественной опасности действий подсудимого (до предусмотренной ч. 1 ст. 114 УК РФ), либо вовсе исключить ее вкупе с противоправностью (как это указано в п.п. 2, 2.1 ст. 37 УК РФ). Вопрос установления указанного признака приобретает поэтому особенную значимость, в связи с чем ему следовало бы посвятить материалы обобщения судебной практики Верховного Суда РФ.

В завершении настоящей работы приведу цитату известного норвежского криминолога Нильса Кристи, характеризующего современное состояние феномена преступности следующим образом: «Гнев и страх, вызванные действиями, которые современное общество склонно воспринимать как злодеяния, становятся движущей силой в борьбе со всеми видами преступлений. Это новая ситуация, характеризуемая неиссякаемостью источника поступков, которые можно определить как преступления»[2]. В русле данного взгляда устранение неопределенностей в понимании того, что же общество на данном этапе своего развития считает криминальной и опасной угрозой, приобретает качество не целесообразности, а необходимости.

---

[1] См. подробнее Приложение № 12.

[2] Кристи Н. Контроль над преступностью как индустрия. Вперед к ГУЛАГу западного образца / под общ. ред. Я. И. Гилинского; ред. и авт. прим. Ю. Чижов; пер. с англ. А. Петрова (гл. 1, 2, 4, 5, 7), В. Пророковой (гл. 3-12). 3-е изд. – СПб.: Алетейя, 2012. С.15-16.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Источники

1. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // «Библиотечка «Российской газеты». 1995. № 11.

2. Гражданский кодекс РФ. Часть первая от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32, ст. 3301.

3. Гражданский Кодекс РФ. Часть вторая от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 г. № 5, ст. 410.

4. Уголовный Кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25, ст. 2954.

5. Уголовный кодекс Австралии / Науч. Ред. И.Д. Козочкин, Е.Н. Трикоз. Перевод Е.Н. Трикоз. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002.

6. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики // Центр документов Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ [Электронный ресурс]. URL: http://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14108/preview (дата обращения 01.07.2012 г.).

7. Уголовный кодекс Республики Армения // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus (дата обращения: 01.07.2012 г.).

8. Уголовный кодекс Республики Беларусь // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=hk9900275&p2={NRPA} (дата обращения: 01.07.2012 г.).

9. Уголовный кодекс Республики Болгария / Науч. ред. А.И. Лукашов. Перевод Д.В. Милушев, А.И. Лукашов. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001.

10. Уголовный кодекс Голландии / Науч. ред. Б.В. Волженкин. Перевод И.В. Миронова. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001.

11. Уголовный кодекс Грузии / Науч. ред. З.К. Бигвава. Перевод И. Мериджанашвили. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002.

12. Уголовный кодекс Дании / Науч. ред. С.С. Беляев. Перевод С.С. Беляев, А.Н. Рычева. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001.

13. Закон об уголовном праве Израиля. Перевод с иврита / Науч. ред. Н.И. Манцев. Перевод М. Дофман. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2005.

14. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. Доступ из информационной системы «Параграф».

15. Уголовный кодекс Китайской народной Республики / Науч. ред. А.И. Коробеев. Перевод Д.В. Вичиков. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001.

16. Уголовный кодекс Кыргызской Республики // Центр документов Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ [Электронный ресурс]. URL: http://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14305/preview (дата обращения 01.07.2012 г.).

17. Уголовный кодекс Латвийской Республики / Науч. ред. А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой. Перевод А.И. Лукашова. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001.

18. Уголовный кодекс Литовской Республики / Науч. ред. В. Павилонис. Перевод В.П. Казанскене, В.Й. Павилонис. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002.

19. Уголовный кодекс Республики Молдова // Государственный регистр правовых актов Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=331268&lang=2 (дата обращения: 01.07.2012 г.).

20. Уголовный кодекс Республики Польша / Науч. ред. А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова. Перевод Д.А. Барилович. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001.

21. Уголовный кодекс Республики Таджикистан // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: http://mmk.tj/ru/legislation/legislation-base/codecs/ (дата обращения: 01.07.2012 г.).

22. Уголовный кодекс Туркменистана // Центр документов Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ [Электронный ресурс]. URL: http://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14380/preview (дата обращения 01.07.2012 г.).

23. Уголовный кодекс Республики Узбекистан // Официальный сайт Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: http://www.parliament.gov.uz/upload/files/laws/UGKODEKS.pdf (дата обращения: 01.07.2012 г.).

24. Уголовный кодекс Украины // Центр документов Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ [Электронный ресурс]. URL: http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes (дата обращения 01.07.2012 г.).

25. Уголовный кодекс Франции / Науч. ред. Л.В. Головко, Н.Е. Крылова. Перевод Н.Е. Крылова. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002.

26. Уголовный кодекс Швейцарии / Науч. ред. и пер. А.В. Серебренникова. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002.

27. Уголовный кодекс Швеции / Науч. ред. Н.Ф. Кузнецова, С.С. Беляев. Перевод С.С. Беляев. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001.

28. Уголовный кодекс Эстонской Республики / Науч. ред. и перевод В.В. Запевалова. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001.

29. Уголовный кодекс Японии / Науч. ред. А.И. Коробеев. Перевод В.Н. Еремин. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002.

30. Федеральный закон от 07.12.2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 12.12.2011 года № 50, ст.7362.

31. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // «Российская газета» от 23 ноября 2011 г., № 263.

32. Федеральный закон от 24.07.2007 года № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Собрание законодательства Российской Федерации от 30.07.2007 года № 31, ст.4008.

33. Постановление Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека» // «Российская газета» от 25 сентября 2012 г. № 220.

34. Приказ Минздрава РФ от 4 марта 2003 г. № 73 «Об утверждении Инструкции по определению критериев и порядка определения момента смерти человека, прекращения реанимационных мероприятий» // «Российская газета» от 15 апреля 2003 г., № 72.

35. Приказ МВД России от 26.12.2011 № 1310 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

2. Материалы судебной практики

1. Приговор по уголовному делу № 2-18/2010 // Сайт Воронежского областного суда [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=228814&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения 01.02.2013 г.).

2. Приговор по уголовному делу № 1-1/2012 // Сайт Грибановского районного суда Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: http://gribanovsky.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_

op=doc&number=31905487&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения 01.02.2013 г.).

3. Приговор по уголовному делу № 1-16/2011 // Сайт Елецкого городского суда Липецкой области [Электронный ресурс]. URL: http://eletsgorsud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=17946864&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения 29.01.2013 г.).

4.Приговор по уголовному делу № 1-75/2011 // Сайт Жердевского районного суда Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://zherdevsky.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=sf&delo_id=1540005# (дата обращения 01.02.2013 г.).

5. Приговор по уголовному делу № 1-58/2010 // Сайт Кирсановского районного суда Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://kirsanovsky.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=sf&delo_id=1540005# (дата обращения 07.02.2013 г.).

6. Приговор по уголовному делу № 1-37/2011 // Сайт Котовского городского суда Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://kotovsky.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=&name_op=sf&delo_id=1540005# (дата обращения 07.02.2013 г.).

7. Приговор по уголовному делу № 1-84/2012 // Сайт Левобережного районного суда г. Липецка [Электронный ресурс]. URL: http://levsud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=22250410&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения 29.01.2013 г.).

8. Приговор по уголовному делу № 1-293/2012 // Сайт Левобережного районного суда г. Воронежа [Электронный ресурс]. URL: http://levoberezhny.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=23534491&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения 01.02.2013 г.).

9. Приговор по уголовному делу № 1-А73/2011 // Сайт Липецкого районного суда Липецкой области [Электронный ресурс]. URL: http://lipraisud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=doc&number=3249337&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения 29.01.2013 г.).

10. Постановление о прекращении уголовного дела № 1-53/2011 // Сайт мирового судьи Воловского судебного участка Липецкой области [Электронный ресурс]. URL: http://volovo.lpk.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=2203061&delo_id=1540006 (дата обращения 29.01.2013 г.).

11. Постановление о прекращении уголовного дела № 1-31/2011 // Сайт мирового судьи Грязинского судебного участка № 1 Липецкой области [Электронный ресурс]. URL: http://gryazi1.lpk.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=5200114&delo_id=1540006 (дата обращения 29.01.2013 г.).

12. Постановление о прекращении уголовного дела // Сайт мирового судьи Грязинского судебного участка № 1 Липецкой области [Электронный ресурс]. URL: http://gryazi1.lpk.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo& op=sd&number=5200114&delo_id=1540006 (дата обращения 29.01.2013 г.).

13. Постановление о прекращении уголовного дела // Сайт мирового судьи Грязинского судебного участка № 1 Липецкой области [Электронный ресурс].URL: http://gryazi1.lpk.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=5200418&delo_id=1540006 (дата обращения 29.01.2013 г.).

14. Постановление о прекращении уголовного дела № 1-68/2012 // Сайт мирового судьи Данковского судебного участка № 1 Липецкой области [Электронный ресурс]. URL: http://dankov1.lpk.msudrf.ru/ modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=4439193&delo_id=1540006 (дата обращения 29.01.2013 г.).

15. Приговор по уголовному делу № 1-11/2013 // Сайт мирового судьи судебного участка № 1 Верхнемамонского района Воронежской области

[Электронный ресурс]. URL: http://vmamon1.vrn.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=8458559&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

16. Приговор по уголовному делу № 1-5/2013 // Сайт мирового судьи судебного участка № 1 Верхнемамонского района Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: http://vmamon1.vrn.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=8458553&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

17. Постановление о прекращении уголовного дела № 1-24/2011 // Сайт мирового судьи судебного участка Знаменского района Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://znam.tmb.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=1672713&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

18. Приговор по уголовному делу № 1-57/2012 // Сайт мирового судьи судебного участка № 1 Каширского района Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: http://kashira1.vrn.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=7227444&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

19. Приговор по уголовному делу // Сайт мирового судьи судебного участка № 2 Кирсановского района Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://2kirs.tmb.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=1440721&delo_id=1540006 (дата обращения 07.02.2013 г.).

20. Приговор по уголовному делу // Сайт мирового судьи судебного участка № 2 Левобережного района г. Воронежа [Электронный ресурс] URL: http://levober2.vrn.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=2446431&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

21. Постановление о прекращении уголовного дела // Сайт мирового судьи Судебного участка № 2 Левобережного района г. Воронежа [Электронный ресурс]. URL: http://levober2.vrn.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=1110689&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

22. Приговор по уголовному делу № 1-31/2012 // Сайт мирового судьи судебного участка Мучкапского района Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://muchk.tmb.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=3810844&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

23. Постановление о прекращении уголовного дела // Сайт мирового судьи судебного участка № 1 г. Нововоронежа Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: http://nvoronezh1.vrn.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=3332714&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

24. Постановление о прекращении уголовного дела // Сайт мирового судьи Судебного участка № 2 Новохоперского района Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: http://nhopersk2.vrn.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=5821983&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

25. Постановление о прекращении уголовного дела № 1-71/2011 // Сайт мирового судьи Судебного участка № 5 Октябрьского округа г. Тамбова [Электронный ресурс]. URL: http://5okt.tmb.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=2158127&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

26. Приговор по уголовному делу № 1-38/2011 // Сайт мирового судьи судебного участка № 6 Октябрьского округа г. Липецка [Электронный ресурс]. URL: http://oktyabr6.lpk.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number= 3254350&delo_id=1540006 (дата обращения 29.01.2013 г.).

27. Постановление о прекращении уголовного дела // Сайт мирового судьи судебного участка № 1 Семилукского района Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: http://semiluk1.vrn.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=4836136&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

28. Приговор по уголовному делу // Сайт мирового судьи судебного участка № 1 Сосновского района Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL:

http://1sosnov.tmb.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=3209136 &delo_id=1540006 (дата обращения 07.02.2013 г.).

29. Приговор по уголовному делу № 1-24/2012 // Сайт мирового судьи судебного участка № 2 Тамбовского района Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://2tambrn.tmb.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=3642308&delo_id=1540006 (дата обращения 01.02.2013 г.).

30. Приговор по уголовному делу № 1-54/2011 // Сайт мирового судьи Тербунского судебного участка Липецкой области [Электронный ресурс]. URL: http://terbun.lpk.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=1529295&delo_id =1540006 (дата обращения 29.01.2013 г.).

31. Постановление о прекращении уголовного дела № 1-21/2011 // Сайт мирового судьи Усманского судебного участка № 3 Липецкой области [Электронный ресурс]. URL: http://usman3.lpk.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=4503442&delo_id=1540006 (дата обращения 29.01.2013 г.).

32.Постановление о прекращении уголовного дела № 1-32/2012 // Сайт мирового судьи Чаплыгинского судебного участка № 2 Липецкой области [Электронный ресурс]. URL: http://chaplygin2.lpk.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=4251927&delo_id=1540006 (дата обращения 29.01.2013 г.).

33. Приговор по уголовному делу № 1-197/2012 // Сайт Мичуринского городского суда Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://michurinskygs.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=sf&delo_id= 1540005# (дата обращения 07.02.2013 г.).

34. Приговор по уголовному делу № 1/123-2012 // Сайт Мичуринского городского суда Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://michurinskygs.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=7679761&delo_id=1540006 (дата обращения 07.02.2013 г.).

35. Приговор по уголовному делу № 1-30/2011 // Сайт Мордовского районного суда Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://mordovsky.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=sf&delo_id=1540005# (дата обращения 07.02.2013 г.).

36.Приговор по уголовному делу № 1-74/2011 // Сайт Моршанского районного суда Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: http://morshansky.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=sf&delo_id=1540005# (дата обращения 01.02.2013 г.).

37. Приговор по уголовному делу № 1-69/2011 // Сайт Нововоронежского городского суда Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: http://novovoronezhsky.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=26124573&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения 01.02.2013 г.).

38. Приговор по уголовному делу № 1-144/2012 // Сайт Правобережного районного суда г. Липецка [Электронный ресурс]. URL: http://pravsud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=22610183&delo_id=1540006 (дата обращения 29.01.2013 г.).

40. Приговор по уголовному делу № 1-189/2012 // Сайт Правобережного районного суда г. Липецка [Электронный ресурс]. URL: http://pravsud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=22768412&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения 29.01.2013 г.).

41. Приговор по уголовному делу № 1-111/2012 // Сайт Рамонского районного суда Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: http://ramonsky.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=33056037_&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения 01.02.2013 г.).

42. Приговор по уголовному делу № 2-8/2011 // Сайт Тамбовского областного суда [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.tmb.sudrf.ru/

modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=7032307&delo_id=1540006 (дата обращения 07.02.2013 г.).

43. Приговор по уголовному делу № 2-10/2011 // Сайт Тамбовского областного суда [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=7032339&delo_id=1540006 (дата обращения 07.02.2013 г.).

44. Приговор по уголовному делу № 2-14/2012 // Сайт Тамбовского областного суда [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=7451961&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения 07.02.2013 г.).

45. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 8.

46. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 2007 года (утв. постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2008 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

47. Обобщение судебной практики по уголовным делам о хулиганстве, рассмотренным районными судами г. Астрахани и Астраханской области в 2007 году. Текст официально опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

48. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве», пункт 3 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

49. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», пункт 12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

50. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от

27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

51. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

52. Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда СССР и РСФСР (РФ) по уголовным делам. – М., 1999.

53. Справка по результатам изучения судебной практики рассмотрения уголовных дел о преступлениях, связанных с применением насилия или угрозой его применения // Официальный сайт Ставропольского краевого суда [Электронный ресурс].URL: http://www.stavsud.ru/dokumenty-suda/obzory-sudebnoj-praktiki/sudebnaja-praktika/sudebnaja-praktika-po-ugolovnym-delam/za-2012-god/spravka-po-rezultatam-izuchenija-sudebnoj-praktiki-rassmotrenija-ugolovnyh-del-o-prestuplenijah-svjazannyh-s-primeneniem-nasilija-ili-ugrozoj-ego-(датаобращения 29.04.2013 г.).

3. Научная и учебная литература.

Монографии и специальная литература

1. Бородин С.В. Квалификация убийств по советскому уголовному праву. – М.: МВШ МООП РСФСР, 1963.

2. Бородин С.В. Ответственность за убийство: классификация и наказание по российскому праву. – М., 1994.

3. Бородин С.В. Преступления против жизни. – М.: Юристъ, 1999.

4. Винокуров В.Н. Объект преступления: теория, законодательство, практика: монография. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010.

5. Владимиров Л.Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть. – Харьков, 1889.

6. Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. – М., 1969.

7. Герцензон А.А. Уголовное право. Часть общая / А.А. Герцензон. – М., 1948.

8. Герцензон А. А. Уголовное право: Часть Общая // Учебное пособие для слушателей. – М., 1948.

9. Голик Ю.В. Истина в уголовном праве: Аналитический доклад. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2013.

10. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. – М., 1967.

11. Дурманов Н.Д. Уголовная ответственность за преступления против общественного порядка и здоровья населения. – М., 1962.

12. Есипов В.В. Очерки русского уголовного права. Часть Общая. – Варшава, 1894.

13. Жукова Т.Г. Уголовная ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление. М.: Илекса, 2007.

14. Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. – М., 1961.

15. Иванов В.Д. Стадии совершения преступления / В.Д. Иванов, С.Х. Мазуков. – Ростов-на-Дону, 1998.

16. Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. – СПб, 1866.

17. Капитонов С.А. Правообеспечительная функция милиции. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.

18. Караулов В.Ф. Стадии совершения преступления: Учебное пособие. – М., 1982.

19. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник уголовного права. Общая часть. – Киев, 1875.

20. Козлов А.П. Понятие преступления. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.

21. Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2002.

22. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: (постатейный) [Электронный ресурс] / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. – ВолтерсКлувер, 2005. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

23. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс] / Отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2007. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

24. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / ИГП РАН; Под ред. и вступ. ст. А.В. Наумова. М.: Юристъ, 1996.

25. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс] под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. – СПб.: «Питер», 2007. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

26. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. – М., 1996.

27. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс] под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: «Юрайт-Издат», 2010. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

28. Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений: Учебное пособие. – Волгоград: Издательство НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1976.

29. Красиков А.Н. Преступления против личности: учеб. пособие. Саратов, 1999.

30. Красиков Ю.А., Алакаев А.М. Понятие преступления. Множественность преступлений. Лекции 2-3. – М., 1996.

31. Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву. – М., 1958.

32. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М.: Издательство Московского университета, 1969.

33. Криминология. Учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. – М.: НОРМА, 2000.

34. Кристи Н. Контроль над преступностью как индустрия. Вперед к ГУЛАГу западного образца / под общ. ред. Я.И. Гилинского; ред. и авт. прим. Ю. Чижов; пер. с англ. А. Петрова (гл. 1, 2, 4, 5, 7), В. Пророковой (гл. 3-12). 3-е изд. – СПб.: Алетейя, 2012.

35. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юридическая литература, 1972.

36. Курс советского уголовного права: в 2-х т. Т.2. – М., 1970.

37. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т.1. – М., 1980.

38. Курс уголовного права. Особенная часть. / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. В 5-ти т. Т.3. – М., 2002.

39. Курс уголовного права. Общая часть. Т.1 / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999.

40. Курс уголовного права. Общая часть. В 5-ти т. Т.1. Учение о преступлении: Учебник для ВУЗов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002.

41. Левертова Р.А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву: учеб. пособие. Омск: Издательство НИиРИО Ом. ВШМ МВД СССР, 1978.

42. Лопашенко Н.А. Убийства: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013.

43. Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. – СПб, 1871.

44. Максаров Д.Д. Выявление лиц, замышляющих или подготавливающих преступление, - одно из условий предотвращения преступлений / Д.Д. Максаров. – М., 1964.

45. Малков В.П. Совокупность преступлений. Вопросы квалификации и назначения наказания. – Казань: Изд-во Казан.ун-та, 1974.

46. Марцев А.И. Избранные труды. – Омск: Омская академия МВД России, 2005.

47. Матышевский П.С. Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. – М.: Юридическая литература, 1964.

48. Назаренко Г.В. Русское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. – М., 2000.

49. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. – М., 1996.

50. Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование [Электронный ресурс]. – М.: ВолтерсКлувер, 2005. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

51. Научно-практическое пособие по применению Уголовного кодекса Российской Федерации / Под ред. В.М. Лебедева. – М.: НОРМА, 2005.

52. Плаксина Т.А., Ярцева Л.С. Объективные признаки убийства: общая характеристика: монография. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009.

53. Плаксина Т.А., Ярцева Л.С. Субъективные признаки убийства: общая характеристика: монография. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013.

54. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1961.

55. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права: Уголовный закон. В 6-ти томах: Часть Общая. Т.1. / Под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. – М., 1970.

56. Побегайло Э.Ф. Избранные труды. – СПб.: Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2008.

57. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. [Электронный ресурс] / Под ред. А.И. Чучаева. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

58. Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практическое пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. - М.: «Проспект», 2009. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант. Платформа F1».

59. Российское уголовное право. Особенная часть: Учебник. / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Юристъ, 1997.

60. Русское уголовное право. Особенная часть. Вып. 1. – СПб., 1913.

61. Семернева Н.К. Стадии совершения преступления. Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов. Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. – М., 1997.

62. Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М.: Юрлитинформ, 2002.

63. Сидоров Б.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминалистическое значение. Социально-психологическое и правовое исследование. Казань: Изд-во Казан.ун-та, 1978.

64. Ситникова А.И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление. М.: Ось-89, 2006.

65. Советское уголовное право. Особенная часть / Под ред. П.И. Гришаева, Б.В. Здравомыслова. – М., 1988.

66. Советское уголовное право. Часть Особенная / Отв. ред. М.И. Ковалев. – М., 1983.

67. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая: лекции / Н.С. Таганцев. – М., 1994.

68. Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1977.

69. Ткаченко В.И. Преступления против личности: Учебное пособие. – М., 1981.

70. Ткаченко В.И. Квалификация преступлений против общественного порядка. Учебное пособие.– М.: Издательство ВЮЗИ, 1982.

71. Уголовное право буржуазных стран. Общая часть: Сборник законодательных актов / Под ред. А.И. Игнатова. – М., 1990.

72. Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть / Под ред. И.Д. Козочкина. – М., 2004.

73. Уголовное право. Общая часть. – М.: Спарк, 1997.

74. Уголовное право. Общая часть: Учебник. Авторы: Ветров Н.И., Габдрахманов Р.Л., Динека В.И. и др. / Отв. ред. Ветров Н.И., Ляпунов Ю.И. – М.: Новый Юрист, 1997.

75. Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Б.В. Здравомыслова, Ю.А. Красикова, А.И. Рарога. – М., 1994.

76. Уголовное право России. Общая часть. Учебник для вузов. В 2-х т. Т.1. / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М.: НОРМА, 2000.

77. Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: Учебник/ Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2005.

78. Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – 2-е изд, перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2008.

79. Уголовное право России. Общая и Особенная части. Учебник / Под ред. Н.Г. Кадникова. – М.: Городец, 2006.

80. Уголовное право. Общая часть: учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2008.

81. Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов. / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А.Незнамова. – М., 1997.

82. Уголовное право. Часть Общая: Учебник для вузов / Под ред. Л.Л. Кругликова. – 2-е изд, перераб. и доп. – М.: ВолтерсКлувер, 2005.

83. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2009.

84. Уголовное право. Части Общая и Особенная: курс лекций / Под ред. А.И. Рарога. – М.: Проспект, 2005.

85. Уголовное право России. Общая часть. Учебник / Под ред. В.П. Ревина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юстицинформ, 2010.

86. Уголовное право России. Особенная часть. Учебник для вузов. В 2-х т. Т.2. / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М.: НОРМА, 2010.

87. Уголовное право. Особенная часть: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М.: ИНФРА-М, 2008.

88. Уголовное право России. Часть Особенная. Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Л.Л. Кругликова. – М.: ВолтерсКлувер, 2005.

89. Уголовное право России. Особенная часть. Учебник. 2-е изд., испр и доп. / Под ред. В.П. Ревина. – М.: Юстицинформ, 2010.

90. Уголовно-правовая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: учеб. пособие / С.В. Изосимов, М.А. Овчинников. – Н. Новгород: Изд-во Волго-Вят. акад. гос. службы, 2006.

91. Философия уголовного права / Сост., ред. и вступ. статья докт. юрид. наук, проф. Ю.В. Голика. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.

92. Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. – М., 1998.

93. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. – СПб., 1893.

94. Шадрина Л.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013.

4. Диссертации

1. Анисимов А.А. Неоконченные преступления и особенности их доказывания: дисс. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2003.

2. Бабичев А.Г. Убийство (ч.1 ст.105 УК России): уголовно-правовой и криминологический аспекты: дисс. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.

3. Данелян Л.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (по материалам Тюменской области): дисс. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2011.

4. Дук Ю.И. Криминологическое значение места совершения корыстно-насильственных преступлений: дисс. … канд. юрид. наук. Елец, 2009.

5. Костров Г.К. Уголовно-правовое значение угрозы: дисс. … канд. юрид. наук. М., 1970.

6. Краев Д.Ю. Убийство, сопряженное с иными преступлениями: законодательная регламентация и квалификация: дисс. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2009.

7. Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России: дисс. … канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002.

8. Лукьянова И.В. Угроза как преступление в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

9. Мазуков С.Х. Уголовно-правовая защита личности от угрозы убийством: по материалам Кабардино-Балкарской республики: дисс. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1997.

10. Овчинников М.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический анализ: дисс. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006.

11. Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: дисс. … докт. юрид. наук. Томск, 2006.

12. Решетников А.Ю. Покушение на преступление в российском уголовном праве: дисс. … канд. юрид. наук. М, 2007.

13. Ростов К.Т. Методология регионального анализа преступности в России: дисс. … докт. юрид. наук. Санкт-Петербург, 1998.

14. Фомичева М.А. Угроза как способ совершения преступления: дисс. … канд. юрид. наук. Ульяновск, 2007.

15. Чернокозинская С.В. Приготовление к преступлению: понятие, основания, и принципы криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказания: дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 2005.

16. Ярошенко О.Н. Убийство: понятие и квалификация: дисс. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003.

5. Авторефераты диссертаций

1. Абсатаров Х.Х. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью как преступление против личности: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2005.

2. Данелян Л.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (по материалам Тюменской области): автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2011.

3. Коростылев О.И. Уголовно-правовая характеристика угрозы: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.

4. Левин П.Н. Уголовная ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2006.

5. Овчинников М.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический анализ: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006.

6. Петрунев В.П. Ответственность за угрозу убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества по советскому уголовному законодательству: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 1970.

7. Редин М.П. Преступления по степени их завершенности в российском праве (понятие, система преступлений, ответственность, концепция совершенствования законодательства): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2005.

8. Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 1979.

9. Стерехов Н.В. Ответственность за угрозу по советскому уголовному праву (вопросы теории и практики): автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1972.

10. Хабарова М.В. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический аспекты (по материалам

судебной практики Краснодарского края): автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.

6. Научные статьи

1. Бабаев М., Пудовочкин Ю. «Мертвые» нормы в Уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. 2010. № 6.

2. Баймакова Н.Н. Оконченное преступление и момент окончания преступления // Российская юстиция. 2010. № 9.

3. Балашов С. Причинная связь: теоретические основы и судебная практика // Уголовное право. 2009. № 2.

4. Винокуров В. Понимание объекта преступления как общественных отношений и применение уголовного закона // Уголовное право. 2011. № 1.

5. Гусейнова З.М. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: криминологический анализ // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2010. № 2.

6. Двоеглазов Н.В. Предупреждение тяжких преступлений против жизни и здоровья. Выявление преступлений, предусмотренных статьей 119 УК РФ. Роль следственных подразделений ОВД // Российский следователь. 2007. № 12.

7. Коробов П. Определение классификационной принадлежности неоконченного преступления // Уголовное право. 2009. № 6.

8. Коростылев О. Угроза в уголовном праве: понятие, виды, значение // Уголовное право. 2006. № 3.

9. Крахмальник Л.Г., Ной И.С. Об уголовной ответственности за угрозу убийством // Социалистическая законность. 1959. № 6.

10. Кригер Г.Л. Уголовная ответственность за создание опасности причинения вреда // Уголовное право в борьбе с преступностью: Сб. ст., М.: ИГПАН, 1981.

11. Левин П.Н. Проблемы отграничения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью от смежных преступлений // Российский следователь. 2006. № 7.

12. Леконцев Ю., Бриллиантов А. Ответственность за угрозу убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества // Советская юстиция. 1982. № 22.

13. Лясс Н.В. Уголовная ответственность за угрозу убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества // Советская юстиция. 1961. № 5.

14. Мальцев В. Понятие объекта преступления // Уголовное право. 2011. № 2.

15. Марцев А.И. Общественная опасность и общественная вредность преступления // Правоведение. 2001. № 4.

16. Морозов В., Данелян Л. Реальность угрозы и характер причиняемого ею вреда как обязательные признаки преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ // Уголовное право. 2009. № 4.

17. Ображиев К.В., Шуйский А.С. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, сущность и виды // Законы России: опыт, анализ и практика. 2009. № 12.

18. Петрунев В.П. Борьба с уголовно наказуемыми угрозами // Советская юстиция. 1975. № 17.

19. Проценко С. К вопросу о роли обязательных признаков объективной и субъективной стороны в составе умышленного преступления // Уголовное право. 2009. № 5.

20. Пудовочкин Ю. Признаки совокупности преступлений в современной судебной практике // Уголовное право. 2009. № 4.

21. Сердюк Л.В. Правовая оценка последствий при угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Уголовное право. 2008. № 1.

22. Ткаченко В.И. Понятие и виды покушения на преступление // Вопросы теории и практики применения уголовного законодательства. Красноярск. 1990.

23. Трухин А.М. Объект уголовно-правовой охраны и объект преступления // Юрист. 2008. № 4.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1. Квалификация преступных деяний в судебных актах первой условной группы.

№п/п	Содержание квалификации	Квалификация действий в обвинительном акте (заключении)	Квалификация действий в судебном акте	Количество уголовных дел, в которых действия переквалифицированы судом 1 инстанции	Количество уголовных дел, при пересмотре которых действия переквалифицированы
1	ч.1 ст.119 УК РФ	741	741	-	-
2	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.119 УК РФ	11	11	-	-
3	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.111 УК РФ	1	1	-	-
4	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.112 УК РФ	7	6	1	-
5	ч.1 ст.119 УК РФ, п.д ч.2 ст.112 УК РФ, п.а ч.1 ст.213 УК РФ	1	1	-	-
6	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.115 УК РФ	63	63	-	-
7	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.115 УК РФ	7	3	4	-
8	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.115 УК РФ, ч.1 ст.116 УК РФ	5	5	-	-
9	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.115 УК РФ, ч.3 ст.30 ч.1 ст.158 УК РФ	1	1	-	-
10	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.115 УК РФ, ч.1 ст.139 УК РФ	2	2	-	-
11	ч.1 ст.119 УК РФ, п.а ч.2 ст.115 УК РФ, п.а ч.1 ст.213 УК РФ	1	1	-	-
12	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.116 УК РФ	103	108	-	-
13	ч.1 ст.119 УК РФ, п.а ч.2 ст.116УК РФ	2	2	-	-
14	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.116 УК РФ	2	2	-	-
15	ч.1 ст.119 УК РФ,	1	1	-	-

	ч.1 ст.116 УК РФ, ч.1 ст.139 УК РФ				
16	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.116 УК РФ, ч.1 ст.127 УК РФ	1	1	-	-
17	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.116 УК РФ, ч.1 ст.156 УК РФ	1	1	-	-
18	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.116 УК РФ, п.а ч.3 ст.158 УК РФ	1	1	-	-
19	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.116 УК РФ, п.а ч.1 ст.213 УК РФ	2	2	-	-
20	ч.1 ст.119 УК РФ, п.а ч.2 ст.116 УК РФ, п.а ч.1 ст.213 УК РФ	3	3	-	-
21	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.139 УК РФ	4	4	-	-
22	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.139 УК РФ, ч.2 ст.162 УК РФ	1	1	-	-
23	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.162 УК РФ	1	1	-	-
24	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.2 ст.162 УК РФ	1	1	-	-
25	ч.2 ст.119 УК РФ, п.а,в,г ч.2 ст.161УК РФ	1	0	1	-
26	п.а,в,г ч.2 ст.161УК РФ	0	1	-	-
27	ч.1 ст.119 УК РФ, п. б ч.3 ст.161 УК РФ	1	1	-	-
28	ч.1 ст.119 УК РФ, п. г ч.2 ст.161 УК РФ	1	1	-	-
29	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.167 УК РФ	6	6	-	-
30	ч.1 ст.119 УК РФ, п. а ч.1 ст.213 УК РФ	6	6	-	-
31	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.296 УК РФ	1	1	-	-
Итого:		979	979	6	-

Приложение № 2. Квалификация преступных деяний в судебных актах второй условной группы.

№п/п	Содержание квалификации	Квалификация действий в обвинительном заключении	Квалификация действий в судебном акте	Количество уголовных дел, в которых действия переквалифицированы судом 1 инстанции	Количество уголовных дел, при пересмотре которых действия переквалифицированы
1	ч.3 ст.30, ч.1 ст.105 УК РФ	49	30	19	1
2	ч.3 ст.30, п.а, е ч.2 ст.105 УК РФ	1	1	-	-
3	ч.3 ст.30, п.а, к ч.2 ст.105 УК РФ	1	1	-	-
4	ч.3 ст.30, п.а, е, и ч.2 ст.105 УК РФ	1	1	-	-
5	ч.3 ст.30, п.в ч.2 ст.105 УК РФ	1	1	-	-
6	ч.3 ст.30, п.з ч.2 ст.105 УК РФ	2	2	-	-
7	ч.3 ст.30, п.и ч.2 ст.105 УК РФ	2	2	-	-
8	ч.3 ст.30, ч.2 ст.107 УК РФ	1	1	-	-
9	ч.1 ст.111 УК РФ	-	11	-	-
10	ч.1 ст.114 УК РФ	-	1	-	-
11	ч.1 ст.115 УК РФ	-	5	-	-
12	ч.1 ст.115 УК РФ, ч.1 ст.119 УК РФ	-	1	-	-
13	ч.1 ст.119 УК РФ	-	1	-	-
Итого:		58	58	19	1

Приложение № 3. Анкета для анализа судебных актов первой условной группы.

№ п/п	Позиция	Значение	Показатель
1. Общие данные по уголовному делу			
1	Квалификация деяния в обвинительном акте (обвинительном заключении)	1) ч.1 ст.119 УК РФ 2) ч.2 ст.119 УК РФ 3) ч.1 ст.119 УК РФ + иное 4) иное	1) ___ 2) ___ 3) иное: _____ 4) иное: _____
2	Квалификация деяния в судебном акте	1) ч.1 ст.119 УК РФ 2) ч.2 ст.119 УК РФ 3) ч.1 ст.119 УК РФ + иное 4) иное	1) ___ 2) ___ 3) иное: _____ 4) иное: _____
3	Вид вынесенного судебного акта	1) Обвинительный приговор 2) Оправдательный приговор 3) Постановление о прекращении уголовного дела на основании ст.25 УПК РФ 4) иной акт	1) ___ 2) ___ 3) ___ 4) иной акт: _____ _____
4	Вид и размер назначенного наказания	1) Обязательные работы 2) Принудительные работы 3) Ограничение свободы 4) Арест 5) Лишение свободы 6) Наказание не применено	1) _____ часов 2) _____ месяцев 3) _____ месяцев 4) _____ месяцев 5)_____ месяцев *(условно)*
5	Переквалификация деяния при пересмотре уголовного дела	1) Уголовное дело не пересматривалось 2) Нет, не имела места 3) Да, имела место, на	1) ___ 2) ___ 3) на:_____
2. Обстановка совершения и объективная сторона преступления			
6	Сведения об обстановке совершения преступления	Место совершения преступления	1) в квартире/в доме 2) на улице/во дворе 3) на работе потерпевшего 4) на автодороге/на ж/д путях 5) в баре/кафе/магазине 6) на пруду/в парке/в лесу 7) в трансп. средстве (машина, автобус) 8) в зале суда 9) нет данных
		Наличие свидетелей совершения преступления	1) да 2) нет 3) нет данных
		Предшествующее знакомство потерпевшего и	1) да 2) нет

		обвиняемого	3) нет данных
		Предшествующие конфликтные отношения сторон	1) да 2) нет 3) нет данных
		Признаки, свидетельствующие о повышенной степени общественной опасности деяния	1) ч.2 ст.119 УК РФ:___ 2) демонстрация холодного оружия/ножа 3) демонстрация пневматического/ огнестрельного оружия 4) причинение телесных повреждений 5) угроза в отношении 2 и более лиц 6) угроза близким потерпевшего 7) удушение 8) преследование потерпевшего
7	Характеристики угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью	Временное отношение угрозы к телесным повреждениям	1) до телесных повреждений 2) во время телесных повреждений 3) после телесных повреждений
		Основания опасаться осуществления угрозы	1) демонстрация холодного оружия/ножа 2) демонстрация пневматического/огне-стрельногооружия 3) намерение убить/ причинить тяжкий вред здоровью 3) состояние опьянения 4) непосредственная близость сторон конфликта 5) агрессивное поведение угрожавшего 6) систематичность угроз/длительная психотравмирующая ситуация 7) причинение телесных повреждений /вреда здоровью потерпевшего 8) иное: _____
8	Характеристики телесных повреждений	Тяжесть телесных повреждений	1) тяжкий вред здоровью

	(при наличии)		2) вред средней степени тяжести 3) легкий вред здоровью 4) повреждения, не причинившие вреда здоровью 6) не были причинены
		Квалификация телесных повреждений	1) ч.__ ст.111 УК РФ 2) ч.__ ст.112 УК РФ 3) ч.__ ст.115 УК РФ 4) ч.__ ст.116 УК РФ 5) как реальность угрозы (ст.119 УК РФ) 6) иная:_____
		Локализация областей воздействия	1) жизненно важные органы: _____ 2) конечности: _____ 3) иная:_____
		Используемые для причинения повреждений орудия	1) холодное оружие/нож 2) пневматичес-кое/огнестрельное оружие 3) подручные средства 4) иное:_____
3. Субъективная сторона преступления			
9	Сведения о субъективной стороне преступления, установленные судом	Умысел	1) на совершение убийства/причинения тяжкого вреда здоровью 2) на угрозу убийством 3) не отражен
		Мотив	1) личные неприязненные отношения 2) иной: _____ 3) не отражен
		Цель	1) оказание психического воздействия 2) иная: _____ 3) не отражена
10	Оценка субъективной стороны субъектом преступления	1) Согласен с обвинением 2) Не согласен с обвинением	1) ___ 2) ___ *(не виновен)*
11	Оценка субъективной стороны потерпевшим / свидетелями	1) Согласен с обвинением 2) Не согласен с обвинением	1) ___ 2) ___ *(иной умысел)*
4. Субъект преступления			
12	Сведения о личности субъекта преступления	1) Наличие судимости 2) Отношение к занятости	1) да/нет *(в т.ч. по ст.119)*

		3) Состояние алкогольного опьянения 4) Семейное положение 5) Образование	2) работаю-щий/временно не работающий/пенсионер /учащийся 3) да/нет 4) холост/не замужем/ в браке 5) среднее образование/среднее специальное образование/высшее образование
13	Примечания	1) Ходатайство о примирении 2) Ходатайство об особом порядке судебного разбирательства 3) Иное	1) ___ 2) ___ 3) иное:_____

Приложение № 4. Анкета для анализа судебных актов второй условной группы.

№ п/п	Позиция	Значение	Показатель
1. Общие данные по уголовному делу			
1	Квалификация деяния органом следствия в обвинительном заключении	1) ч.3 ст.30 ч.1 ст.105 УК РФ 2) ч.3 ст.30 ч.2 ст.105 УК РФ 3) ч.3 ст.30 ч.1 ст.105 УК РФ + иное 4) иное	1) ___ 2) ___ 3) иное: _____ 4) иное: _____
2	Квалификация деяния в судебном акте	1) ч.3 ст.30 ч.1 ст.105 УК РФ 2) ч.3 ст.30 ч.2 ст.105 УК РФ 3) ч.3 ст.30 ч.1 ст.105 УК РФ + иное 4) иное	1) ___ 2) ___ 3) иное: _____ 4) иное: _____
3	Вид вынесенного судебного акта	1) Обвинительный приговор 2) Оправдательный приговор 3) Постановление о прекращении уголовного дела 4) иной акт	1) ___ 2) ___ 3) основание: _____ 4) иной акт: _____
4	Вид и размер назначенного наказания	1) Ограничение свободы 2) Принудительные работы 3) Исправительные работы 4) Лишение свободы 5) Наказание не применено	1) _____ месяцев 2) _____ месяцев 3) _____ месяцев 4) _____ месяцев *(условно)*
5	Переквалификация деяния при пересмотре уголовного дела	1) Уголовное дело не пересматривалось 2) Нет, не имела места 3) Да, имела место, на	1) ___ 2) ___ 3) на:_____
2. Обстановка совершения и объективная сторона преступления			
6	Сведения об обстановке совершения преступления	Место совершения преступления	1) в квартире/в доме 2) на улице/во дворе 3) в транспортном ср-ве 4) на автодороге 5) на работе потерпевшего
		Наличие свидетелей совершения преступления	1) да___ 2) нет___
		Предшествующее знакомство потерпевшего и обвиняемого	1) да___ 2) нет___
		Предшествующие конфликтные отношения	1) да___ 2) нет___

		сторон	
		«Уровень опасности» преступления	1) выраженное словесно намерение убить 2) демонстрация оружия/орудия 3) непосредственный контакт сторон конфликта 4) контакт сторон конфликта с причинением телесных повреждений потерпевшему
7	Характеристики угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью *(при наличии)*	Временное отношение угрозы к телесным повреждениям	1) до телесных повреждений 2) во время телесных повреждений 3) после телесных повреждений
		Квалификация угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью	1) по ч.1 (ч.2) ст. 119 УК РФ _____ 2) обнаружение умысла на причинение смерти/тяжкого вреда здоровью 3) иная: _____
8	Характеристики телесных повреждений	Тяжесть телесных повреждений	1) тяжкий вред здоровью 2) вред средней степени тяжести 3) легкий вред здоровью 4) повреждения, не причинившие вреда здоровью 6) не были причинены
		Квалификация телесных повреждений	1) ч.__ ст.111 УК РФ 2) ч.__ ст.112 УК РФ 3) ч.__ ст.115 УК РФ 4) ч.__ ст.116 УК РФ 5) ч.3 ст.30 ч.__ ст.10__ УК РФ 6) иная: _____
		Локализация областей воздействия	1) жизненно важные органы: _____ 2) конечности:_____ 3) иная:_____
		Используемые для причинения повреждений орудия	1) холодное оружие/нож 2) пневматическое

			/огнестрельное оружие 3) подручные средства 4) иное: _____
9	Характер обстоятельств, по которым установлена направленность умысла	1) Целенаправленность действий 2) Использование орудий/оружия 3) Иное	1) ___ 2) ___ 3) иное:_____
10	Характер обстоятельств, не зависящих от воли обвиняемого, по которым преступление не было доведено до конца	1) Своевременная мед.помощь потерпевшему 2) Сопротивление потерпевшего 3) Убежденность в оконченности преступления 4) Обезвреживание покушающегося 5) Иное	1) ___ 2) ___ 3) ___ 4) ___ 5) иное:_____
3. Субъективная сторона преступления			
11	Сведения о субъективной стороне преступления, установленные судом	Умысел	1) На причинение смерти 2) На причинение тяжкого вреда здоровью 3) иной: _____
		Мотив	1) личные неприязненные отношения 2) иной: _____
		Цель	_____
12	Оценка субъективной стороны субъектом преступления	1) Согласен с обвинением 2) Не согласен с обвинением	1) ___ 2) ___ *(не виновен)*
13	Оценка субъективной стороны потерпевшим / свидетелями	1) Согласен с обвинением 2) Не согласен с обвинением	1) ___ 2) ___ *(иной умысел)*
4. Субъект преступления			
14	Сведения о личности субъекта преступления	1) Наличие судимости 2) Отношение к занятости 3) Состояние алкогольного опьянения 4) Семейное положение 5) Образование	1) да/нет *(в т.ч. по ст.119)* 2) работаю-щий/временно не раб./пенсионер/уча-щийся 4) да/нет 5) холост/ не замужем/в браке 6) среднее образование/среднее специальное образование/высшее образование
15	Примечания	1) Изменение показаний в суде	1) _____

Приложение № 5. Сводная анкета для анализа судебных актов первой условной группы.

Позиция / Характеристика		Липецкая область	Воронежская область	Тамбовская область	Итого
Общая статистика					
Вид судебного акта (1 инстанция)					
01	Обвинительный приговор				
02	Постановление о прекращении уголовного дела по ст.25 УПК РФ				
03	Постановление о применении принудительных мер медицинского характера				
04	Постановление о прекращении уголовного дела по п.3 ч.1 ст.24 УПК РФ				
05	Постановление о прекращении уголовного дела по п.4 ч.1 ст.24 УПК РФ				
Квалификация действий органом, осуществляющим предварительного расследования					
06	ч.1 ст.119 УК РФ				
07	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.119 УК РФ				
08	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.112 УК РФ				
09	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.115 УК РФ				
10	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.115 УК РФ, ч.3 ст.30 ч.1 ст.158 УК РФ				
11	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.115 УК РФ, ч.1 ст.116 УК РФ				
12	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.115 УК РФ				
13	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.116 УК РФ				
14	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.127 УК РФ, ч.1 ст.116 УК РФ				
15	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.116 УК РФ				
16	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.116 УК РФ, ч.1 ст.156 УК РФ				
17	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.116 УК РФ,				

	п.а ч.3 ст.158 УК РФ				
18	ч.1 ст.119 УК РФ, п.а ч.1 ст.213 УК РФ				
19	ч.1 ст.119 УК РФ, п.а ч.1 ст.213 УК РФ, п.д ч.2 ст.112 УК РФ				
20	ч.1 ст.119 УК РФ, п.а ч.1 ст.213 УК РФ, ч.1 ст.116 УК РФ				
21	ч.1 ст.119 УК РФ, п.а ч.1 ст.213 УК РФ, п.а ч.2 ст.115 УК РФ				
22	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.162 УК РФ				
23	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.139 УК РФ				
24	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.139 УК РФ, ч.1 ст.115 УК РФ				
25	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.139 УК РФ, ч.2 ст.162 УК РФ				
26	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.111 УК РФ				
27	ч.2 ст.119 УК РФ, п.а,в,г ч.2 ст.161УК				
28	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.167 УК РФ				
29	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.296 УК РФ				
Квалификация действий судебным органом					
30	ч.1 ст.119 УК РФ				
31	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.119 УК РФ				
32	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.112 УК РФ				
33	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.115 УК РФ				
34	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.115 УК РФ, ч.3 ст.30 ч.1 ст.158 УК РФ				
35	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.115 УК РФ, ч.1 ст.116 УК РФ				
36	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.115 УК РФ				
37	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.116 УК РФ				
38	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.127 УК РФ,				

	ч.1 ст.116 УК РФ				
39	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.116 УК РФ				
40	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.116 УК РФ, ч.1 ст.156 УК РФ				
41	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.116 УК РФ, п.а ч.3 ст.158 УК РФ				
42	ч.1 ст.119 УК РФ, п.а ч.1 ст.213 УК РФ				
43	ч.1 ст.119 УК РФ, п.а ч.1 ст.213 УК РФ, п.д ч.2 ст.112 УК РФ				
44	ч.1 ст.119 УК РФ, п.а ч.1 ст.213 УК РФ, ч.1 ст.116 УК РФ				
45	ч.1 ст.119 УК РФ, п.а ч.1 ст.213 УК РФ, п.а ч.2 ст.115 УК РФ				
46	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.162 УК РФ				
47	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.139 УК РФ				
48	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.139 УК РФ, ч.1 ст.115 УК РФ				
49	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.139 УК РФ, ч.2 ст.162 УК РФ				
50	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.111 УК РФ				
51	п.а,в,г ч.2 ст.161УК РФ				
52	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.167 УК РФ				
53	ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.296 УК РФ				
Переквалификация действий при пересмотре уголовного дела					
54	Да				
55	Нет				
56	Дело не пересматривалось				
57	Количество случаев переквалификации				
Вид / размер наказания					
58	Обязательные работы				
59	Принудительные работы				
60	Ограничение свободы				
61	Лишение свободы				
62	Наказание не применено				
Объективная сторона преступления					

Содержание угрозы					
63	Угроза убийством				
64	Угроза причинением тяжкого вреда здоровью				
65	Угрозы уничтожения имущества				
Место совершения преступления					
66	В квартире/в доме				
67	На улице/во дворе				
68	На работе потерпевшего				
69	На автодороге / на ж/д путях				
70	В баре / кафе / магазине				
71	На пруду / в парке / в лесу				
72	В транспортном средстве (авто, автобус)				
73	В зале суда				
74	Нет данных				
Наличие свидетелей совершения преступления					
75	Да				
76	Нет				
77	Нет данных				
Предшествующее знакомство потерпевшего и обвиняемого					
78	Да				
79	Нет				
80	Нет данных				
Предшествующие конфликтные отношения сторон					
81	Да				
82	Нет				
83	Нет данных				
«Уровень опасности» преступления					
84	Выраженное словесно намерение убить / причинить тяжкий вред здоровью				
85	Демонстрация оружия / орудия				
86	Непосредственный контакт сторон конфликта				
87	Контакт сторон конфликта с причинением телесных повреждений потерпевшему				
Неформальные обстоятельства, повысившие степень общественной опасности угрозы					
88	Демонстрация холодного оружия / ножа				
89	Демонстрация пневматического / огнестрельного оружия				
90	Причинение телесных повреждений / вреда здоровью				
91	Угроза в отношении 2 и более лиц				
92	Угроза близким потерпевшего				
93	Удушение				
94	Преследование потерпевшего				

95	Количество признаков в совокупности				
Основания опасаться осуществления угрозы (позиция судебного органа)					
96	Демонстрация подручного средства, используемого как орудие				
97	Демонстрация холодного оружия / ножа				
98	Демонстрация пневматического / огнестрельного оружия				
99	Намерение убить / причинить тяжкий вред здоровью				
100	Состояние опьянения подсудимого				
101	Непосредственная близость сторон конфликта				
102	Агрессивное поведение подсудимого				
103	Систематичность угроз / длительная психотравмирующая ситуация				
104	Причинение телесных повреждений / вреда здоровью потерпевшего				
105	Удушение				
106	Преследование потерпевшего				
107	Личность подсудимого				
108	Нахождение сторон конфликта в обстановке «1 на 1» / удержание потерпевшего				
109	Ранее совершенное преступление с участием тех же лиц				
110	Физическое превосходство над потерпевшим				
111	Повреждение имущества потерпевшего				
112	Количество признаков в совокупности				
Тяжесть телесных повреждений					
113	Тяжкий вред здоровью				
114	Вред средней степени тяжести				
115	Легкий вред здоровью				
116	Повреждения, не причинившие вреда здоровью				
117	Не причинены				
Локализация телесных повреждений					
118	Жизненно важные органы: шея				
119	Жизненно важные органы: голова, лицо				
120	Жизненно важные органы: грудь				
121	Жизненно важные органы: живот				

122	Конечности: плечи, предплечья, кисти				
123	Конечности: бедра, голень, ноги				
124	Иное: спина				
125	Иное: туловище				
Используемые орудия / оружие для причинения телесных повреждений					
126	Нож				
127	Топор				
128	С/х инвентарь (коса, вилы, лопата и т.д.)				
129	Пневматическое оружие				
130	Огнестрельное оружие				
131	Подручные средства				
132	Руки / ноги подсудимого				
Временное отношение угроз к телесным повреждениям					
133	До телесных повреждений				
134	Во время телесных повреждений				
135	После телесных повреждений				
Субъективная сторона преступления					
Умысел подсудимого					
136	На угрозу убийством				
137	На причинение легкого вреда здоровью				
138	На разбойное нападение				
Мотивы подсудимого					
139	Личные неприязненные отношения				
140	Ревность				
141	Месть				
142	Хулиганство				
143	Не отражены				
Цель подсудимого					
144	Оказание психического воздействия на потерпевшего				
145	Причинить вред здоровью				
146	Сокрыть ранее совершенное преступление				
147	Облегчить совершение преступления далее				
148	Не отражена				
Восприятие угрозы сторонами					
149	Потерпевший согласен с обвинением				
150	Потерпевший не согласен с обвинением				
151	Ходатайство о примирении				
152	Подсудимый согласен с обвинением				
153	Подсудимый указывает на иной умысел (кроме угрозы)				
154	Подсудимый считает себя				

	невиновным				
155	Ходатайство об особом порядке судебного разбирательства				
155	Изменение показаний в суде подсудимым				
Субъект преступления					
Наличие судимости					
157	Судим				
158	Кроме того: судим за совершение угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью				
159	Кроме того: судим за совершение покушений на убийство				
160	Не судим				
161	Нет данных				
Отношение к занятости					
162	Работающий				
163	Временно не работающий				
164	Пенсионер				
165	Учащийся				
166	Нет данных				
Совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения					
167	Да				
168	Нет				
169	Нет данных				
Семейное положение					
170	Холост / не замужем				
171	В браке				
172	Нет данных				
Уровень образования					
173	Среднее образование				
174	Среднее специальное образование				
175	Высшее образование				
176	Нет данных				

Приложение № 6. Сводная анкета для анализа судебных актов второй условной группы.

Позиция / характеристика		Липецкая область	Воронежская область	Тамбовская область	Итого
Общая статистика					
Вид судебного акта (1 инстанция)					
01	Обвинительный приговор				
02	Постановление о прекращении уголовного дела по ч.2 ст.20 УПК РФ				
03	Постановление о прекращении уголовного дела по п.3 ч.1 ст.24 УПК РФ				
04	Постановление о прекращении уголовного дела по п.4 ч.1 ст.24 УПК РФ				
Квалификация действий органом следствия					
05	ч.3 ст.30, ч.1 ст.105 УК РФ				
06	ч.3 ст.30, ч.2 ст.105 УК РФ				
07	ч.3 ст.30, ч.2 ст.107 УК РФ				
Квалификация действий судебным органом					
08	ч.3 ст.30, ч.1 ст.105 УК РФ				
09	ч.3 ст.30, ч.2 ст.105 УК РФ				
10	ч.3 ст.30, ч.2 ст.107 УК РФ				
11	ч.1 ст.111 УК РФ				
12	ч.1 ст.114 УК РФ				
13	ч.1 ст.115 УК РФ				
14	ч.1 ст.115 УК РФ, ч.1 ст.119 УК РФ				
15	ч.1 ст.119 УК РФ				
Переквалификация действий при пересмотре уголовного дела					
16	Да, по ч.1 ст.114 УК РФ				
17	Нет				
18	Уголовное дело не пересматривалось				
19	Количество случаев переквалификации				
Вид / размер наказания					
20	Ограничение свободы				
21	Лишение свободы				
22	Штраф (по ч.1 ст.115 УК РФ)				
23	Принудительные работы (по ст.119 УК РФ)				
24	Обязательные работы (по ст.119 УК РФ)				
25	Наказание не применено				
Объективная сторона преступления					
Место совершения преступления					
26	В квартире/в доме				

27	На улице/во дворе				
28	В транспортном средстве				
29	На автодороге				
30	На работе потерпевшего				
Наличие свидетелей совершения преступления					
31	Да				
32	Нет				
33	Нет данных				
Предшествующее знакомство потерпевшего и обвиняемого					
34	Да				
35	Нет				
36	Нет данных				
Предшествующие конфликтные отношения сторон					
37	Да				
38	Нет				
39	Нет данных				
«Уровень опасности» преступления					
40	Выраженное словесно намерение убить				
41	Демонстрация оружия / орудия				
42	Непосредственный контакт сторон конфликта				
43	Контакт сторон конфликта с причинением телесных повреждений потерпевшему				
Тяжесть телесных повреждений					
44	Тяжкий вред здоровью				
45	Вред средней степени тяжести				
46	Легкий вред здоровью				
47	Повреждения, не причинившие вреда здоровью				
48	Не причинены				
Локализация повреждений					
49	Жизненно важные органы: шея				
50	Жизненно важные органы: голова, лицо				
51	Жизненно важные органы: грудь				
52	Жизненно важные органы: живот				
53	Конечности: плечи, предплечья, кисти				
54	Конечности: голень, бедро, ноги				
55	Иное: спина				
56	Иное: паховая область				
57	Иное: туловище				
58	Иное: авто потерпевшего				
Используемые орудия/оружие/способ причинения телесных повреждений					
59	Нож				
60	Топор				
61	Огнестрельное оружие				
62	Подручные средства				
63	Руки подсудимого				

64	Сброс с высоты				
65	Подрыв гранаты				
Временное отношение угроз убийством к телесным повреждениям					
66	До телесных повреждений				
67	Во время телесных повреждений				
68	После телесных повреждений				
69	Не высказывались				
Квалификация угроз убийством судебным органом					
70	По ч.1 ст.119 УК РФ				
71	Как обнаружение умысла на убийство				
72	Не квалифицированы				
Обстоятельства, исключающие наличие у подсудимого умысла на убийство					
73	Убежденность потерпевшего в том, что подсудимый не желал его убивать				
74	Недостаточность для причинения смерти лишь нанесения ударов в жизненно важные органы				
75	Прекращение подсудимым посягательства при объективной возможности его продолжения				
76	Вызов подсудимым скорой помощи для потерпевшего/обеспечение вызова скорой помощи свидетелями				
77	Отказ государственного обвинителя от поддержания обвинения и ходатайство о переквалификации действий				
78	Нахождение потерпевшего в состоянии необходимой обороны				
79	Отсутствие ранее конфликтов между сторонами				
80	Последующее поведение подсудимого по заглаживанию вреда перед потерпевшим				
81	Количество признаков в совокупности				
Характер обстоятельств, по которым установлена направленность умысла на убийство					
82	Целенаправленность действий				
83	Локализация областей воздействия в жизненно важных органах				
84	Преследование потерпевшего				
85	Последовательное использование нескольких орудий либо несколько попыток использования одного орудия				

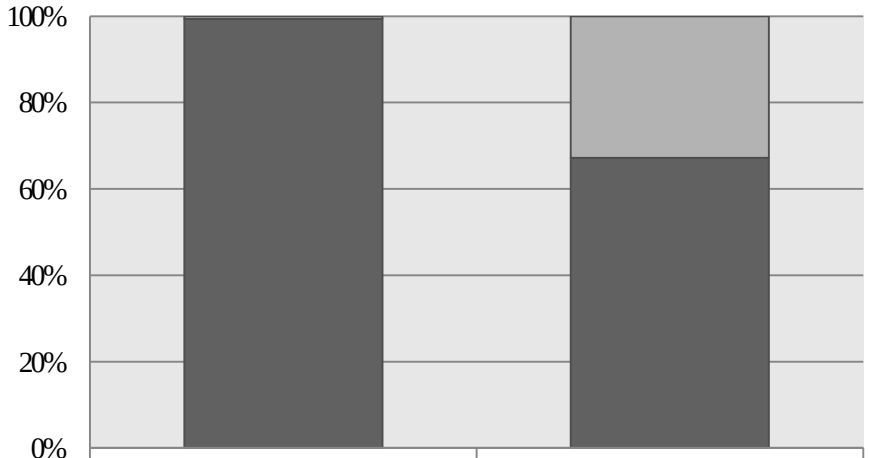
86	Убийство иных лиц в этой же обстановке				
87	Признание лицом вины в покушении на убийство				
88	«Проверка» наступления преступного результата				
89	Неоказание помощи потерпевшему, отсутствие мер по предотвращению последствий				
90	Начало причинения вреда сразу при встрече с потерпевшим				
91	Орудие и способ причинения телесных повреждений				
92	Множественность телесных повреждений				
93	Высказанные угрозы убийством перед причинением телесных повреждений				
94	Мотивы совершения преступления: корысть				
95	Мотивы совершения преступления: сокрытие убийства				
96	Мотивы совершения преступления: хулиганство				
97	Мотивы совершения преступления: месть				
98	Оценка убийства как состоявшегося сразу после завершения действий самим подсудимым				
99	Количество признаков в совокупности				
Характер обстоятельств, не зависящих от воли подсудимого, по которым преступление не было доведено до конца					
100	Оказание своевременной медицинской помощи потерпевшему				
101	Активное сопротивление потерпевшего				
102	Оказание помощи потерпевшему свидетелями преступления				
103	Убежденность подсудимого в наступлении ожидаемых преступных последствий				
104	Обезвреживание подсудимого свидетелями				
105	Неудачная одна из попыток причинения повреждений				
106	Быстрый отход потерпевшего с места преступления (и				

	отсутствие такой возможности у подсудимого)				
107	Недостаточность предпринятых мер по причинению повреждений				
108	Количество признаков в совокупности				
Субъективная сторона преступления					
Умысел подсудимого					
109	На убийство				
110	На причинение тяжкого вреда здоровью				
111	На причинение легкого вреда здоровью				
112	На угрозу убийством (в отношении хотя бы 1 из потерпевших)				
Мотивы подсудимого					
113	Личные неприязненные отношения				
114	Ревность				
115	Месть				
116	Хулиганство				
117	Корысть				
Цель подсудимого					
118	Убить потерпевшего				
119	Отомстить потерпевшему				
120	Причинить тяжкий вред здоровью потерпевшему				
121	Причинить легкий вред здоровью потерпевшему				
122	Оказание психического воздействия (в отн. хотя бы 1 из потерпевших)				
123	Сокрыть ранее совершенное преступление				
124	Прекратить конфликт				
Восприятие преступных действий сторонами					
125	Потерпевший согласен с обвинением в покушении на убийство				
126	Потерпевший указывает на иной умысел подсудимого (на причинение вреда здоровью)				
127	Потерпевший указывает на иной умысел подсудимого (на угрозу убийством)				
128	Потерпевший не согласен с обвинением (подсудимый не виновен)				

129	Подсудимый согласен с обвинением в покушении на убийство				
130	Подсудимый указывает на иной умысел (на причинение вреда здоровью)				
131	Подсудимый указывает на иной умысел (на причинение вреда здоровью и угрозу убийством)				
132	Подсудимый указывает на иной умысел (на угрозу убийством)				
133	Подсудимый указывает на иной умысел (действия в состоянии необходимой обороны)				
134	Подсудимый считает себя невиновным				
135	Изменение показаний подсудимым в суде				
Субъект покушения на убийство					
Наличие судимости					
136	Судим				
137	Кроме того: судим за совершение угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью				
138	Кроме того: судим за совершение покушений на убийство				
139	Не судим				
140	Нет данных				
Отношение к занятости					
141	Работающий				
142	Временно не работающий				
143	Пенсионер				
144	Учащийся				
145	Нет данных				
Совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения					
146	Да				
147	Нет				
148	Нет данных				
Семейное положение					
149	Холост / не замужем				
150	В браке				
151	Нет данных				
Уровень образования					
152	Среднее образование				
153	Среднее специальное образование				
154	Высшее образование				
155	Нет данных				

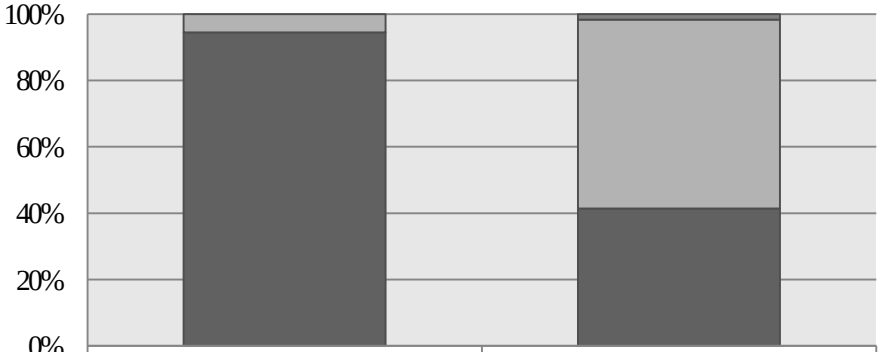
Приложение № 7. Сведения о переквалификации преступных деяний судебными органами.

Сведения о переквалификации преступных деяний судами I инстанции

	По уголовным делам в первой условной группе судебных актов	По уголовным делам во второй условной группе судебных актов
Преступные деяния судом I инстанции переквалифицированы	0,60%	32,80%
Преступные деяния судом I инстанции не переквалифицированы	99,40%	67,20%

Сведения о переквалификации преступных деяний при пересмотре уголовного дела

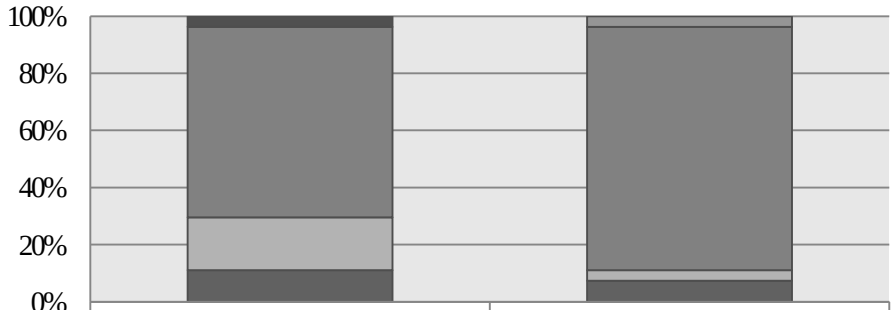

	По уголовным делам в первой условной группе судебных актов	По уголовным делам во второй условной группе судебных актов*
Преступные деяния при пересмотре уголовного дела были переквалифицированы	0%	1,70%
Преступные деяния при пересмотре уголовного дела переквалифицированы не были	5,50%	56,90%
Сведения о пересмотре уголовного дела отсутствуют	94,50%	41,40%

* В 1 уголовном деле деяние подсудимого было переквалифицировано с ч.3 ст.30, ч.1 ст.105 УК РФ на ч.1 ст.114 УК РФ.

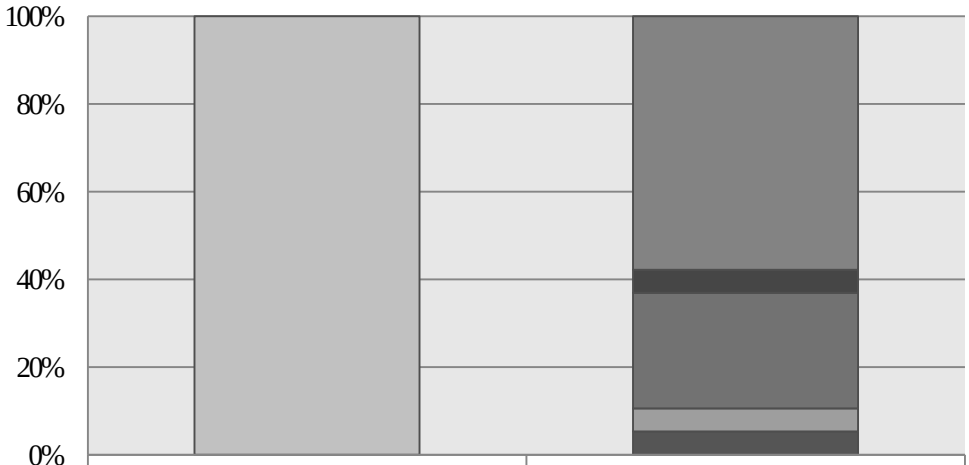
Приложение № 8. Направления переквалификации преступных деяний судебными органами I инстанции.

Направления переквалификации преступных деяний
в первой условной группе судебных актов

	Квалификация преступных деяний, предложенная в обвинительном акте (заключении)	Квалификация преступных деяний, предложенная в судебном акте
п.а, в, г ч.2 ст.161 УК РФ	0%	3,70%
ч.2 ст.119 УК РФ, п.а, в, г ч.2 ст.161 УК РФ	3,70%	0%
ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.116 УК РФ	66,70%	85,20%
ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.115 УК РФ	18,50%	3,70%
ч.1 ст.119 УК РФ, ч.1 ст.112 УК РФ	11,10%	7,40%

Направления переквалификации преступных деяний
во второй условной группе судебных актов

	Квалификация преступных деяний, предложенная в обвинительном акте (заключении)	Квалификация преступных деяний, предложенная в судебном акте
ч.3 ст.30, ч.1 ст.105 УК РФ	100%	0%
ч.1 ст.111 УК РФ	0%	57,80%
ч.1 ст.114 УК РФ	0%	5,30%
ч.1 ст.115 УК РФ	0%	26,30%
ч.1 ст.119 УК РФ	0%	5,30%
ч.1 ст.115, ч.1 ст.119 УК РФ	0%	5,30%

Приложение № 9. Виды наказаний, назначенные судами I инстанции.

*Наличие видов наказаний, не предусмотренных ст.ст. 105-107 УК РФ связано с переквалификацией преступных деяний судебными органами.

Приложение № 10. Содержание угроз, ставших предметом рассмотрения в судебных актах первой условной группы.

Приложение № 11. Обстоятельства, свидетельствующие о реальной опасности и повышенной общественной опасности угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью человека, в первой условной группе судебных актов.

№ п/п	Перечень обстоятельств	Свидетельствующие о реальной опасности угрозы *(в % к общему количеству судебных актов)*	Свидетельствующие о повышенной общественной опасности угрозы *(в % к общему количеству судебных актов)*
1	Намерение убить/причинить тяжкий вред здоровью	99,7 %	-
2	Демонстрация холодного оружия/ножа	63,7 %	66,2 %
3	Непосредственная близость сторон конфликта	46,2 %	-
4	Агрессивное поведение подсудимого	44,2 %	-
5	Состояние опьянения подсудимого	29,3 %	-
6	Причинение телесных повреждений потерпевшему	20 %	30,6 %
7	Демонстрация подручного средства, используемого как орудие	13,5 %	-
8	Удушение	8,9 %	10,1 %
9	Физическое превосходство	7,5 %	-
10	Демонстрация пневматического /огнестрельного оружия	5,2 %	5,7 %
11	Преследование потерпевшего	3 %	3 %
12	Личность подсудимого	1,7 %	-
13	Повреждение имущества потерпевшего	1,3 %	-
14	Нахождение сторон конфликта в обстановке «1 на 1»/ удержание потерпевшего	1,1 %	-
15	Систематичность угроз /длительная психотравмирующая ситуация	0,6 %	-

16	Ранее совершенное преступление (с участием тех же лиц)	0,3 %	-
17	Угроза в отношении 2 и более лиц	-	5,7 %
18	Угроза родным и близким потерпевшего	-	0,7 %
Количество признаков в совокупности		от 1 до 7	-

* Совокупная частота оценки обстоятельств, свидетельствующих о реальной опасности угрозы, составляет 346,2 % в связи с тем, что в каждом отдельном случае ее совершения судебный орган устанавливал наличие данного признака на основе совокупности от 1 до 7 обстоятельств.

Приложение № 12. Обстоятельства, принятые судебными органами во второй условной группе актов в качестве доказательств направленности умысла подсудимого на совершение убийства.

№ п/п	Характер обстоятельства	Частота оценки обстоятельства *(в % к общему числу судебных актов в условной группе*)*
1	Орудие и способ причинения телесных повреждений	65,5 %
2	Локализация областей воздействия на потерпевшего в жизненно важных органах	62 %
3	Целенаправленность действий подсудимого	22,4 %
4	Множественность причиненных телесных повреждений	20,7 %
5	Последовательное использование нескольких орудий либо несколько попыток использование одного орудия для посягательства на потерпевшего	19 %
6	Неоказание помощи потерпевшему, отсутствие мер по предотвращению последствий	15,5 %
7	Высказанные угрозы убийством перед причинением телесных повреждений	13,8 %
8	Признание подсудимым вины в совершении покушения на убийство	12 %
9	Начало подсудимым посягательства сразу при встрече с потерпевшим	6,9 %
10	Преследование потерпевшего подсудимым	5,2 %
11	«Проверка» подсудимым наступления ожидаемого результата	5,2 %
12	Убийство иных лиц в этой же обстановке	5,2 %
13	Мотивы совершения преступления: месть	5,2 %
14	Мотивы совершения преступления: корысть	3,5 %
15	Оценка подсудимым совершенных действий как состоявшегося убийства сразу после их завершения	3,5 %
16	Мотивы совершения преступления: сокрытие убийства	1,7 %
17	Мотивы совершения преступления: хулиганство	1,7 %

* Совокупная частота оценки обстоятельств составляет269 %, поскольку в каждом отдельном случае для установления умысла подсудимого судебный орган опирался на совокупность от 2 до 8 обстоятельств.

Приложение № 13. Обстоятельства, принятые судебными органами во второй условной группе актов в качестве исключающих наличие у подсудимого умысла на убийство потерпевшего.

№ п/п	Характер обстоятельства	Частота оценки обстоятельства *(в % к общему числу судебных актов в условной группе*)*
1	Прекращение подсудимым посягательства при объективной возможности его продолжения	27,6 %
2	Недостаточность для причинения смерти лишь нанесения ударов в жизненно важные органы	19 %
3	Убежденность потерпевшего в том, что подсудимый не желал его убивать	13,7 %
4	Вызов подсудимым скорой помощи для потерпевшего/обеспечение вызова скорой помощи свидетелями	8,6 %
5	Отсутствие ранее конфликтов между подсудимым и потерпевшим	5,2 %
6	Последующее поведение подсудимого по заглаживанию вреда перед потерпевшим	3,5 %
7	Нахождение потерпевшего в состоянии необходимой обороны	1,7 %

* Совокупная частота оценки обстоятельств составляет 79,3 %.

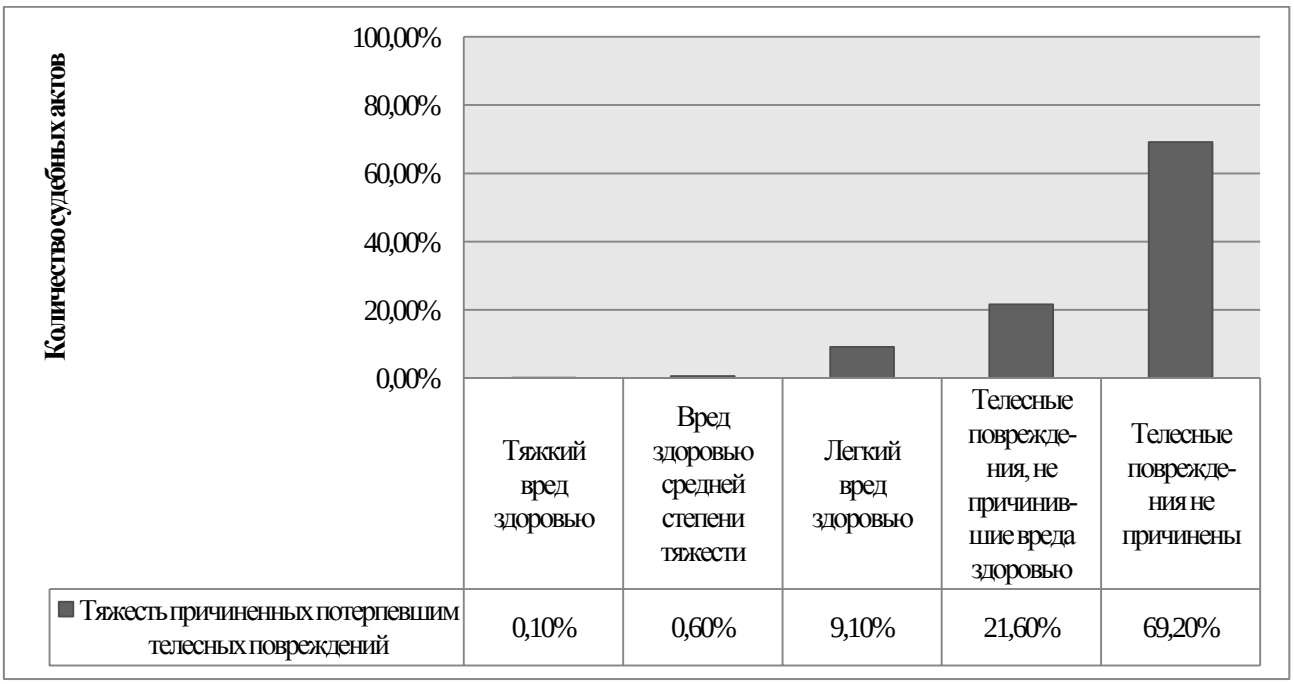
Преступные деяния переквалифицированы в 32,8 % судебных актов второй условной группы. В отношении каждого деяния для установления умысла подсудимого судебный орган опирался на совокупность от 2 до 5 обстоятельств.

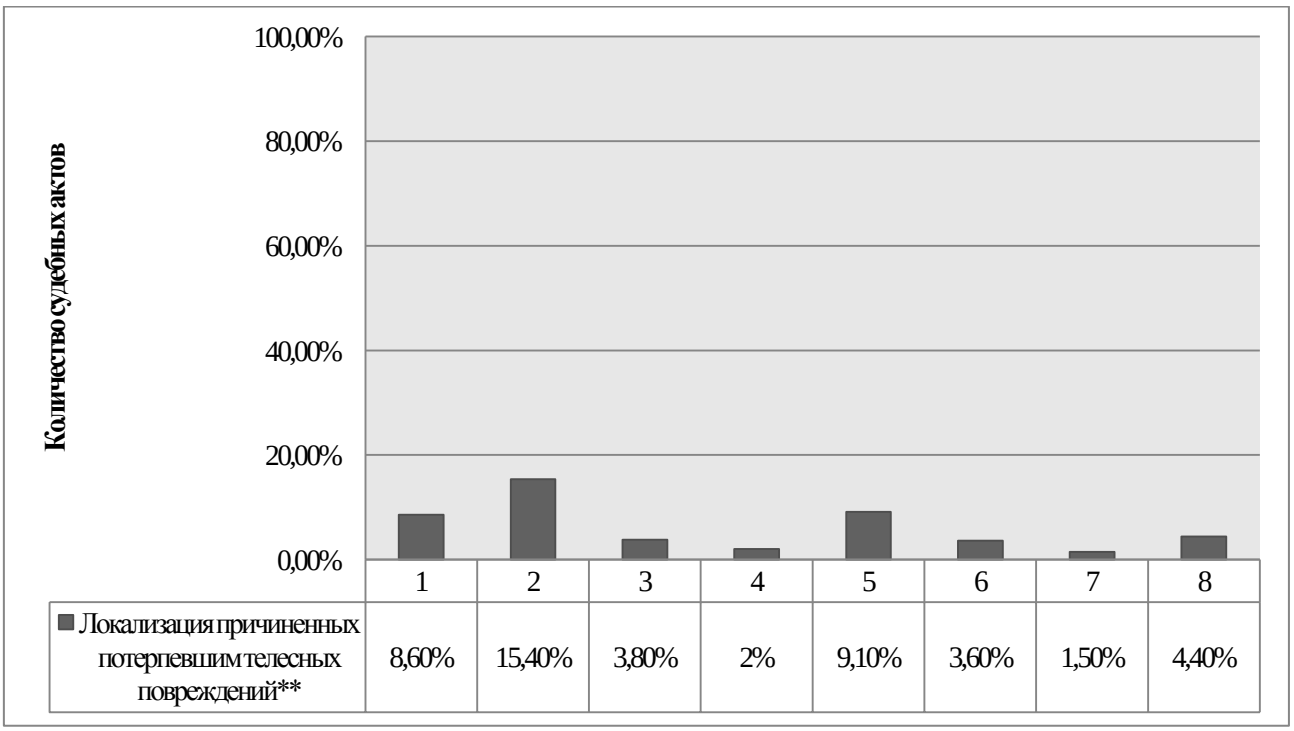
Приложение № 14. Обстоятельства, принятые судебными органами во второй условной группе актов в качестве не зависящих от воли лица, по которым совершение убийства не было доведено им до конца.

№ п/п	Характер обстоятельства	Частота оценки обстоятельства *(в % к общему числу судебных актов в условной группе*)*
1	Оказание своевременной медицинской помощи потерпевшему	55,2 %
2	Оказание помощи потерпевшему свидетелями совершения преступления	29,3 %
3	Убежденность подсудимого в наступлении ожидаемых преступных последствий	19 %
4	Активное сопротивление потерпевшего подсудимому	17,2 %
5	Обезвреживание подсудимого свидетелями совершения преступления	17,2 %
6	Быстрый отход потерпевшего с места совершения преступления (и отсутствие такой возможности у подсудимого)	6,9 %
7	Недостаточность предпринятых мер по причинению повреждений	3,5 %
8	Неудачная одна из попыток причинения телесных повреждений	1,7 %

* Совокупная частота оценки обстоятельств составляет 150 %, поскольку в отношении каждого преступного деяния для установления умысла подсудимого судебный орган опирался на совокупность от 1 до 3 обстоятельств.

Приложение № 15. Характеристика телесных повреждений, причиненных потерпевшим и описанных в судебных актах первой условной группы*.

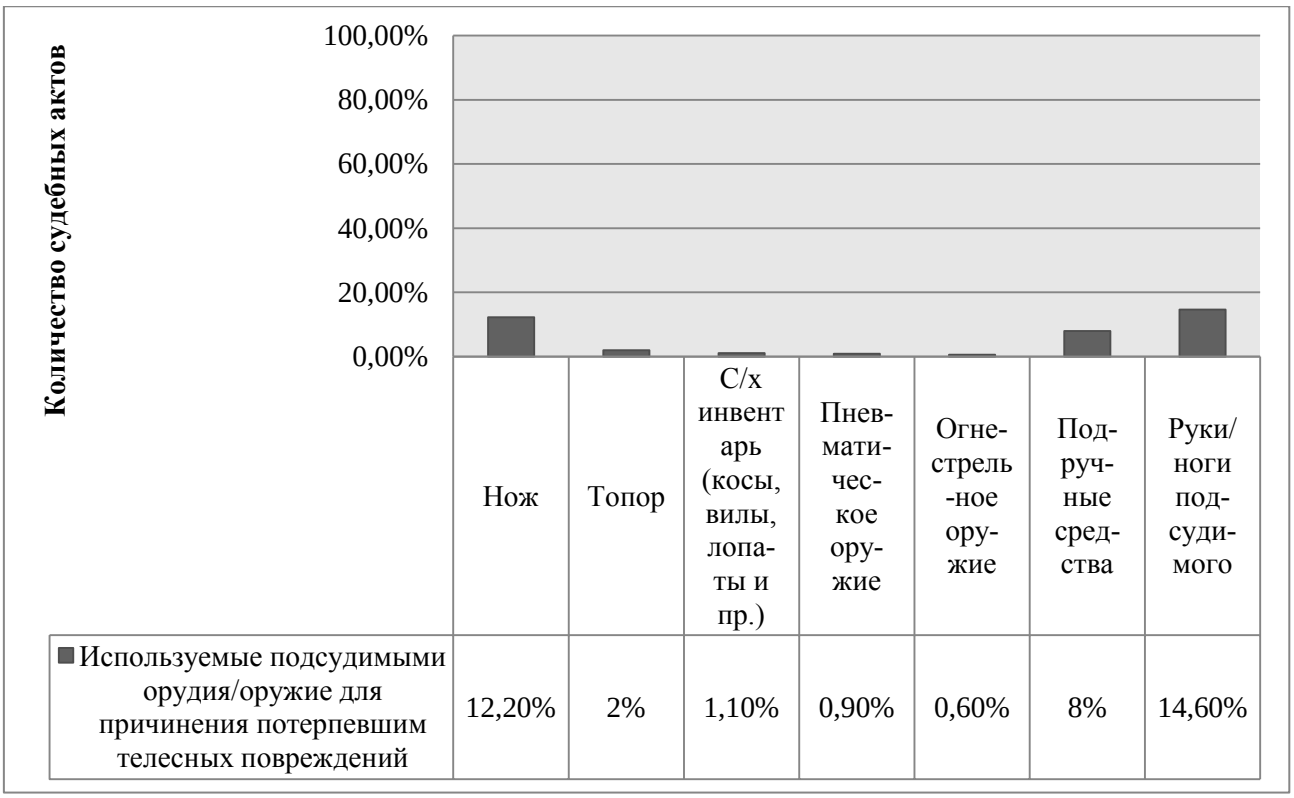

Условные обозначения:

1 – жизненно важные органы: шея;
2 – жизненно важные органы: голова, лицо;
3 – жизненно важные органы: грудь;
4 – жизненно важные органы: живот;
5 - конечности: плечи, предплечья, кисти рук;
6 – конечности: бедра, голень, ноги;
7 – иное: спина;
8 – иное: туловище.

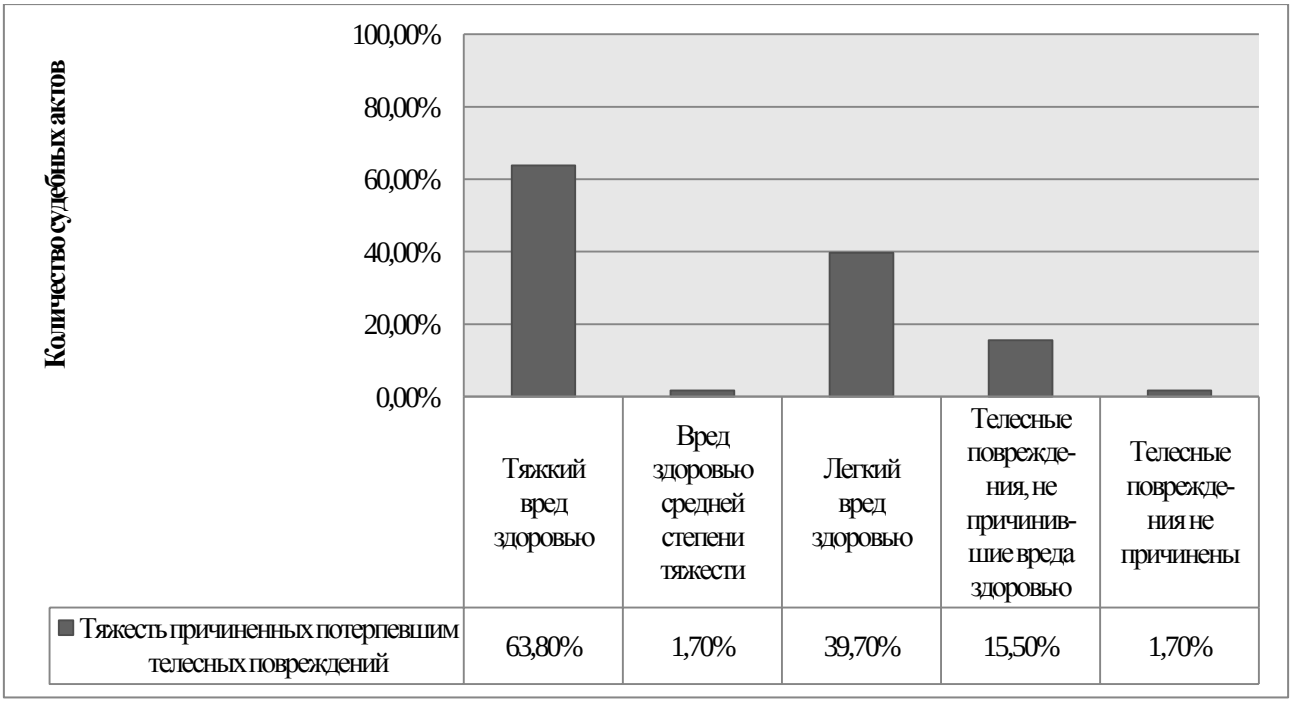
* В ряде случаев потерпевшему было причинено несколько повреждений, часть из которых оценена с точки зрения тяжести вреда здоровью, а часть – как не причинившие такого вреда.

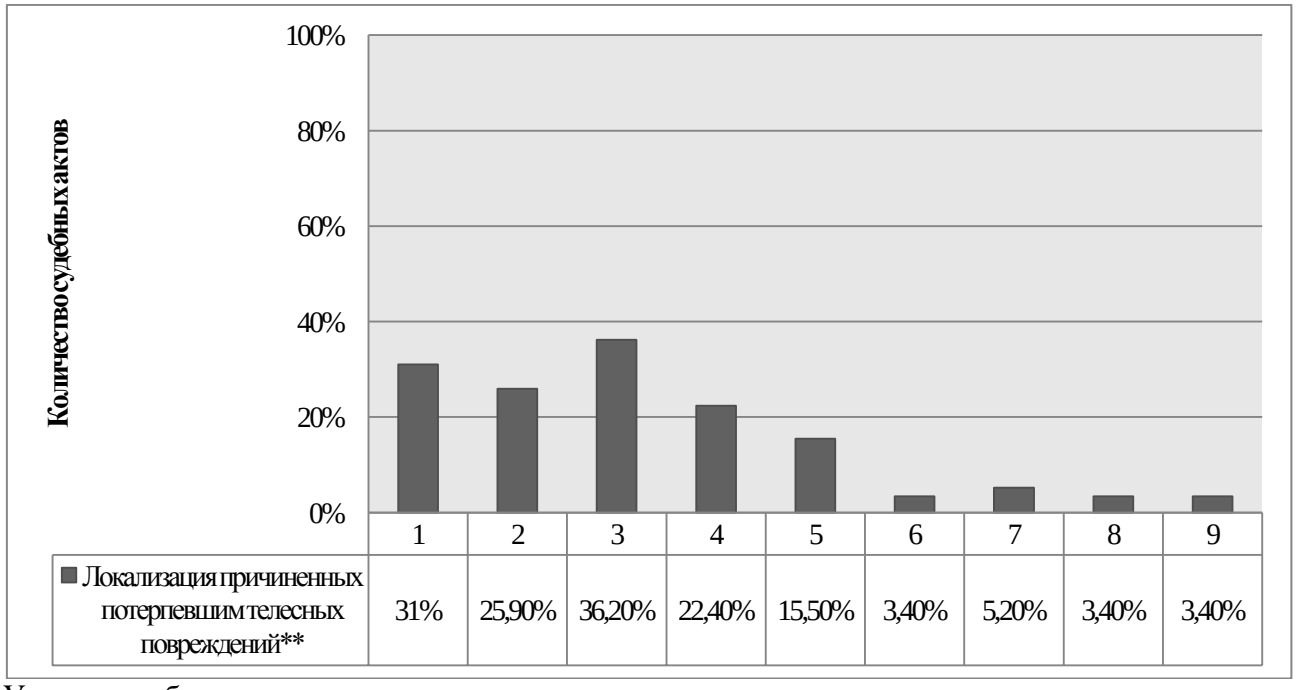
** В ряде случаев телесные повреждения у потерпевшего не ограничивались какой-либо одной областью локализации.

	Нож	Топор	С/х инвентарь (косы, вилы, лопаты и пр.)	Пневматическое оружие	Огнестрельное оружие	Подручные средства	Руки/ноги подсудимого
Используемые подсудимыми орудия/оружие для причинения потерпевшим телесных повреждений	12,20%	2%	1,10%	0,90%	0,60%	8%	14,60%

Приложение № 16. Характеристика телесных повреждений, причиненных потерпевшим и описанных в судебных актах второй условной группы*.

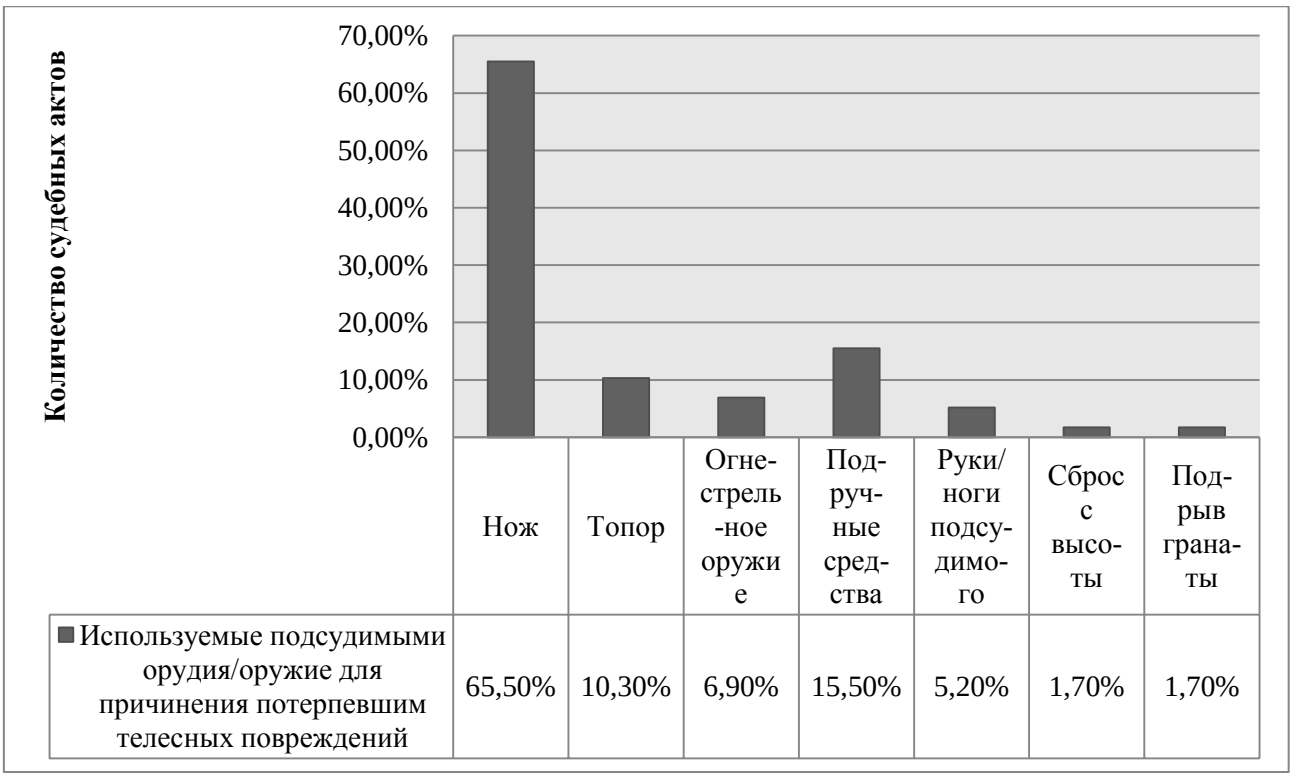

Условные обозначения:

1 – жизненно важные органы: шея;
2 – жизненно важные органы: голова, лицо;
3 – жизненно важные органы: грудь;
4 – жизненно важные органы: живот;
5 – конечности: плечи, предплечья, кисти рук;
6 - конечности: бедра, голень, ноги;
7 – иное: спина;
8 – иное: туловище;
9 – иное: паховая область.

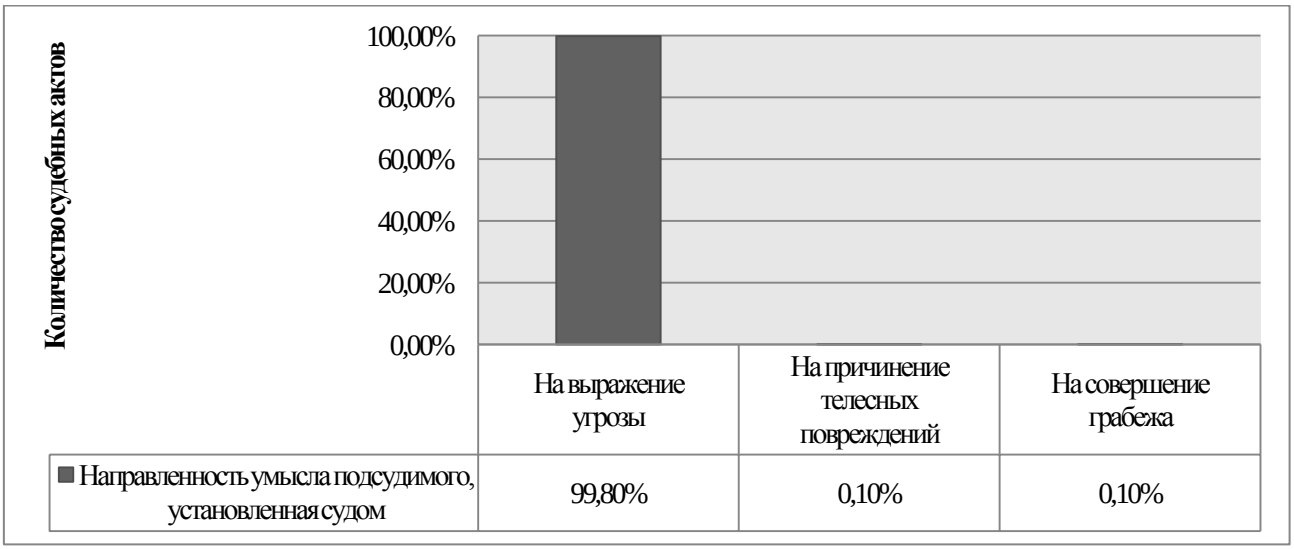
* В ряде случаев потерпевшему было причинено несколько повреждений, часть из которых оценена с точки зрения тяжести вреда здоровью, а часть – как не причинившие такого вреда.

** В ряде случаев телесные повреждения у потерпевшего не ограничивались какой-либо одной областью локализации.

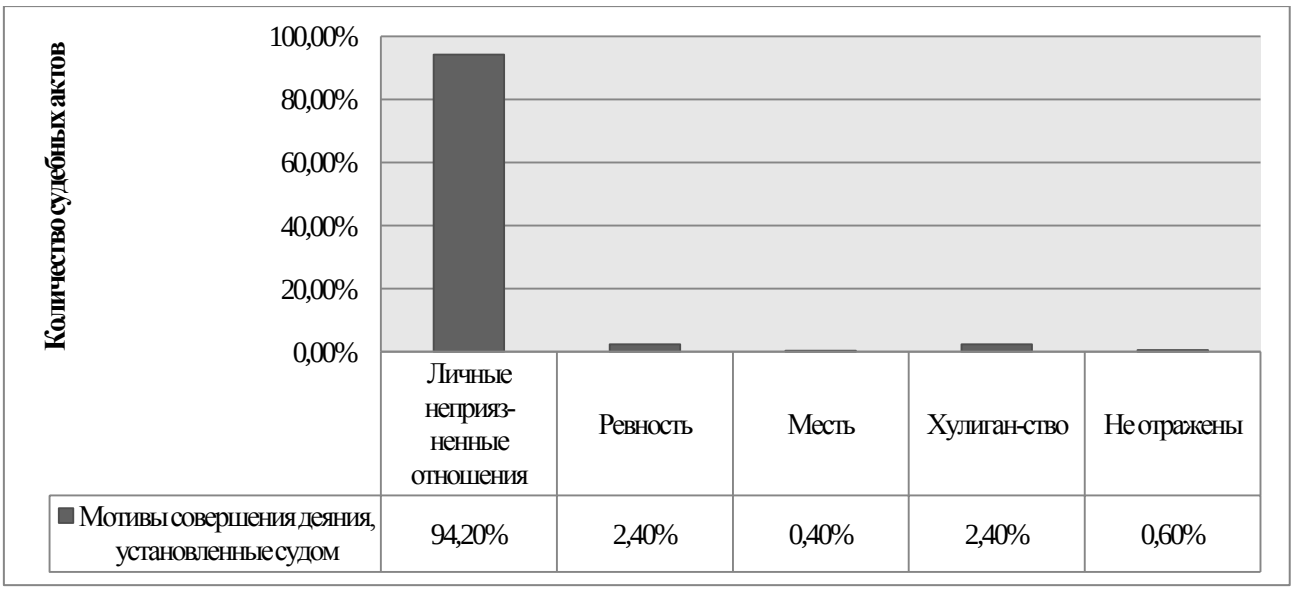

	Нож	Топор	Огне-стрель-ное оружие	Под-руч-ные сред-ства	Руки/ ноги подсу-димо-го	Сброс с высо-ты	Под-рыв грана-ты
Используемые подсудимыми орудия/оружие для причинения потерпевшим телесных повреждений	65,50%	10,30%	6,90%	15,50%	5,20%	1,70%	1,70%

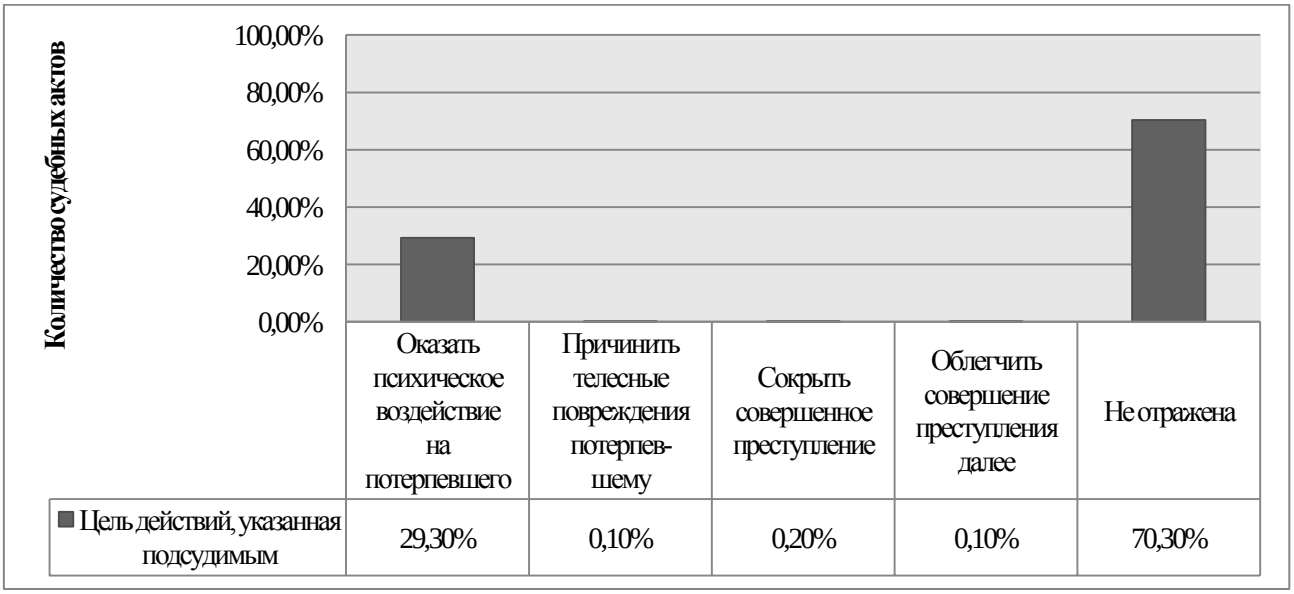
Приложение № 17. Характеристика субъективной стороны преступных деяний, оцененных судебными органами в первой условной группе судебных актов*.

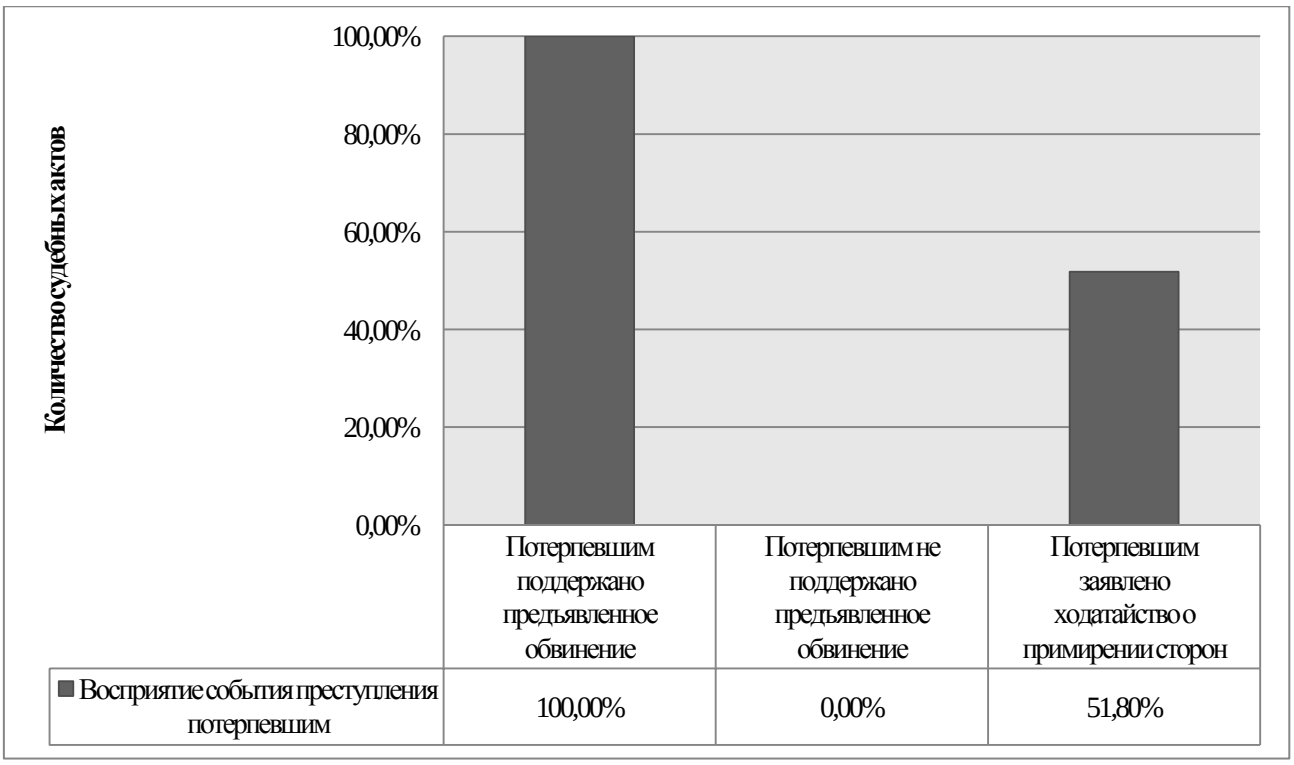
	На выражение угрозы	На причинение телесных повреждений	На совершение грабежа
Направленность умысла подсудимого, установленная судом	99,80%	0,10%	0,10%

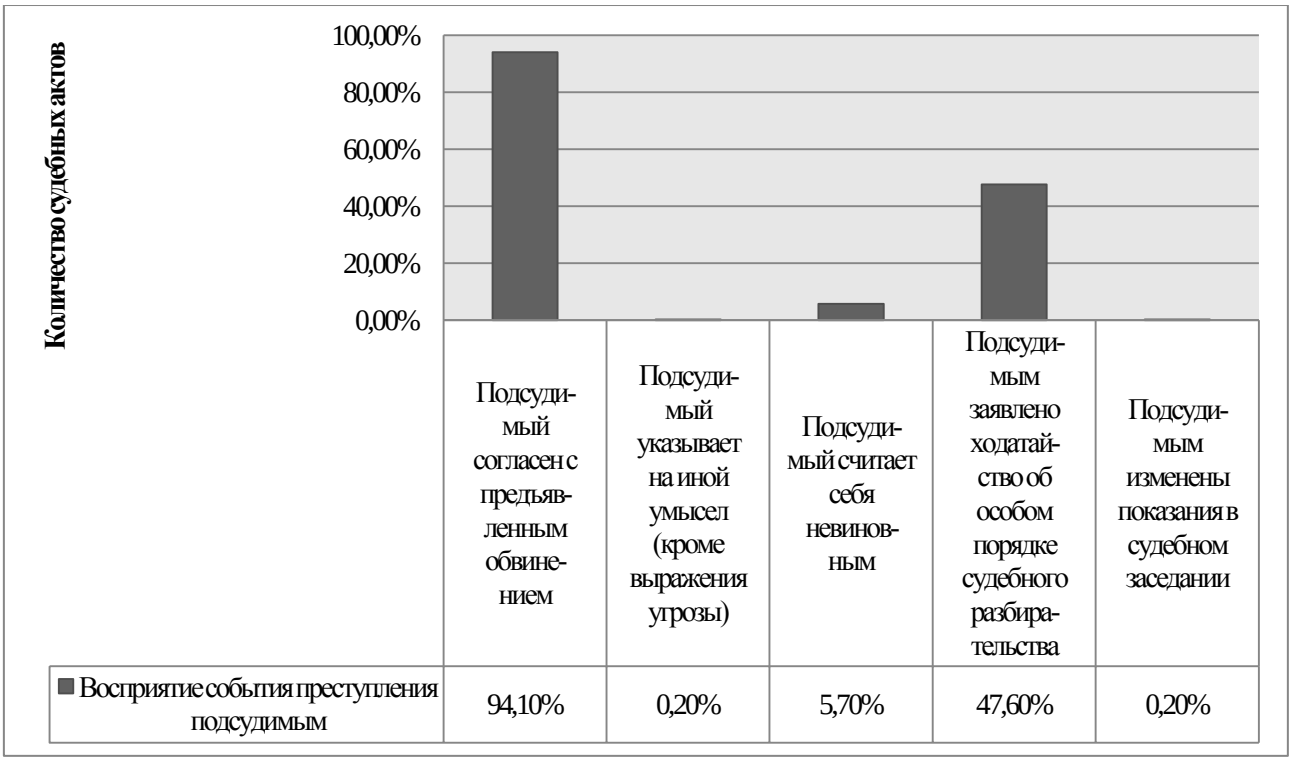

	Личные неприяз-ненные отношения	Ревность	Месть	Хулиган-ство	Не отражены
Мотивы совершения деяния, установленные судом	94,20%	2,40%	0,40%	2,40%	0,60%

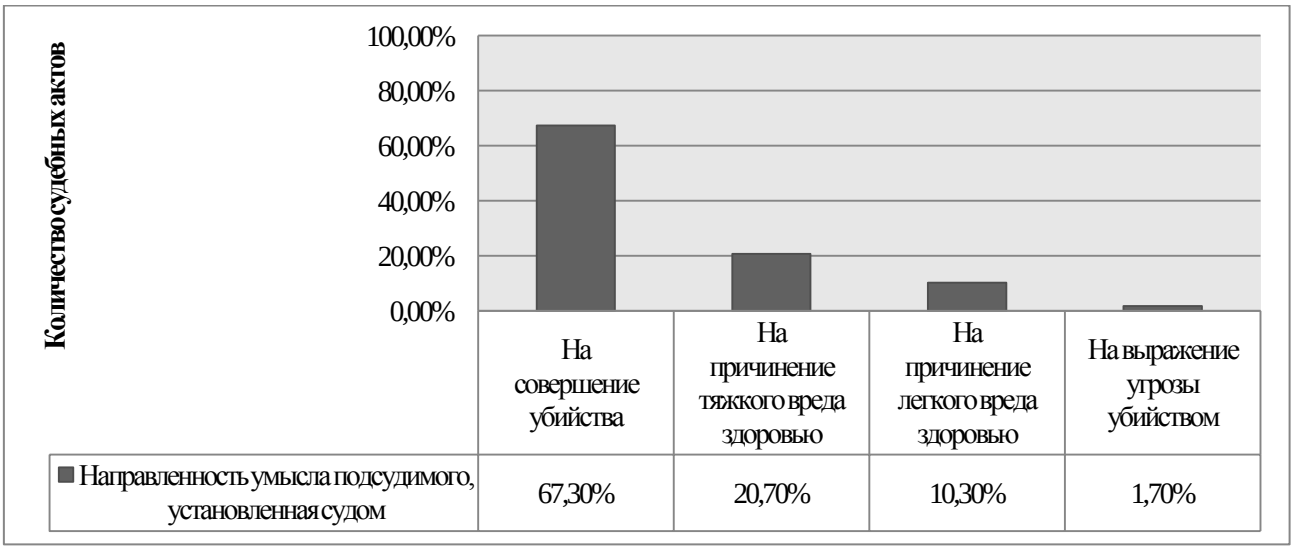
	Оказать психическое воздействие на потерпевшего	Причинить телесные повреждения потерпев-шему	Сокрыть совершенное преступление	Облегчить совершение преступления далее	Не отражена
Цель действий, указанная подсудимым	29,30%	0,10%	0,20%	0,10%	70,30%

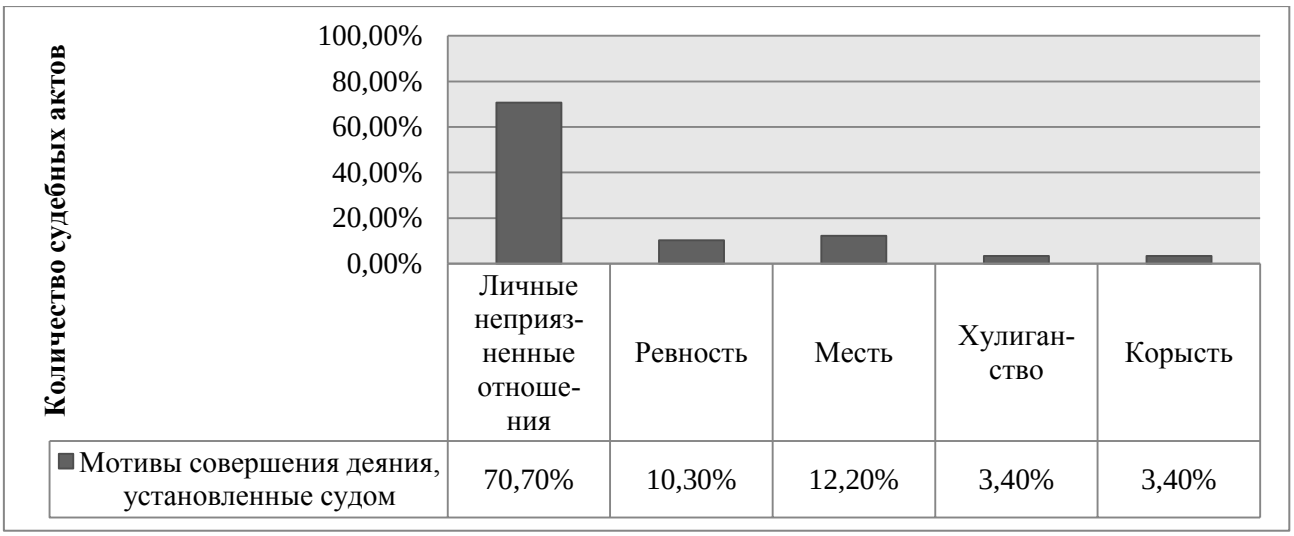

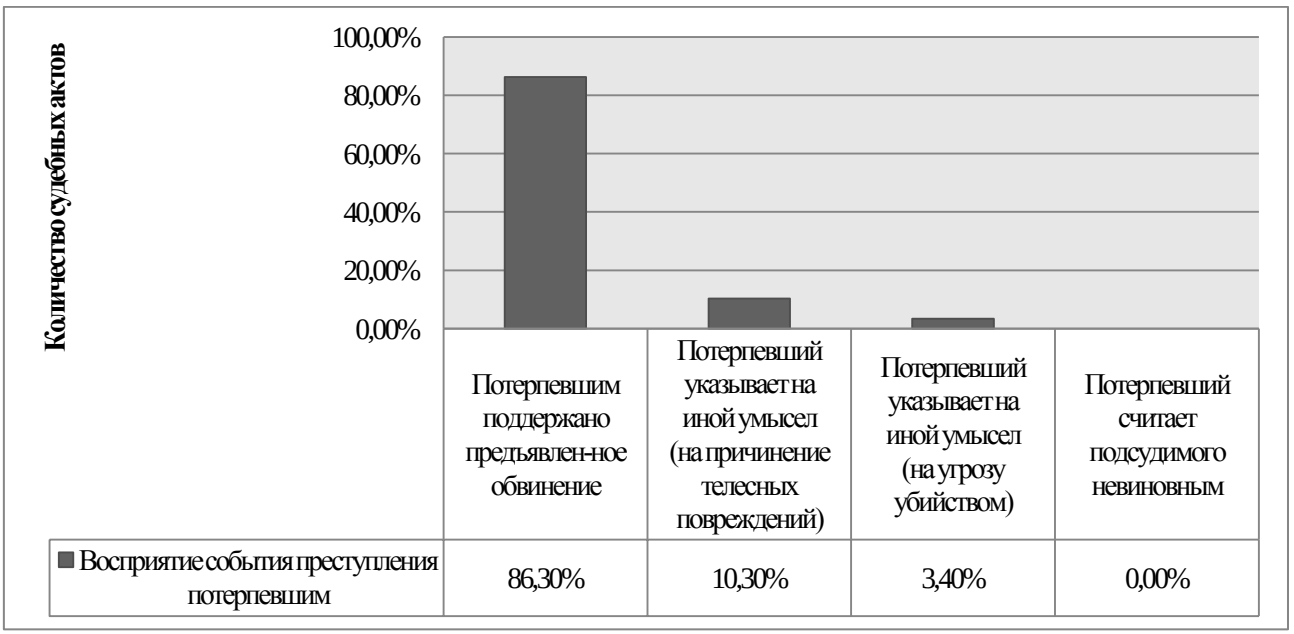

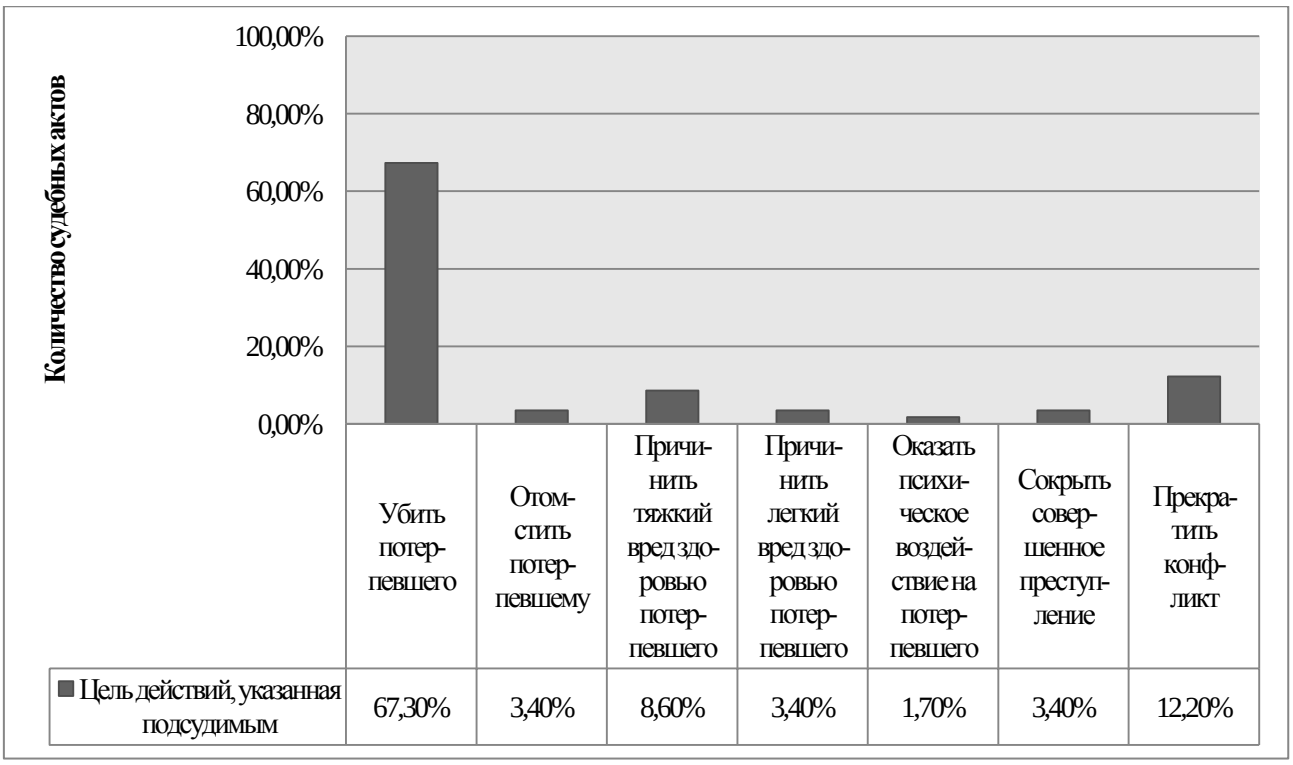
* В части совершения подсудимыми действий по выражению угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в адрес потерпевших.

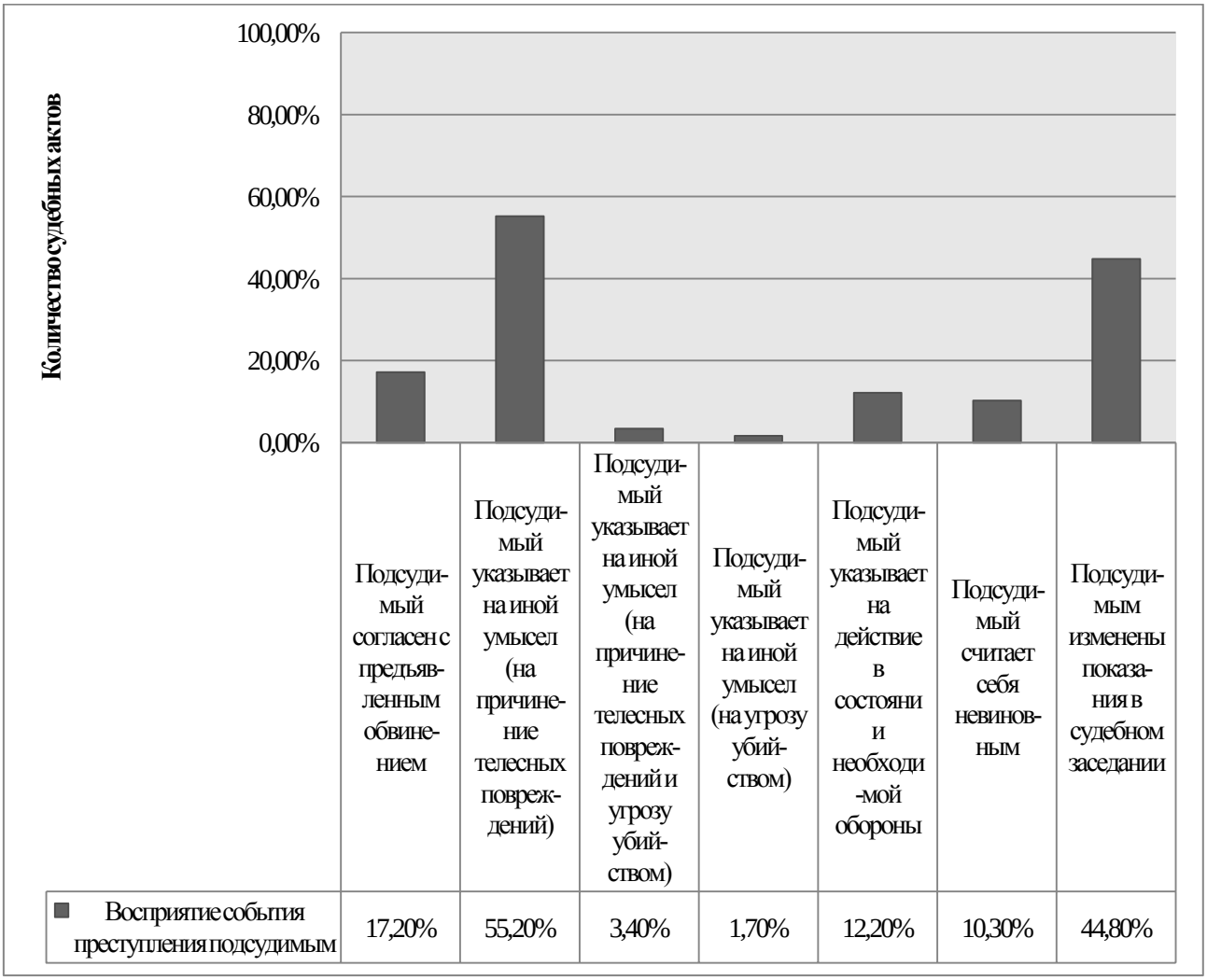
Приложение № 18. Характеристика субъективной стороны преступных деяний, оцененных судебными органами во второй условной группе судебных актов*.

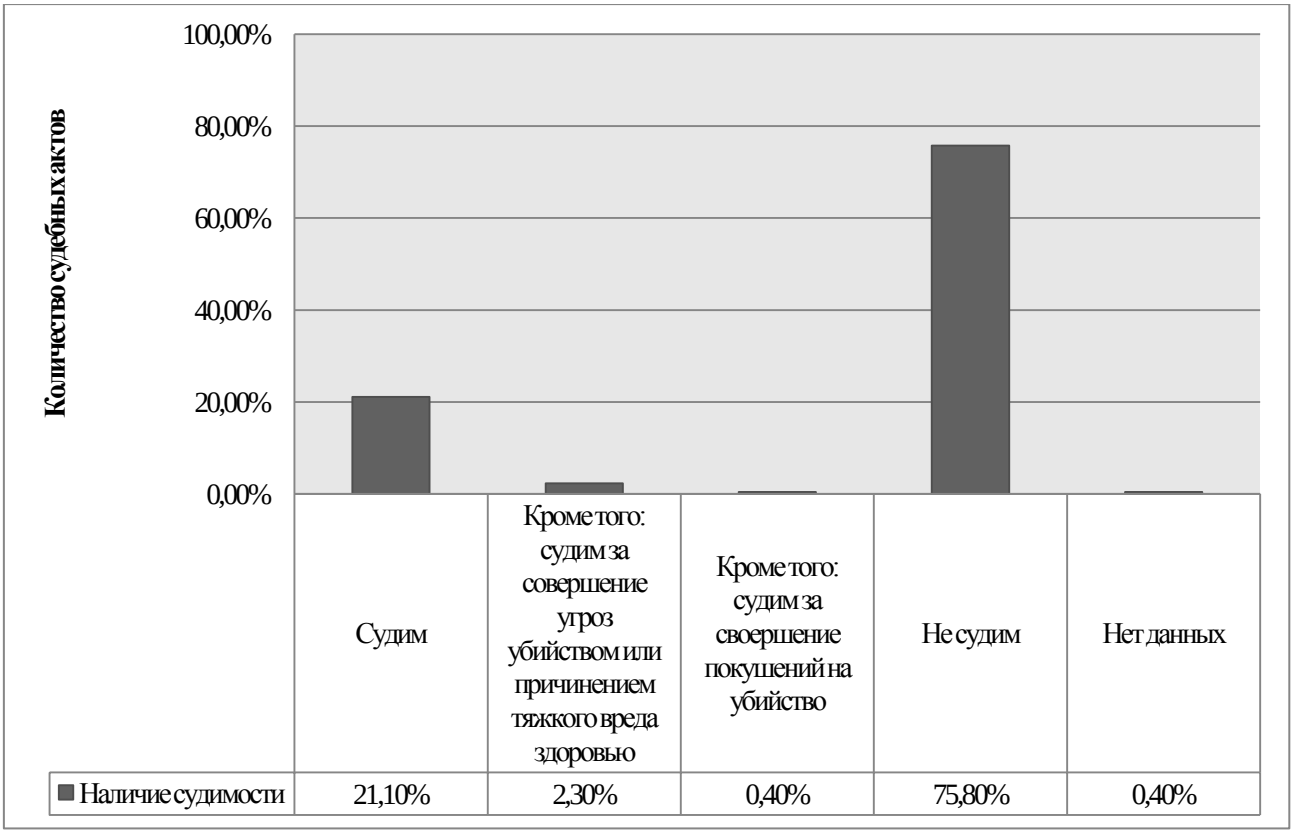

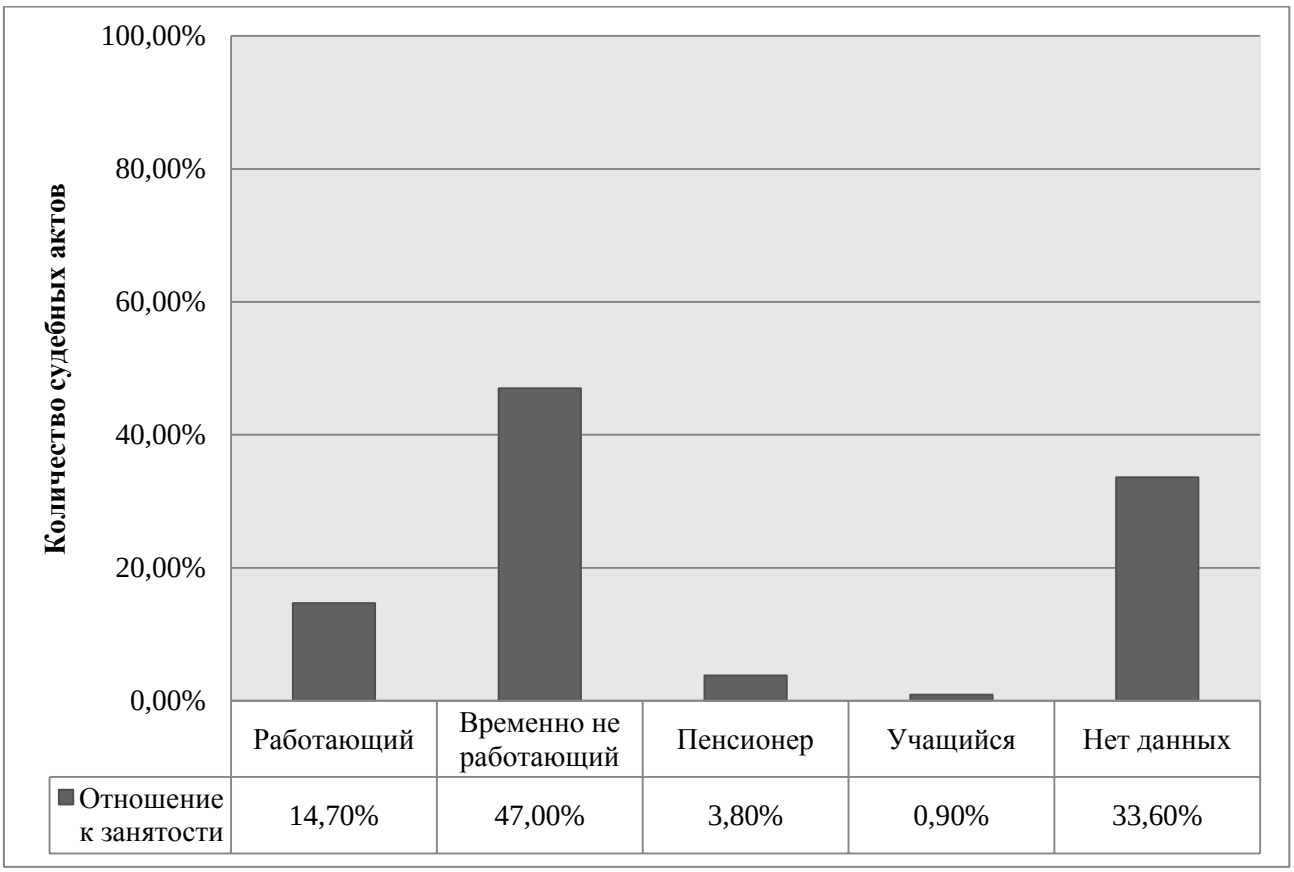

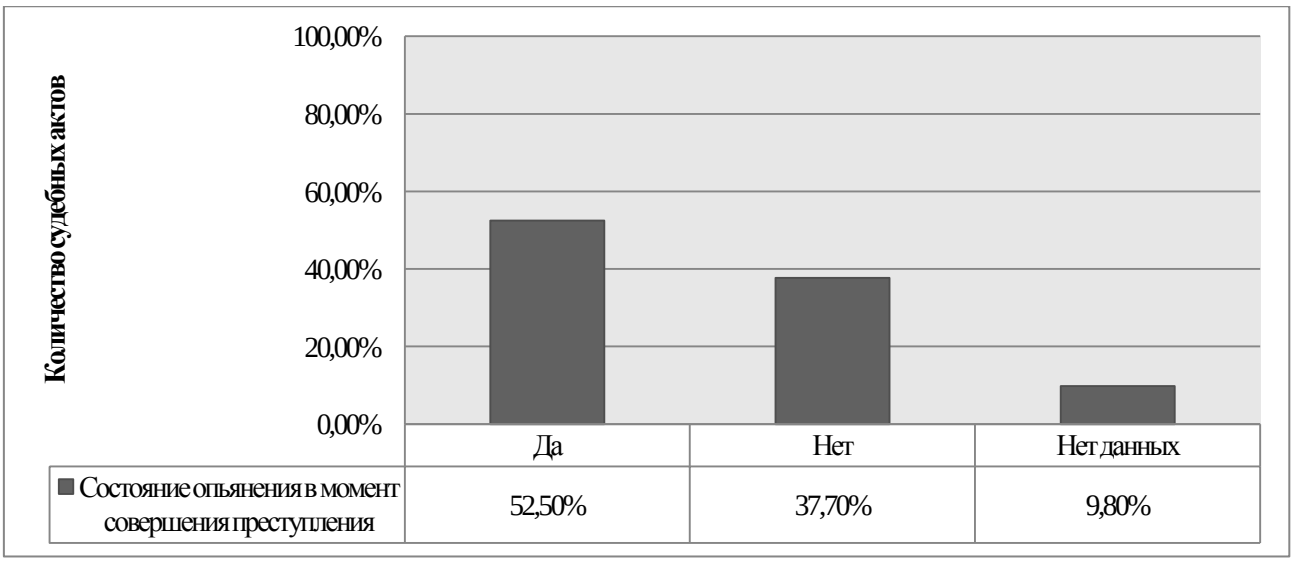

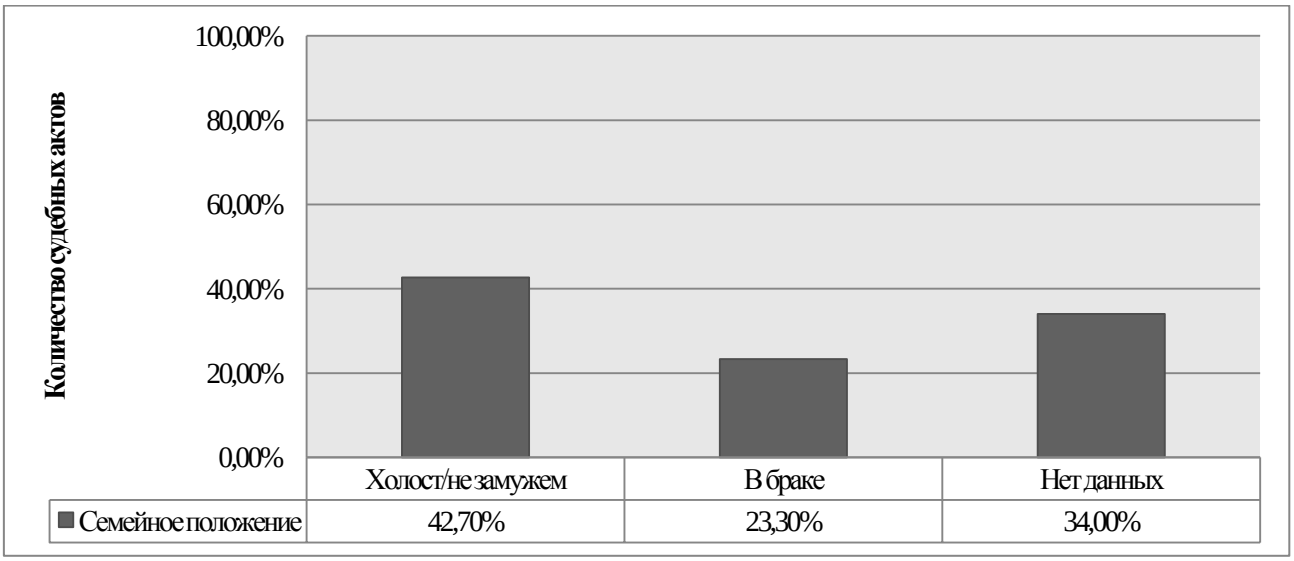
* В части совершения подсудимыми действий по причинению телесных повреждений потерпевшим.

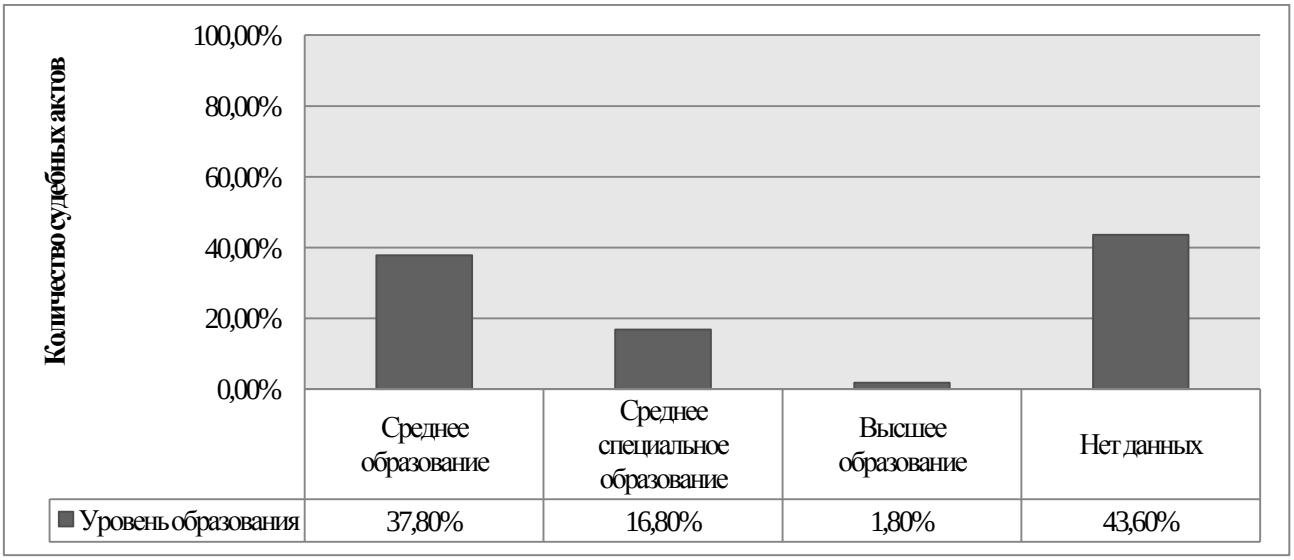
Приложение № 19. Характеристика субъектов преступных деяний, оцененных судебными органами в первой условной группе судебных актов.

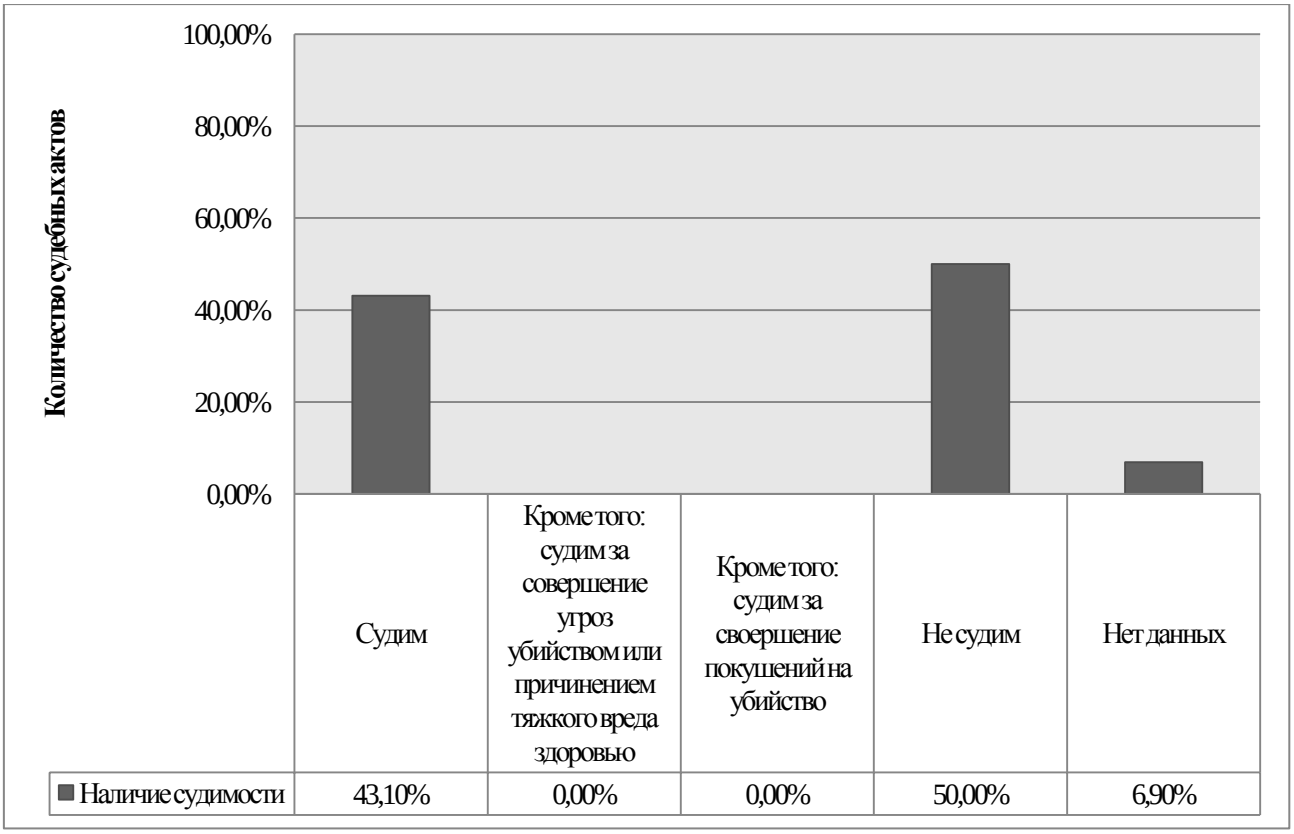

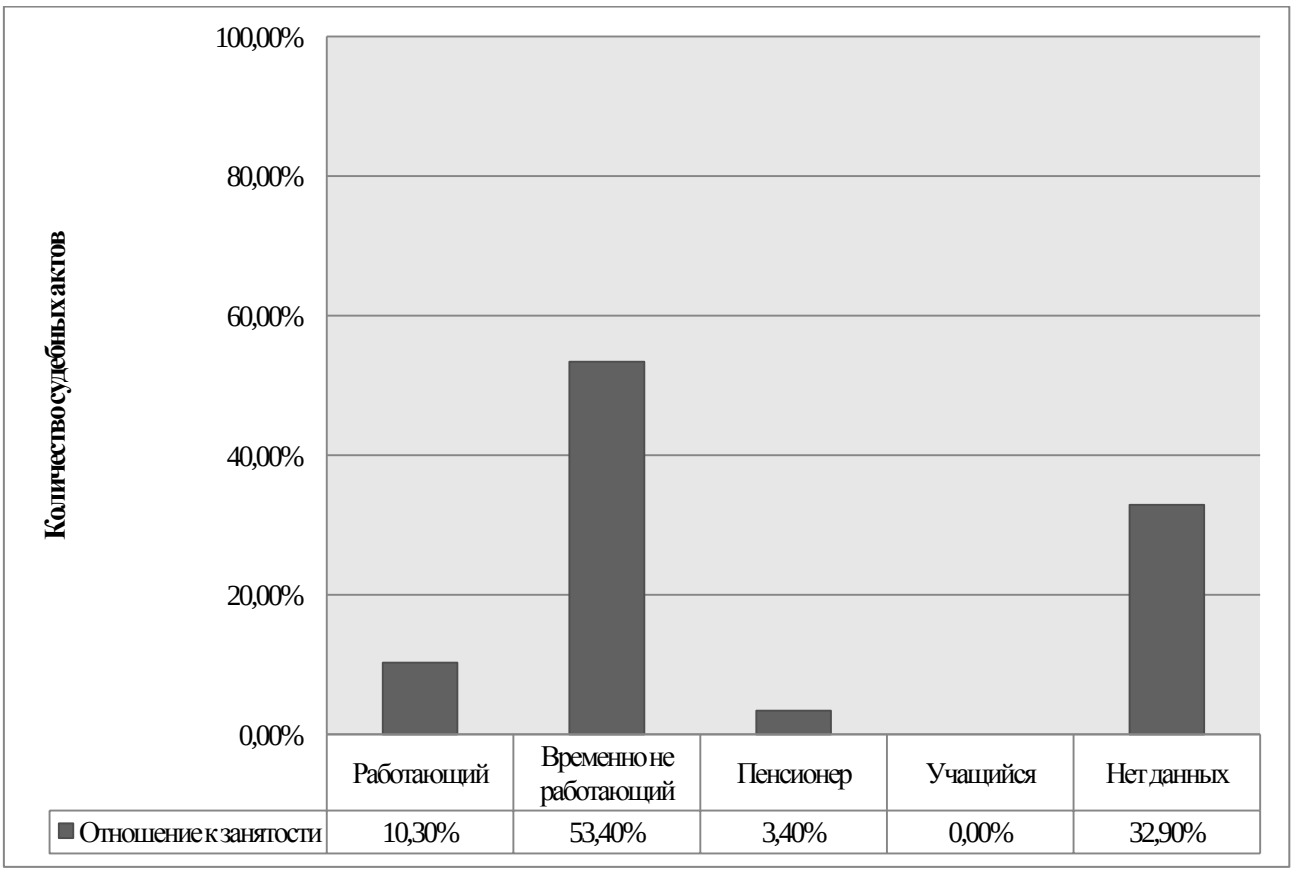

Количество судебных актов
100,00%
80,00%
60,00%
40,00%
20,00%
0,00%
Да
Нет
Нет данных
Состояние опьянения в момент совершения преступления
52,50%
37,70%
9,80%

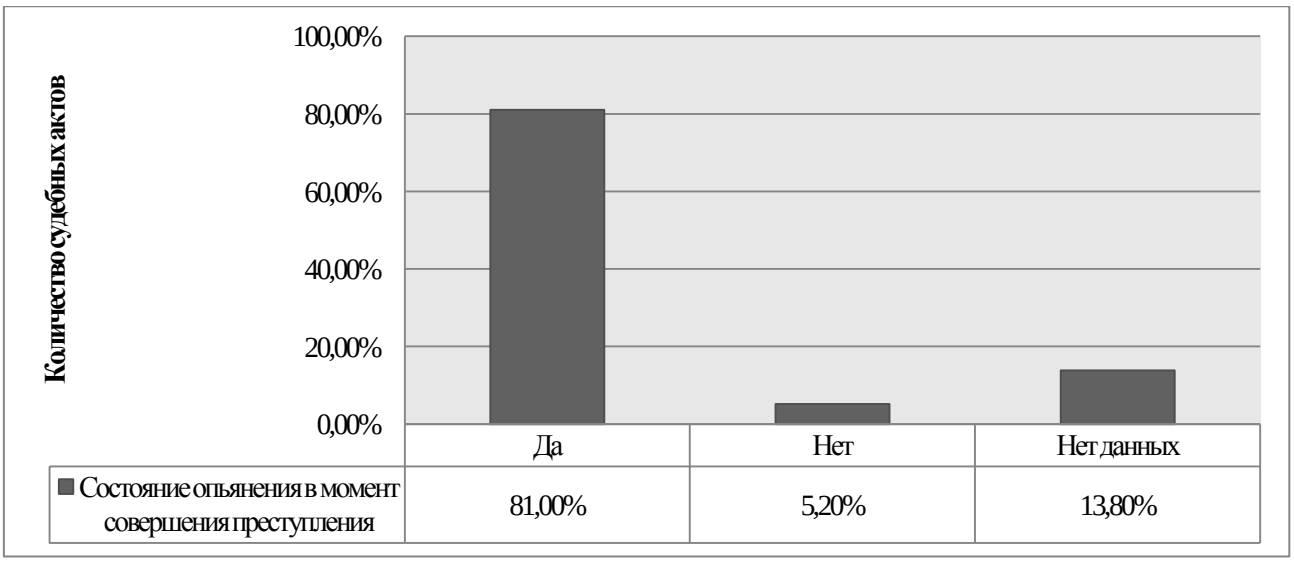

Количество судебных актов
100,00%
80,00%
60,00%
40,00%
20,00%
0,00%
Холост/не замужем
В браке
Нет данных
Семейное положение
42,70%
23,30%
34,00%

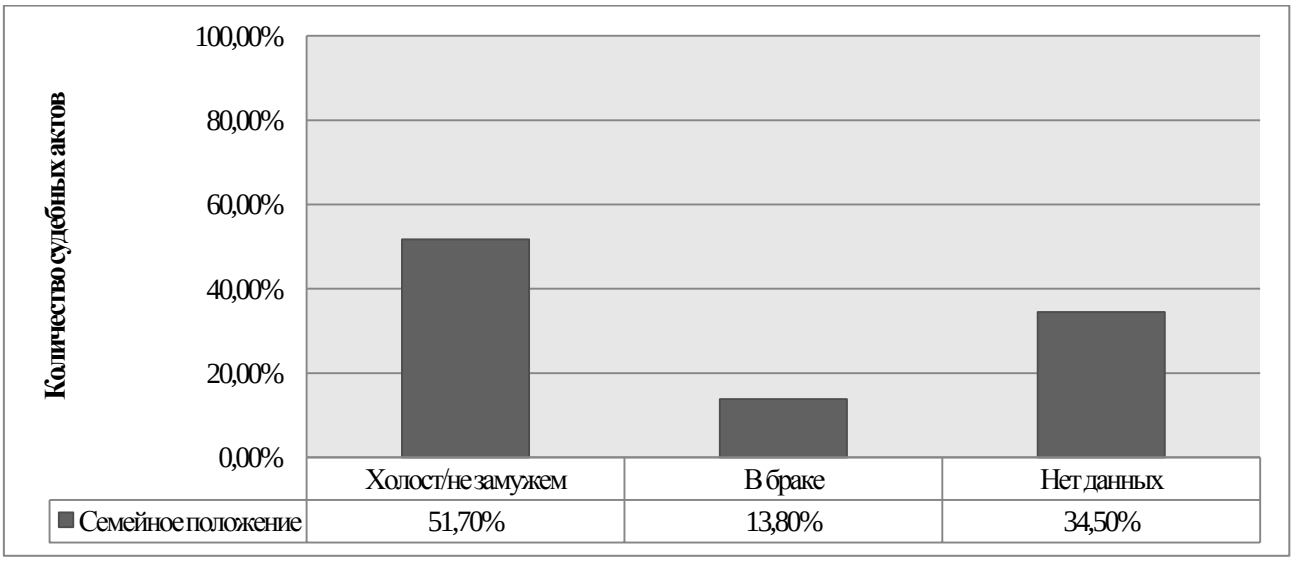

Количество судебных актов
100,00%
80,00%
60,00%
40,00%
20,00%
0,00%
Среднее образование
Среднее специальное образование
Высшее образование
Нет данных
Уровень образования
37,80%
16,80%
1,80%
43,60%

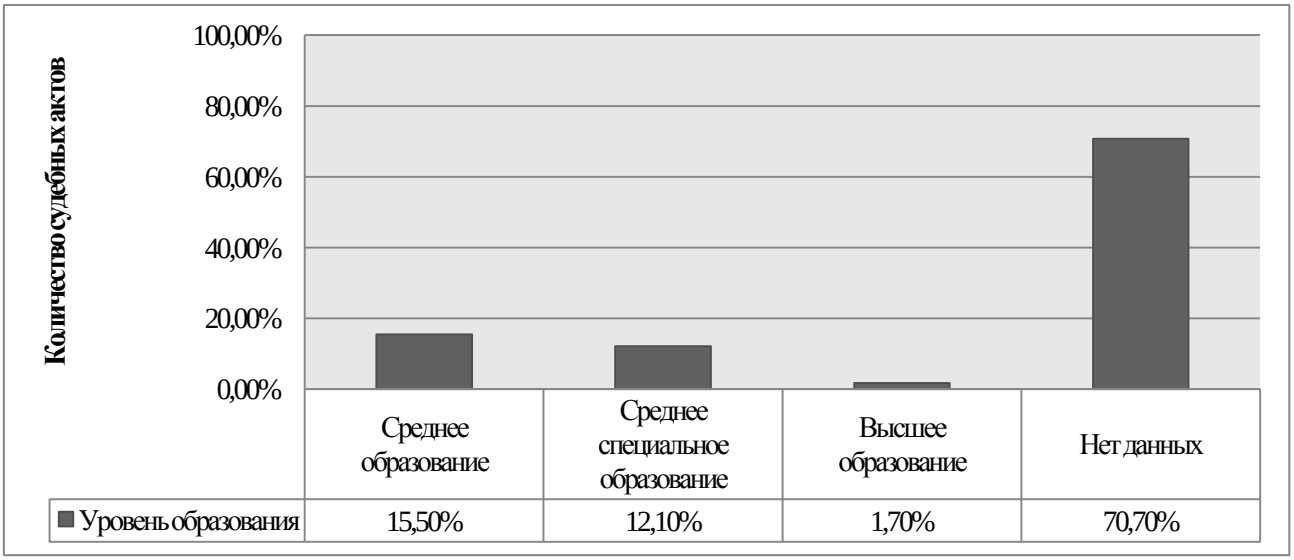
Приложение № 20. Характеристика субъектов преступных деяний, оцененных судебными органами во второй условной группе судебных актов.

Количество судебных актов
100,00%
80,00%
60,00%
40,00%
20,00%
0,00%
Да
Нет
Нет данных
Состояние опьянения в момент совершения преступления
81,00%
5,20%
13,80%

Количество судебных актов
100,00%
80,00%
60,00%
40,00%
20,00%
0,00%
Холост/не замужем
В браке
Нет данных
Семейное положение
51,70%
13,80%
34,50%

Количество судебных актов
100,00%
80,00%
60,00%
40,00%
20,00%
0,00%
Среднее образование
Среднее специальное образование
Высшее образование
Нет данных
Уровень образования
15,50%
12,10%
1,70%
70,70%